Одесский
альманах

№53

II / 2013

ДЕРИБАСОВСКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

От редакции

Не так давно в нашей серии «Одесская библиотека» увидел свет том, посвященный одесскому периоду творчества Константина Паустовского, в который вошли его произведения, написанные как в нашем городе (в 20-е годы минувшего столетия), так и созданные позже по одесским воспоминаниям. Есть среди них и рассказы о морских путешествиях по Понту Эвксинскому (так называли Черное море эллины), в том числе и по следам легендарных аргонавтов, которые совершили поход в древнюю Колхиду (ныне – побережье Аджарии), где хранилось драгоценное Золотое руно.

В мае 2013 года по этому маршруту – из Одессы в Батуми – отправятся литераторы России и Украины, а также из других стран. На сей раз не на парусном «Арго», не на стареньком пароходе, на котором плыл Паустовский, а на крупнейшем в мире пароме «Грейфсвальд». В Батуми они встретятся с грузинскими коллегами. Нужно ли говорить о том, что Золотое руно – это всеобщее наше достояние: литература, культура, искусство.

Но до того как начнется морское путешествие, в Одессе состоится открытие Международного литературного фестиваля, участники которого и составят писательский экипаж парома. Такие творческие встречи стали традиционными, и в этом заслуга организаторов – московского журнала «Октябрь» (редактор Ирина Барметова) и одесского Литературного музея (директор Татьяна Липтуга).

Столь масштабные и представительные события в культурной жизни наших стран были бы невозможны без участия просвещенных партнеров и меценатов – АО «ПЛАСКЕ» (президент Олег Платонов), судоходной компании «Укрферри» (президент Александр Курлянд), народного депутата Украины Сергея Гриневецкого.

Опять же по традиции, «Дерибасовская – Ришельевская публикует к началу творческих встреч подборку произведений участников международных фестивалей – авторов «Октября» (благодарим коллег за предоставленные материалы) и нашего альманаха. Нынешний номер открывается специальным разделом, а в одном из последующих мы с московскими партнерами опубликуем в наших изданиях творческие впечатления литераторов, совершивших поход за Золотым руном.

Литературный фестиваль посвящен трем событиям в мире высокой литературы, связанным с Одессой: 120-летию Владимира Маяковского, который не только бывал в Южной Пальмире, но посвятил ей дивные стихи, 85-й годовщине выхода в свет романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова «12 стульев» и сказки Юрия Олеши «Три толстяка».

И еще о трех важных свидетельствах проявления уважения к памяти наших выдающихся земляков. В апреле в Одессе были открыты бронзовая композиция «Серебряный век» (Сад скульптур Литературного музея), мемориальные доски в честь поэта и переводчика Семена Липкина (Пушкинская, 34, дом, где он родился) и братьев Катаевых (Пантелеймоновская, 13, здание гимназии, в которой они учились).

Надежду на то, что культурные и литературные традиции нашего города не прерываются, а память о тех, кто их закладывал, будет передаваться последующим поколениям, вселяет то, что катаевская доска установлена по инициативе учащихся школы-интерната № 2, которые, к тому же, и собрали деньги на ее создание.

Юрий Арабов

Перемена погоды

Несколько штормов

О. К.

1

Море идет на тебя волной,
подшив с изнанки себя фольгой.
Прибой, как вафли, печет волну,
кладя, как снайпер, одна в одну.

Бильярдный мастер и ас стрельбы,
постигнув чувством нарез резьбы,
стреляют мимо, но пуля их
бьет, хоть и криво, мишень под дых.

Луна притягивает волну,
бросая сверху ее ко дну.
Когда ж сдувается, словно мяч,
волна меняет разгон на скач.

Галоп – на цыпочки, а потом
ленивым пятится вспять котом.
Оно наелось за эти дни
камнями, баржами и людьми.
Надеждой тихой на полный штиль…
Оно, объевшись, уходит в тыл.
Оно у Бога сейчас в руках,
и Бог меняет азарт на страх.

2

Корабли, как сломанные лекала,
падают в складку волн.
Потому что любовники, спрятанные под одеялом,
создают на поверхности сильный шторм.
Страсть их обоих – двенадцать баллов,
и море здесь ни при чем.

Когда же уляжется эта страсть,
придет безветрие, полный штиль.
Море, не знающее, где упасть,
из себя выталкивает утиль:
резинки, лифчики на меху
и все, что примазывается к греху.

Родятся дети. Одни из них косяком
заходят в сеть, не успев вздохнуть.
Другие, балуясь косяком,
идут сверхсрочником в глубину.
Там у былинных глухих существ
они строят норы из антивеществ.

Дельфин – архангел из черной глыбы –
хранит ставриду от крупной рыбы.
Но проблема в том, что дельфинов съели.
Болгары выбили их на мели,
они не могут не есть от пуза,
и это проблема для Евросоюза.

Болгары гмыркают в седой волне.
Они так плавают, словно кол.
Их можно всегда отыскать на дне,
если доверишься воле волн.

Им страшно море, когда оно
шумит, как вечность, а русский здесь
всё бродит, розовый, как вино,

и за дельфинов готовит месть.
Герои Шипки встают из скал
и перед боем закуривают «Опал».

3

Есть болгары и есть протоболгары.
Их предводитель – хан Аспарух.
Они шли из Казани на здешние скалы.
Море им не понравилось, потому что в море плывут.
Ну и сидели бы у себя в курултае,
а здесь бы греки выпили весь «Мавруд».

Бремя выпитого вина
равняется бремени сокрушительного пожара,
где старт бежит впереди бегуна,
как написал бы про это Жданов.
Вино зовет на поминки тех,
кто пил, как море, один за всех.

4

На улице Шипки пустые стулья
стоят, где брошенные дома.
Как будто бы затрутневели ульи
и пчелы-трудяги вылетели умирать.
Я захожу в нежилой дом
и сажусь, как призрак, на пустой стул.
И чувствую – это не мой объем,
этот – велик, ну а тот сутул.

Здесь долго сидели и пили люди,
может быть, даже мои друзья.
Осколки валяющейся посуды –
бомбоубежище для муравья.

На этом, может, ругались всуе,
на том сидели, любя, вдвоем…
Чтобы почувствовать жизнь чужую,
просто впишитесь в чужой объем,

а потом убегайте с билетом до Барнаула…
Мимолетная магия – свойство пустого стула.

5

Нужно лететь. Море зализывает воронки,
как после точечной бомбардировки.
С пляжа свозят шезлонги, и их скелет
напомнит о мясе, кого здесь нет,
кто был поджарен в своих сюжетах.
Барашки с надписями на манжетах
уносят перечни адресов
к престолу Ангела Полюсов.

Москва

Тина Арсеньева

Из цикла «Благослови мимоидущего»

* * *

A time to be reaping,
A time to be sowing…

На последней заставе прохладного детского рая
Мириады секунд, утрамбованных в горстке песка,
Попирает ребячья стопа, и земля не сырая,
И нисколько не хочется верить, что осень близка,

И навыкшей душе не без умысла нынче не внятен
Тополиной мольбы шепоток, огорчающий высь.
На песчаной околице рая несчитано вмятин
Человечьих следов, и не вдруг разберешь: «Лъто бысть»…

То-то – было, но, как говорила мне бабка, на воды
Помочился, коней придержав, громовержец Илья…
Прощевай, раеванье! Пески всем разводьям – разводы
Объявляют, и певчие птицы не имут жилья.

Вот и год, отзвенев, черепковым ложится Трипольем
В недрах памяти: было ли, не было, – ржавы ключи!..
Вот и вся эта жизнь уместилась в размахе топольем,
Вот и вся наша мысль промелькнула зарницей в ночи.

Вот и вся тебе, значит, баллада о зелени лета –
В шатком коловращеньи, в уколе алмазной иглы, –

Слушай, девочка, сызнова, слушай: нища твоя лепта
В эту правду, – ты слушай, во тьмы израстая из мглы.

В тьмы и в темы людские – но, теменем, долго и тщетно,
В недоступные, взапуски с тополем, выси всходя,
Слышишь, девочка, слушай, – о, небо к послушливым щедро! –
Поминальный канон в бормотаньи листвы и дождя.

* * *

И пошел отсчет последних дней
О медвяной Спасовой поре;
Мелкой дрожью рейдовых огней
Горизонт ответствует жаре.

Но ее заржавели тиски,
И шалашный рай идет на слом,
Где бульвара гулкие бруски
Метят бриз октановым числом;

Где геенны красное стило,
Очертив, обуглило слегка
Сросшиеся в синее крыло
Над колодцем солнца облака…

Спасовый успенья обиняк!
Бережный искус последних крох…
Душной ночью мчится молодняк
Урывать Эдема смертный вздох.

И поди, ту песню оборви,
И смоги не знать наверняка,
Как недолги радости любви,
Но зато печали – на века…

* * *

Где я была? Нигде, но где-то на земле,
Неважно, где. Ну, хмыкни и плечами
Пожми. – Но знай, не стать моими палачами
Моим годам, и хлеб не черствый на столе.

А я прониклась вдруг, что выгляжу смешно,
В конечном счете, что живу небрежно, –
Для тех же, кто любим, приберегаю нежно
Нездешний терпкий дар, кастильское вино.

А ты, свой проложив фарватер бытия,
Не трать напрасно лоцманских усилий
На бедный блудный челн, чей вызов бурям сивым
Беспомощен и зол, как вымпел: «Я есмь я!».

Куда стремлюсь? Небось, куда и все. Жива,
Да не в пору. А если ты умелец
Жить – все равно: давай – за крылья мельниц…
Как пьет из ран земли сезонная трава.

Одесса

Александр Архангельский

Герой Второго Уровня: фрагмент пропущенной главы

В первоначальном варианте романа, опубликованного журналом «Октябрь» в 10 и 11 номерах 2012 года, герой, Павел Саларьев, был изображен активным блогером; реальное действие перебивалось его полупридуманной автобиографией, которой он делился в своем ЖЖ. То есть он сочинял не только виртуальные музеи, но и свою собственную жизнь. В какой-то момент стало ясно, что эта линия мешает развитию сюжета, и она была сокращена. Но глава осталась; пришла пора ее опубликовать. Пока хотя бы первый фрагмент из нее.

Автор

1

«Врать я начал в третьем классе. Или во втором. Не помню.

Я жил у бабули и деда и был типичным бабушкиным сыном. Мама с папой разошлись году, наверное, в семидесятом: мне только что исполнилось четыре. Мама занялась устройством личной жизни; виделись мы с ней по воскресеньям, не всегда. А папа – тот женился сразу и заезжал за мною по субботам.

В теплые дни он появлялся в белой сетчатой маечке, дырчатой бежевой шляпе и потертых сандалиях. Авоську оттягивал футбольный мяч. Трамвай звенел на поворотах; в одно и то же время на одном и том же месте, возле парка, мы обгоняли коняшку молочника. Она тянула возок с помятыми бидонами, вскидывала голову и будто говорила: здравствуй, Паша! Я отвечал ей: здравствуй, лошадь! На загаженном приморском стадионе мы искали пустую площадку, по очереди вставали на ворота, потом водой из фонтанчика смывали пот, перемешанный с пылью, в буфете ели бутерброды с колбасой, раскатывая языком по нёбу

кругляши сладковатого толстого жира, и шли назад, к трамвайной остановке.

Зима и начало весны были сырыми и серыми. Вдоль дорожной канавы, под кустами пожухлой акации, стелилась дымка, угукали горлицы. У…хуу-ху! У…хуу-ху! Внезапно начинался мелкий дождь, за дождем бежал приблудный ветер, становилось неуютно и промозгло. Куда было податься с папой? Только в кино, на дневной сеанс.

Фантомас включал сцепление, машина выпускала крылья и взлетала, Анжелика целовалась с королем, и тот сжимал ей розовую грудь (папа ерзал, я смущенно замирал), Гойко Митич был вождь краснокожих, а белые братья снимали с индейцев скальпы, и вид свежевывороченного мяса на макушке, с белой сетью нервных окончаний, разбросанных, как червячки поверх гнилой морковки, отталкивал и влек одновременно.

Однажды мы попали на советскую комедию. Молодой милицейский начальник все время появлялся перемотанный бинтами. И на вопрос, что это с вами, отвечал небрежно: «А, пустяки, бандитская пуля». Мы с папой смеялись до полного сипа, дышать было нечем. После фильма папа сказал: есть идея. И повел меня в аптеку, где кисло пахло скипидарной мазью и ржавыми каплями датского короля.

Дверь открыла бабуля в линялом зеленом халате, из-под которого торчали розовые кружавчики комбинашки. Перед ней стояли два израненных героя: у меня был плотно забинтован лоб, у папы рука висела на перевязи, и от нас разило свежим йодом.

Бабуля должна была спросить: что это с вами? А мы ответили бы: так, ерунда, бандитская пуля. Вместо этого она тонко сказала «ой» и грузно села на старинный сундук, стоявший возле входа. На лбу, на висках и над верхней губой у нее проступили капли пота. Крохотные; их было очень много, как будто прыснули водой для глажки.

– Кто? – спросила бабушка. – Где?

И слабо позвала:

– Дееед, валокордину.

Папа срочно вынул руку из перевязи, присел на корточки, погладил бабушкино толстое колено и виновато объяснил, как было все здорово придумано.

Дед мрачно сказал:

– Был ты, Савва, дурак. Дурак и остался.

Я так и вижу деда: узкая лысина, длинное жилистое тело, глуховатый мокротный голос… И слышу бабушкин голос: она все время бормотала старые стихи. Сидит, вышивает и шепчет.

Сливу зубками она обвила узором точек. Мне она сказала «на», откусив сама кусочек. О, святые времена! Мне она сказала «на»!

А маму Нину я помню только летом. Приезжала она – если приезжала – к десяти. Бабушка завешивала окна вымоченными простынями; вместе с мокрой прохладой в наш домик проникали надежные запахи хозяйственного мыла и кисловатой синьки; о мамином приходе мне сообщал сквозняк. И было море. И песок. И пляж, засиженный приезжими. Все хорошие места успевали занять курортники, приходилось расстилать покрывало под нависающим выступом кургана. Он напоминал огромное подгрызенное яблоко подгнившего кислого цвета. Когда на выступ кто-то забирался, сверху сыпалась сухая пыль.

Пляжный песок был желтый и тяжелый; море глинистое, мелкое, горячее. Даже мне приходилось идти и идти, пока вода становилась по горло. Сверху было все так же тепло, а внизу, под животом, прохладно. Я нырял, приоткрывал глаза, и сквозь желтую муть различал сарделистые ляжки толстых женщин и белые детские попы с осьминожьими отростками ног. Когда в ушах начинало гудеть, возвращался на подстилку, клал мокрую голову на мамин горячий живот и ощущал, как дрожит и покрывается пупырышками ее мягкая кожа. Мама Нина запускала руку в мою шевелюру и молча, как песика, почесывала. Мне хотелось сдвинуться повыше, там, где податливая грудь, но я не решался.

Проходило пять минут, и мама Нина спрашивала – всякий раз одно и то же.

– Расскажи мне, Пашуня, как жизнь молодая.

Мамин голос звучал глубоко и влажно, но сама она была как будто бы не здесь. Я отвечал губами в живот, почти целуя. Хорошо живу; дочитал вот про Тему и Жучку; Витьке попали камнем в висок, и он говорит, что в армии служить не сможет… Но ни мне, ни маме ответ был не нужен. Мне ее было – мало. Она была где-

то там, высоко. Я хотел, чтобы она спустилась ко мне, на землю. И однажды ответил:

– Плохо, мама Нина.

– А что у нас такое?

– Меня дееда с бабкой обижают! – жалость к самому себе накатила снизу, из солнечного сплетения, поднялась по пищеводу в горло, надавила на глазные яблоки, и мамина кожа стала соленой и мокрой. Я ее лизнул, заранее зная, о чем меня сейчас спросят, и придумывая, что же такое сказать.

– Это что-то новенькое, Павел. Как же они тебя обижают? Да не лижи ты меня! Фу, как собака.

– Мамочка, я тебя огорчить боялся!

– Ну что, что такое?

Я никогда не врал, потому что не умел придумать. Даже когда меня ловили на месте преступления и задавали строгие вопросы: правда ли, Пашуня, что… – я тупо замолкал, отклячивал нижнюю губу и опускал глаза. Но в этот день что-то во мне свернулось, как сворачивается вентиль у медного крана. В глазах потемнело; я словно бы увидел самого себя.

На уличной газовой горелке стояло наше темно-зеленое ведро.

Кипящая вода стекала по стенке, оставляя мутный след; тяжелая и потная бабуля придавливала крышку, но как только отпускала, крышку тут же вздыбливала алая холка огромного рака, колючий ус и мощная клешня выпрастывались наружу; вода опять убегала за край…

Вот мы уже сидим за столом под шелковицей, раки дымятся в огромной миске, скользко пахнет раскаленная клеенка; господи, как же мне хочется рака, вот этого, большого, темно-красного, в шершавом панцире, с приставшим лавровым листом! Но бабушка кладет мне маленького, жалкого, с оторванной клешней, а большого целенького отдает соседскому Вовану. И дедушка еще зачем-то говорит: «Пашуля, не ширяй глазами, смотри в свою тарелку...».

Я уже рыдаю вголос. Ничего такого не было, а ведь как будто было! Нужно только подобрать слова – и они приходят, из какой-то старой книжки.

– Меня попрекают кускооом! Я на казенных харчаааах! Они жадные, жадные, жадные!

Мамина рука замерла в моей шевелюре; пальцы сжались, стало больно и приятно; мама Нина молча плакала. От любви и жалости ко мне.

Когда мы вернулись домой, в дверях нас обдало горячим запахом печеного теста и сладостью давленой вишни. На кухонном столе стояла желтая миска с кроваво-темными косточками. Бабушка была в трусах и лифчике; складки весело свисали, как у бегемота в зоопарке.

– Харлампиевна, пожалуйста, накиньте что-нибудь! И надо нам поговорить. А ты ступай отсюда, – это мне.

В животе образовалась пустота, все во мне ухнуло вниз, коленки затряслись. Соврать-то я соврал, а что дальше будет, не подумал… Из-за плотно прикрытой двери доносилось: я же денег даю… какие такие раки… Нинка, ты чего несешь…

Меня нашли среди недозрелой жердели – так мы на юге называли абрикос. Здесь был мой командный пункт: доска на скрещении чешуйчатых веток, подушка, набитая ватой, и косая крыша, прикрывающая от дождя, из черного толя, вонючего, как жженая смола.

– Слезай, – сказала бабуля.

Сверху мне она казалась сплющенной. Был виден нос картошкой, два серых глаза навыкате, под ними тут же начиналась грудь, из-под груди выползал живот. Деда был длинный и плоский. Я смотрел ему в ноздри и думал, как же он так дышит сквозь густые белые волосы в носу.

– Не слезу.

– Слезай. Пироги испеклись.

Мама Нина не приезжала ко мне три недели подряд».

Кудряво врете. Продолжайте в том же духе.

Всем! всем! всем! Певица Алсу НЕ разводилась с мужем Яном! Передайте всем, прошу вас, и не баньте меня! Это не спам, поверьте! Я просто люблю Алсу и хочу, чтобы все узнали правду.

Москва

Дмитрий Бак

«Не дотянуться до нового солнца...»

* * *

Ветер толкает снаружи окно
солнечным утром предбывшего Рима,
многое, как в теореме, дано
только в той мере, как необходимо
знать о дуге, поворотом крутым
соединяющей два горизонта:
в точке, где, тесно сомкнувшись, стоим, –
не дотянуться до нового солнца;

но проявляется мутный чертеж
утра и лета Господнего anno
Domini номер одиннадцать; ждешь
нет, не от Павла, а от Иоанна
шепота раннего, плача звезде,
слова, касания первого, – снится,
наше дитя; дотянувшись до стен,
тихо толкает пустые границы
влажно-прозрачные там, изнутри,
внутренним взором до зрения – точно
видя и слыша, что́ мы говорим
в Риме предбывшем и за оболочкой,
за руки взявшись, не меч, но миры
перекрывая двуспинными снами,
тесно крест-накрест насквозь пронзены
вдоль Иоанновыми словами.

Благовещенье

С.

Тебя, не померкнув, отметило слово,
что раньше всех сил, у начала в горсти
толпилось, не вымолвлено, – простого,
как ветер, вздоха не в силах снести;

прости, не поспею за этим, навечно
застывшим в воздухе с гор до пят,
ничейным шепотом, бывшим речью
и ставшим вещью в себе; тебя

теперь узаконившим – долгим эхом,
по слуху звук подобравшим к снам
о том, что дитя у царских в веке
сегодняшнем снова придет назад;

опять с проступающим половодьем
несолоно справлюсь, а впереди
младенец плещет, как пароходик, –
приходит милостыней на пути.

* * *

едва под вечер скажется молва
что тесный день растаял христа ради
но вымолвлены твердые слова
кто смел как сорок тысяч наиграть им
у длинной тени тучных тощих лет
сюжет про скудный хлеб в пустыне желтой
песком полуобъят и нет примет
ни сеющих добро ни вскрика во́т рай

не в том беда что валовый не в два
в морских волнах певучесть есть и шорох

течет отсчет обратный свет и тьма
неразличимы зрением тяжелым
четвертый рим собою рассечен
по биссектрисе ранней рваной раной
крестовых битв прилив-отлив сошел
и нет побед в последних снах корана
и с каждым днем умноженный стократ
неслышный голос ближе к новоселью
не я мой свет а божий мир богат
приди на помощь моему неверью

* * *

адов скрежет зарею корежит туман,
за пузырчатым сном ариаднина нить;
и тогда еле слышно присвистнул фома:
то, что больше не держит, – не соединить.

знаешь, что́ коченеющий мелхиседек,
в предпоследний прощаясь с рассветною тьмой,
завещал? на ногах не стоит человек,
ветер роет волну, серный дух за кормой.

если весь вавилонский неброский словарь
(даже крайнюю ижицу!) взять на просвет –
слитный гул перекроет чем пропись жива,
фет напомнит: прискорбно, но страшного нет.

понимаешь чем свет, что́ сгущается вдоль
застекленных изгибов, как злые пески, –
то – торопится, сыплется мелкой бедой
захлебнувшийся вдох и не слышно ни зги.

Москва

Ирина Беньковская

«Запоминай движенья...»

Каракас, предчувствие войны

До пригорода в среднем полчаса
езды. Там солнце отлито из меди;
там зной, там многословны адреса,
там крутят сальсу пьяные соседи,

там западает клавиша, и смех
похож на крик однообразьем тона;
одна забота общая на всех –
не стать влюбленным прахом – пеплом – дона

Франсиско де Кеведо. Тетива
натянута, рука дрожит едва.

Играй, играй, перебирай лады,
до судороги, до недомоганья,
у кромки, в полушаге от беды
тасуй картинки, запахи, названья;

запоминай движенья: поворот,
наклон, другой – в хозяйстве все сгодится,
мотив, слова – ничто не пропадет.
Веселый глаз морского пехотинца

блуждает, щурясь, меж холмов и трав,
покуда цель себе не отыскав.

Боливар с ударением на «и»
склоняется над площадью. Садится
багровый диск. Чужие и свои
сливаются в пятно. Большая птица

летит над котловиной на восток,
и тень за ней скользит наискосок.

А там – сочится красная земля
горючей черной кровью. Тих и страшен
час ожиданья. Тянутся поля
сплошной цепочкой Эйфелевых башен

ажурных, черных вышек нефтяных.
История, как водится, под дых

бьет точно и прицельно; аккурат
когда не ждешь. Загонщик спор и ловок.
Все тоньше нить; все пристальнее взгляд
нацеленных на Юг боеголовок.

Слез не сморгнуть, не отвернуть лица;
мы этот фильм досмотрим до конца.

Бата́*

G. V.

где выныривает собор из черепичной крутой волны
где без глотка отравы не дожить до полной луны
потерялось, пропало, сгинуло, в спешке выпало из горсти
невесомой неслышной никелевой монеткой кануло – не найти

* Бата – афрокубинские ритуальные барабаны в форме песочных часов, с двумя мембранами из козьей кожи.

это бешеный поезд несется на всех парах
нарастает зной, и стонет безжалостный жестяной
ксилофон; Бабалу, черный Лазарь в ветхих присохших бинтах,
не звени своим бубенцом, не ходи за мной,
не стучи железным посохом в стены – там глухо, как в танке, там
всем сестрам по серьгам раздали, по круглым лунам-серьгам
по браслету, колечку, денежке, по капле крови чумной

парки в белых одеждах, забросив пряжу, перебирают фасоль
на дощатом столе; барабанная нежить, глухая боль
осторожно нащупывает дорогу, крадучись между строк
примеряется, ищет себе гнездо, уголок, приют, закуток –
не на час, не на день – на долгий просторный срок

это я, восковая куколка
в меня воткнули иглу
петушиная сохнет кровь – не ходи за мной, Бабалу
растолкли мое горе в ступке, в горючем варят котле
ни следа, ни славы, ни имени, ни фасолинки на столе
только вертится злая песенка в беспамятной жаркой мгле:

«где ты, кто ты?
это бата́
бата́
топот ливня, шепот табачного скрученного листа
голос выдолбленного сердца, поющая пустота
перекатывается в гортани, вырывается изо рта
это рокот из темноты
это боль, это ты
это бата́
бата́»

С. З.

Полоска леса уползает вдаль,
к концу с опаской движется февраль,
скрипит суглинок под ногой; порою –
крик, краткий прочерк крыл наискосок.
Отвоевав у пустоши кусок,
оно лежит, квадратно-гнездовое

смиренное кладбище, Арлингтон
для нас, для штатских. Профили ворон
на желтом мерно движутся, кивая.
Кругом сорокалетних имена –
как будто бы чума или война,
осада, смута, язва моровая.

На почве датской или на какой
другой – не все ль равно – проигран бой,
и ветер ленту черную колышет.
Все кончено. Несет тебя лиса
за синие, за темные леса,
и кот нейдет – он ничего не слышит.

Печален мир с седьмого этажа.
И рама поддается, дребезжа,
и мир застыл в оконной этой раме –
там ночь, февраль; и рама дребезжит,
и голос в трубке рвется и дрожит,

и океан смыкается над нами.

Ифигения в Авлиде

девяносто с Алфейского брода; двенадцать из
Саламины (корма, крутые бока, резной раскрашенный нос)
тридцать – Казос, Кос; бесполезный парус провис
бросить взгляд напоследок украдкой на гавань вниз
мне сказали, кровь моя – ветер
потерпите, Самос и Кнос

голубиная Фисба, Крит
вот уже сырым
покрывалом стелется – не отстранить руками –
сладковатый дым; осознанье того, что не светит в Крым:
все по-взрослому – листья тука, точильный камень

соль, ячменные зерна
старуха держит за холку пса
поджидает в сторонке, невидимая для зрячих
узкий промельк ножа
с каждой каплею паруса
наливаются жизнью – наглой, слепой, горячей

вот и хлынуло
грянул хор, налегли гребцы
никаких подмен – ни лани тебе, ни овцы

что же, скатертью вам дорога, семь футов вам и т. д.
прочь от жертвенного костра, налегке за новым
подвигом; чайкой по небу, щукою по воде
не догнать в пути, не спросить уже, каково вам

плыть под мокрым от крови парусом
меркнущий свет, озноб
комариный дрожащий звон – все затем, чтоб неслась к Илиону стая
остроклювых, черных, свирепых, насквозь просмоленных; чтоб
набухала в надсаженных глотках песня, исподволь нарастая

чтобы смерть растеклась паутиной трещин, ветвящихся на бегу
по пустой скорлупе, подобной глиняному сосуду
чтобы вам вползти деревянным чудищем в город на берегу
обреченный гибели, Шлиману, Голливуду

чтобы плавились наконечники, земля плыла из-под ног
чтобы гадов морских насылали на твердь глубины
чтобы тлела на солнце плоть, чтобы ржавел песок
чтоб мушиная песнь равнодушно скреблась в висок
чтобы кто-то потом прочел ваш список до середины

* * *

Цветок в заветном саду сорвать на ходу, на бегу,
на берегу пруда, в котором весь мир двоится;
не расслабляйся, путник, не пей обманной водицы,
ужин отдай врагу.

Враг не бывает сыт. Отдай мне то, говорит,
чего в доме своем не знаешь, о чем душа не болит,
а как придет пора выкуп вести со двора –
попомнишь сад, и ограду, и пруд, затянутый ряской,
пока народ провожает невесту фольклорной пляской
и громким криком «ура».

Пальцы проклятый стебель жжет. Но идти до конца –
есть, по законам жанра, долг любого купца.
Ветер разносит пепел. Тихо; ворота настежь.
Дочка, встречай отца.

* * *

G. V.

вот такая вот канитель, моя радость, предупредил бы кто
говоришь, «Гардель»
говоришь, «двадцать лет – ничто»

не бледнеет, не оттирается, вот те раз
получается, век будешь помнить весь этот джаз

но до свадьбы до похорон дня рождения заживет
зарастет затянется зарубцуется за

(память с усмешкой сплевывает берет
за грудки: в глаза мне смотреть
в глаза)

Одесса

Белла Верникова

Карменсита-Маргарита

Из литературной e-mail-переписки автора с писателем Вадимом Ярмолинцем (2011): еще одно выражение моего удивления, как все переплетено в искусстве и в жизни и очень подходит под характеристику из «Верлибров Юрия Тынянова» – «стих как строй рождает свои стиховые оттенки смысла».

на золотом крыльце сидели
царь, пастух, пророк, переписчик
плотник, рыбак, проповедник
сборщик налогов, врач
изготовитель палаток

драгун, папиросница, контрабандисты
карменсита-маргарита

падает почетное бремя веток
ветер запутался вслух, владелец
окон смотрит в окно
в силу слабой попытки
опыта застывшего счастья

гвоздь в сапоге фантазий Гете
карменсита-маргарита

друг герменевтики, интерпретатор
смыслов и бессмыслицы жизни
появляется в нужное время

в нужном месте
в быстром темпе в потоке аллюзий

Бизе, Мериме, коктейль из текилы
карменсита-маргарита

стена тоски растворится ночью
простое счастье не будет лишним
семья вернется домой до завтра
что-то заставит их оглянуться
на входе в старый знакомый город

Фагот-Коровьев и Рита Хейворт
Карменсита Маргарита

Израиль

Игорь Волгин

«Се – двадцать первый продвинутый век...»

* * *

К ночи, когда понесут трепачи
умные вздоры,
превозмогая усталость, включи
ящик Пандоры.

Не донесется с полуденных стран
песня Хафиза,
но без усилий проломит экран
грудью Анфиса.

И во дворе, где с утра поддавал,
меряя граммы,
четырехлетнюю тащит в подвал
зритель программы.

Будет сулить нам блага имярек,
ржачку – каналы.
Се – двадцать первый продвинутый век
входит в анналы.

Здесь под фанеру вопит педераст,
млея от страсти,
и, на иное ничто не горазд,
ластится к власти.

И, не боясь угодить на скамью,
сердцем не жесток,
не торопясь вырезает семью
трудный подросток.

Нам растолкуют, что твой Пуаро,
просто и прытко,
как проносила, спускаясь в метро,
бомбу шахидка.

И генерал, что страну известил
об инциденте,
не утаит, сколько весил тротил
в эквиваленте.

...Милая, выруби этот дурдом.
Дуй за заначкой.
Или еще перечти перед сном
«Даму с собачкой».

* * *

Как обычно, с шести до семи
по бульвару, что льнет к переулку,
человек, не заведший семьи,
не спеша совершает прогулку.

Он по моде пострижен, побрит
и спасаем кашне от микробов.
Но пальто дорогое сборит
и, сдается, не чищена обувь.

О свобода от тягостных уз,
от житейской рутины и прозы!
О счастливец, не дующий в ус,
обожающий метаморфозы!

Он проходит наш бедный сыр-бор
без малейшей обиды и злости,
не имея в сей жизни опор
никаких, кроме собственной трости.

Дни туманней, и даль золотей.
И, усевшись под вянущей ивой,
на играющих шумно детей
он взирает с тоскою брезгливой.

Мир прекрасен, не ясен итог.
И «жигуль» никому не завещан.
И глядит он, жалея чуток
всех его не приветивших женщин.

И, поднявшись легко со скамьи
(благо небо немного поблекло),
человек, не заведший семьи,
не спеша направляется в пекло.

* * *

Отец уже три года не вставал.
Родня, как это водится, слиняла.
И мать, влачась, как на лесоповал,
ему с усильем памперсы меняла.

Им было девяносто. Три войны.
Бог миловал отсиживать на нарах.
Путевка в Крым. Агония страны.
Бред перестройки. Дача в Катуарах.

И мать пряла так долго эту нить
лишь для того, чтоб не сказаться стервой, –
чтобы самой отца похоронить.
Но вышло так – ее призвали первой.

И, уходя в тот несказанный край,
где нет ни льгот, ни времени, ни правил,
она шепнула: «Леня, догоняй!» –
и ждать себя отец мой не заставил.

Они ушли в две тысячи втором.
А я живу. И ничего такого.
И мир не рухнул. И не грянул гром –
лишь Сколковым назвали Востряково.

* * *

А дни впереди все короче,
а тень позади все длинней.
И нет ни желанья, ни мочи
разглядывать, что там за ней.

Ты думал, что ты астероид,
как свет, воссиявший в ночи.
Но жизнь тебя быстро уроет,
стучи на нее – не стучи.

И совесть тебя до могилы
преследовать будет, как тать.
Но нет ни охоты, ни силы
печальные строки смывать.

Но нет ни ума, ни уменья,
спасая посмертную честь,
казаться в глазах поколенья
и лучше, и чище, чем есть.

Что было – проносится мимо
и тает в дали голубой.
И прошлое непоправимо,
о Господи, даже Тобой.

Я плод Твоего попущенья,
ввергаемый в этот бедлам.
Но Мне, – Ты сказал так, –
отмщенье,
и Аз – будь спокоен – воздам.

Москва

Евгений Голубовский

Автограф Владимира Маяковского

Не раз уже рассказывал, писал, что мое собрание русской поэзии начиналось с прижизненных сборников стихов футуристов – Хлебникова, Крученых, Бурлюков, Гуро… Но первым в этом ряду тогда стоял для меня Владимир Маяковский, буквально ошеломивший «Флейтой-позвоночником» и «Облаком в штанах»… Об этом моем увлечении знали друзья, знали одесские букинисты, да и полузнакомые люди, что-то покупавшие, что-то продававшие из книг.

И вот однажды в редакцию «Вечерки» мне позвонил человек, инженер, представился и спросил, есть ли у меня первое издание «Мистерии-Буфф» 1918 года. «На ней есть автограф какому-то «Со…», дальше я прочесть не смог, длинная фамилия», – рассказал звонивший.

В тот же вечер я поехал в район Среднефонтанской, где-то за вокзалом, бормоча про себя – Собинов, Соллертинский, Сосновский, Сологуб… И вот я в комнате, буквально заваленной книгами. Но столе все книги новые, ни одной старой. Том Авторханова, сборники «Посев», Роман Гуль. И вот из-под этого «тамиздата»

хозяин достает, как из-под пресса, несколько примятую книжку Маяковского.

Буквально дрожащими руками раскрываю ее. Все страницы есть, сохранность приличная, хоть обложка надорванная, а на первой странице размашисто карандашом: «Дорогому Со… В. Маяковский». В волнении, признаюсь, и я не разобрал надпись. Лишь спросил, сколько это мне будет стоить, боялся заоблачной цены. Оказалось, хозяину книга не нужна, его волнует политика, нет ли чего на обмен. Не было. И я за 25 рублей,

вложив книгу в журнал «Советский Союз», чтобы не измять, унес ноги и книгу.

Дома, успокоившись, я внятно прочитал: «Дорогому сорежиссеру В. Маяковский». Бросился к комментариям к постановке «Мистерии-Буфф» – и многое прояснилось.

Начнем с того, что после Октябрьского переворота в числе первых откликнувшихся на призыв новой власти начать работать были Сергей Прокофьев, Натан Альтман, Владимир Маяковский, Всеволод Мейерхольд, Рюрик Ивнев… Луначарский выяснял, кто над чем хочет работать, и, узнав, что с августа Маяковский пишет «Мистерию», поддержал проект ее постановки. На деле все оказалось сложнее: Александринский театр пришел в ужас и отказался ее ставить, актеры срывали репетиции. И все же сорежиссеры В. Мейерхольд и В. Маяковский, художник Казимир Малевич показали спектакль 7, 8, 9 ноября 1918 года в Коммунальном театре музыкальной драмы. В третьем томе двенадцатитомного собрания сочинений Маяковского, вышедшем в 1939 году, ни в одном из комментариев к «Мистерии-Буфф» ни разу не упоминается имя Всеволода Мейерхольда. Когда том был сдан в набор, Мейерхольд был уже арестован, но среди иллюстраций – афиша этой первой постановки «Мистерии-Буфф» с именами режиссеров – В. Мейерхольда и В. Маяковского, художника Казимира Малевича… Так что автограф – сорежиссеру В. Мейерхольду.

У этой истории с автографом есть два продолжения.

Недели через две после обретения раритета мне вновь позвонили в редакцию. Уставший и проникновенный голос переспросил мою фамилию, имя, отчество.

– Нам необходимо встретиться.

– А кто вы? В связи с чем? Где?

– Все объясню при встрече. Захватите свою записную книжку. Подойдите к 14 часам к памятнику Воронцову. Я вас узнаю.

И вот мы на Соборке. Невзрачный человек, улыбаясь, просит не нервничать. Я еще не понимаю, почему должен нервничать.

– Ну как же, вы покупаете книги у инженера…

– Не покупаю, а купил необходимый мне томик Маяковского.

На лице незнакомца нескрываемое презрение.

– Не Джиласа, не Авторханова?

– А кто это такие?

– Сейчас я спрошу, кто такой Маяковский.

Разговор длился минут пять. Он говорил со мной спокойным, но железным голосом: «Мы вас предупредили. Даже в том, у кого покупаешь Маяковского, нужно разбираться. А вдруг это обложка от Маяковского, а там Солженицын. У вас в записной книжке должен быть адрес (я давно уже сообразил, что телефонный разговор прослушивался, знали, что я купил Маяковского, а вдруг что либо еще…), – вычеркните его. Так Маяковский, говорите? Зачем искать его книги? Все необходимое вошло в собрание сочинений».

Я понял, что имею дело с «гуманитарем»…

Но было у этой истории еще одно продолжение. Более приятное.

Прошло несколько лет. Мне рассказали, что в Одессе буквально доживает когда-то известный актер театра Мейерхольда Николай Фалеев, игравший в «Бане» и «Клопе» В. Маяковского. Через Дом актера нашел его адрес, он уже давно не играл в одесском Русском театре, в кино последняя роль была в «Весне на Заречной улице».

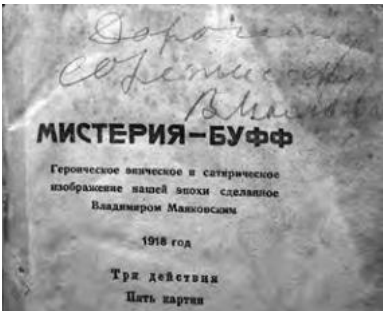
Я позвонил и договорился о встрече.

Высокий худой старик с пронзительными глазами. Без дела. И от этого депрессия. Единственное занятие – читает и перечитывает любимые книги.

Я стал спрашивать его о Мейерхольде.

– Нет, я не был его любимым учеником. Вот Эраст Гарин, Игорь Ильинский… Мне трудно было перестроиться на его биомеханику, хоть очень старался. И в конце концов он побеждал всех нас, спектакли были гениальные. «Мистерию-Буфф» не видел, потому что в театр пришел лишь в начале 20-х годов. Но с Маяков-

ским, Шостаковичем общался. Вот кого любил Мейерхольд. Найдите, существует замечательное фото – Маяковский, Мейерхольд, Шостакович в дни подготовки «Клопа». А знаете, книги Всеволода Эмильевича попадаются в Одессе, сам встречал на Староконном. Это неудивительно, ведь Зинаида Райх ездила в Одессу к родителям и каждый раз увозила на лето чемодан книг… А у меня сборников Маяковского не осталось. А вот книга Есенина «Пугачев», он мне ее подарил в 1922 году, когда мы задумали ставить его в театре, сохранилась. Я вам ее подарю. И у вас останется память о забытом актере Николае Фалееве.

…Маяковский любил Одессу, наш город платил ему взаимностью. Свидетельством может служить обложка журнала «Шквал», где Владимир Владимирович идет, склонившись под грузом своих книжек. Все сборники Маяковского мне собрать не удалось, но три десятка его прижизненных книг мне намного дороже «коленкорового двенадцатитомника».

Одесса

Андрей Дмитриев

Наша дань ее величеству

Узнал новый и отличный сорт отечественного пива. Только успел пристраститься к нему, всего полгода прошло – и вот его уже невозможно пить: бурда. То же и с водкой. То же, простите, и с сосисками. И пусть не я, а старые автомобилисты расскажут, чем отличается «копейка» от «калины». На моей памяти мы никогда не умели держать качество. Уж насколько, казалось, ему некуда было падать в советские времена – а и тогда умудрялось упасть. И до того всех это раздражало, что в 1967 году был введен специальный «Знак качества СССР». Министерства присваивали этот знак лучшим, по их мнению, товарам своего профиля – не навсегда, а сроком на два года, чтобы производители этих товаров не расслаблялись. Чему-то присваивали, кого-то премировали, но мало кого этой нашлепкой могли убедить. Качество было низким и продолжало падать еще ниже. Это было и не качество вовсе – слово, применимое, казалось, только к импорту…

А между тем в ту пору был и подлинный, народный, значит, точный знак качества своей родной продукции. И этот знак признавала вся страна, от Бреста до Владивостока. В двух словах, пусть и неуклюже, его можно назвать «Английская королева». Уже в далеком псковском детстве я впервые услышал, что моих любимых солено-сушеных снетков Псков поставляет к столу ее величества – и гордился этим. Рижане убеждали меня в том, что английская королева ест их знаменитый хлеб. В Юрмале, от Риги неподалеку, бармен советовал мне выпить тминного ликера: его ведь регулярно шлют английской королеве. Литовцы уверяли меня в том, что английская королева пьет их биржайское темное пиво. В глухом карельском городке меня уговари-

вали попробовать сигареты «Памир» производства местной табачной фабрики, такие, не поверишь, вкусные, что их прямо из тайги регулярно доставляют специальным самолетом самой английской королеве. Узбекские аспиранты моего отца везли ему в подарок зеленый чай № 95, учили меня правильно заваривать его и приговаривали: «Самый хороший чай. Не всякий, только № 95. Ай, как его любит английская королева». Летом 1983 года на прилавках Владивостока не было ничего, даже мороженой рыбы. Но в каждой столовке подавали таежный папоротник. Я ел его впервые, и мой приятель наставлял меня: «Ешь, ешь его как можно больше. Он не только вкусный, он такой полезный, что его заказывает нам сама английская королева». Вся очередь за водкой в Мценске поздравляла меня с тем, что я в эту очередь встал: а как же, ведь «Пшеничной» мценского разлива поят саму английскую королеву… К слову сказать, превосходные копченые «микояновские» сосиски, производимые для партаппарата, народ с ее величеством не связывал. Распределителей, где «микояновские» выдавали, было мало, а аппаратчиков так много, что английской королеве этих сосисок, должно быть, просто не хватало. Я точно не могу припомнить, что подносили королеве Англии жители Горького, Саратова и Волгограда, Череповца и Минска. Пусть они вспомнят и расскажут сами. Могу предположить, что Вологда дарила английскую королеву своими знаменитыми льняным кружевами, а Оренбург – пуховыми платками, но понапрасну врать не буду: я не бывал тогда ни в Вологде, ни в Оренбурге… Разумеется, чаще всего этот народный знак присваивался ликероводочным, табачным, реже – изделиям мясомолочной промышленности, и совсем редко – предметам одежды и домашнего обихода. И дивный теплый образ английской королевы – Елизаветы или королевы-матери, неважно, – соткался понемногу в моем воображении. Вот наливает она мценской. Выпив и крякнув, лакирует мценскую биржайским или чебоксарским темным (ну, хорошо: калужским светлым) пивом и, закусив пивко горстью сушеных снетков, закуривает свою любимую сигарету без фильтра. Покуривает свой «Памир», попивает зеленый чай № 95 и размышляет о загадочной душе своих далеких советских подданных.

А ведь и есть о чем поразмышлять. Я в точности, да и вообще не знаю, что ей мы поставляли в самом деле, что – лишь в воображении. Возможно, вологодское кружево. То есть скорее всего. Возможно, оренбургские платки и даже «микояновские» сосиски. Но вряд ли мценскую или какую-то иную водку. Вряд ли снетков. И вряд ли дешевый «Памир». Другое дело, что в том затерянном в тайге карельском городке в ту пору ничего лучше «Памира» для людей не производили. И жители городка гордились своим «Памиром». Потому что жителям любого городка необходимо гордиться хоть каким-нибудь делом своего городка. Речь не о танках и ракетах. Речь о таком деле своих рук, результаты которого всегда смогут попробовать на зуб, примерить и пощупать, и похлопать, и оценить по всем другим достоинствам жители всех прочих городков, того же Мценска или того же Лондона, к примеру. В борениях и суете последних лет ее величество изволили как-то незаметно удалиться. Тот знак давно забыт; я думаю, что изобилие тому причиной. Но по большому счету и по большей части все, что есть в этом изобилии необходимого и качественного, – создание не нашего ума и дело не наших рук. И это нас гнетет. Нам выедает души невозможность вообразить себя за ноутбуком, скажем, «Школьник», допустим, популярном во всем мире, с мобильным телефоном, «Неваляшка», скажем, сработанном в Опочке, – еще труднее нам представить с этим «Неваляшкой», который, как мы знаем, никогда не будет нами создан, студента Кембриджа и даже бедуина на верблюде. И потому мы злы. И на себя, и на весь мир. Одной литературой и балетом держимся, но тех, кто держится, становится все меньше. Пока наша завистливая злоба не выжгла нас дотла и не обрушилась на вашу голову – Вернитесь, Ваше Величество.

Москва

Михаил Жванецкий

Отец мой, врач мой!

Из книги

Миша! Есть люди несчастливые, но везучие.
Им часто везет.
Но у них не накапливается.

* * *

Шизофрения – самая человеческая болезнь, как венерические.
Остальные болезни есть и у лошадей.
Но ты же не скажешь, что у этой лошади мания величия.
Или у этого пса раздвоение личности.
Шахматы – человеческая игра.
Бегать наперегонки можно и с лошадью.
И грузы поднимать.
Я уже не говорю о стихах.
Это не лошадиного ума дело.

* * *

Разум или нравственность?
Вопрос.
Нравственность выше и важнее, хотя разум экономически выгоднее.
Как лечащий врач могу сказать: «Вы подумайте и я подумаю».
Это я больным говорю.
Хуже всего человеку большого дарования.
От него требуют факты, доводы, а он весь на бессознательном.
Он ничего не может объяснить.

У нас в пульмонологии лежал больной. В коридоре лежал.
Пришел Кассирский и раскричался: «…грязь, тифозный больной в пульмонологии, в коридоре…».
Он даже не подходил к нему.
Мы шептали: «С ума сошел…».
Оказалось – тиф…
Он ставит диагноз, не сознавая почему, и всегда прав.
А его необъяснимость, кроме вражды, ничего не вызывает.

* * *

Если ты выпил – молчи.
Твое мнение будет от выпитого, не от увиденного.

* * *

Мы в восторге от «Битлз».
И вдруг – Высоцкий.
И вдруг – Ахматова.
Вдруг понимаем слова.
Если бы также понимать Эдит Пиаф.
«Садитесь, милорд.
На стол кладите ноги.
Заботы на меня».
Петь-то надо слово, сынок…

* * *

А у тебя одна мысль в голове: «Селиванова».
Селиванова Надя, Селиванова Надя…
Как и о чем с тобой можно говорить?

* * *

Да, да, ты не можешь.
Ты женишься.
Жить не с красотой.

Жить не с фигурой.

Жить тебе придется с характером.

Даже не с умом.

Что такое характер?

Это – как человек откликается на мир.

Давай подеремся или давай разберемся, или давай пропустим.

Плохо, когда всё на лице человека видно.

Плохо, когда ничего на лице не видно.

Когда на лице все видно, то и все слышно.

Бесконечно выясняешь отношения.

Открывая дверь в дом, ты уже объясняешь, почему поздно, почему рано, где ты был, сколько будешь, когда уйдешь, почему ты такой грустный, веселый, безразличный, грязный, чистый, помятый, поглаженный, пахучий, вонючий.

Это когда всё на ее лице.

Когда на лице ничего – в глазах сталь, в щеках медь, в душе металл, и в мозгу полная неизвестность.

Тебе не известно.

В ее характере – сила!

У тебя узнают все.

Тебе не сообщают ничего.

Ни то, что ее волнует.

Ни то, что случилось.

И дело не в подозрениях.

Твои вопросы просто отскакивают – «со временем узнаешь».

Мы с тобой эмоциональные люди, для нас такой человек – закрытый гроб.

* * *

Ужасно, когда от тебя уходят.

Но тут правило одно: твоя от тебя не уйдет.

Если ушла, значит, не твоя.

Бороться за женщину не стоит.

Слезами не поможешь.

Слежка – себе дороже.

Почему же это самое страшное горе в жизни?

Потому что уходят из сердца.

И ты ничего сделать не можешь.

Время лечит.

Но когда вылечит – уйдет и время.

Эти удары непоправимы.

А хороший характер – это желание помочь даже без желания разобраться.

Такие есть.

Ну, спи!

* * *

Не выясняй отношения.

Если человек не понимает.

Как же он поймет.

Человек все время говорит о себе: «Я этого не люблю. Я этого не ем».

И это за общим столом.

А нет ли у вас для меня чего-то соленого?

Намеков не понимает.

Упреков не понимает.

Обид не понимает.

Как же он поймет объяснения?

Собирай вещи и уходи.

Хотя он и этого не поймет.

Будет звонить: «Объясни мне, что случилось? Почему ты ушел?».

Не теряй времени, он не понимает, что делает.

Так же как не поймет, что ему говорят.

К сожалению, таких людей трудно бросать. Они умны.

Кто-то должен их сдерживать и содержать.

У них нет итогов, но они и этого не понимают.

Они себе кажутся пострадавшими за правду.

Хотя это было хамство и бестактность.

Ко всем пристают: «Вот объясните мне…»

Спи…

Дорогой… Мой… Я смотрю… На тебя… На вас… И вспоминаю… Свою… Ну все…

…И еще, Миша… Не пей от переживаний… Пей от радости.

Полрюмочки коньяку, если глубоко тронут.

* * *

А когда жизнь изменится, ты вспомни одного мужчину.

Он держал ребенка.

К ребенку была прицеплена авоська.

В авоське была газета, хлеб, бутылка молока и марганцовка.

Это был я и это был ты.

Москва – Одесса

Ольга Ильницкая

Тайный ход не скажу куда

Мне безразлично, что вы думаете по поводу Сережи Шерстюка. Мне не все равно, что вы о нем вспомните.

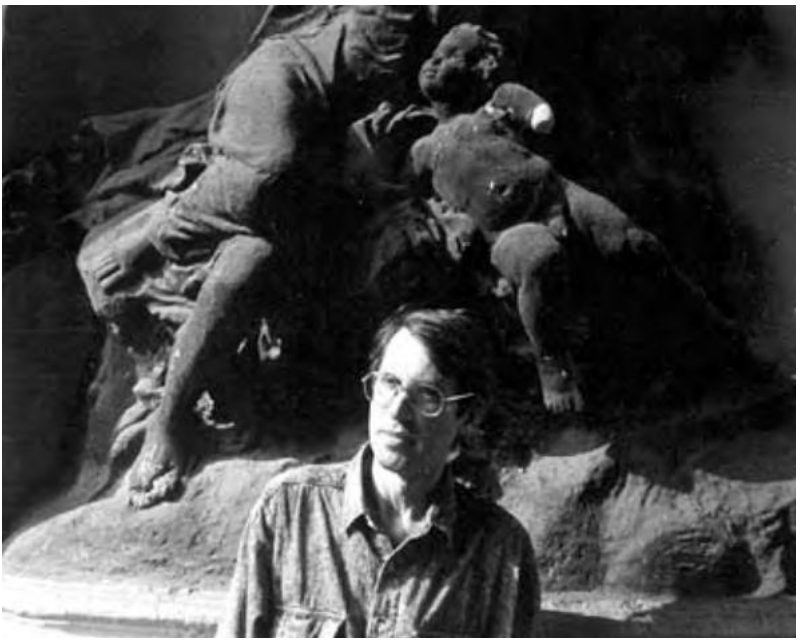
Я не была ему другом. Мы встречались трижды. Каждая встреча была единственной. Во время последней Сережа подарил фотографию – за его спиной вырастал одесский оперный театр. Прекрасный и разрушающийся. Вскидывалась пантера, и тень от лапы ее падала на Сережино плечо… Пантера замерла, тень продлилась и достигла Нескучного сада, где я брожу по тропинке, на которой стоял на коленях Сережа и кормил белку. Белка все еще кормится с ладошек бродящих по дорожкам, а Сережи больше нет.

Он сказал тогда – запоминай, сверху рыжая, подпушка серая. Никогда не крась волосы – станешь похожа на белку. Я не хочу, чтобы ты была похожа. Я не люблю вертлявых. Ты втируша, медленная, но внезапная. Это всегда настраивает против, потому что последний удар ты наносишь безошибочно. И это предугадывается и… пугает.

На фотографии Сережа написал в том числе и: «За свободу». Свобода начиналась справа от памятника Пушкину на Приморском бульваре. Это опять Одесса. Он говорил:

«Это вопрос достоинства – я не хочу быть понятым. Я предпочитаю память, а не понимание. Меня Одесса знает. И в Одессе есть кому – не забыть меня. Я сюда приезжал не к тебе.

Но ты пересекла все мои дороги трижды, и это неспроста. Говори, чего тебе надо, что хочешь узнать, увидеть, понять. Хочешь, подарю картину? Хочешь, тебя нарисую? Почему ты ничего не хочешь, женщины всегда хотят. Хотя разве ты женщина? В тебе

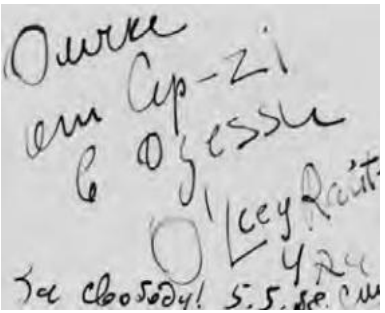
помещается город, и есть еще место – для чего ты так жадно заглатываешь жизнь, я не знаю, как с тобой разговаривать. Не загоняй меня в тупик.

Здесь у вас женщины ничего не хотят, меня не хотят. Зачем ты смотришь, как я топчусь и вязну сам у себя на зубах? Я ее видеть больше не могу. Не хочу. Не буду.

Возьмешь билет – на, держи, завтра уедем в Киев. От этой женщины уедем. Она меня с ума сводит. Я из-за нее много чего сделал. Но и не сделаю никогда не меньше…»

Когда шли по Андреевскому спуску, Сережа сказал, что рано или поздно восстановят Михайловский монастырь. И тогда мы сумеем заказать молебен за заблудшие души.

– У меня много заблудших душ за пазухой, – странно говорил Сережа. – И только ты душа свободная, без принуждения хотящая радоваться и быть счастливой. Я таких девчонок не видел отродясь. Наверное, ты мутантка. Они тебя никогда не полюбят.

И я тебя не полюблю – разве можно любить того, кто не имеет имени? Ольга – не имя. Свя-та-я. Разве можно так называть женщину? Хотя – какая ты женщина? Ты встреча, которая никогда не повторяется. Она всегда заново. Всегда сначала. И это ужасно, что смерть придет, и мы не узнаем, что уже все, никогда не будет опять и снова…

Это может быть и хорошо, потому что нет ее, мы есть, а смерти нет, и ты не бойся. Когда я умру, ты узнаешь и не удивишься, потому что я уйду первым.

Ты тайна, ты та дверь, в которую входят один раз и – никогда не выходят. И всякий раз надо входить заново.

Где ты бываешь, когда меня нет возле? Кто притрагивается к ручке на твоей двери, и что ты делаешь с ним, приоткрывающим, просачивающимся в твои комнаты, дворы, переходы, подвалы, кто и зачем свешивается с твоих балконов и зачем доходят до чердака… Куда им – выше… Чем они заканчивают, если никогда не выходят через ту дверь, в которую ты позволила войти. Почему ты приехала в Москву и ждешь меня на Страстном, я не мог тебя не почувствовать. Ну вот, я пришел. Куда теперь?

– Какого черта, – сказал Сережа милиционеру, – какого черта ты на нее смотришь? Пусть плавает, где хочет. А почему не в фонтане – такая жара…

Ну и что, что голая, она не голая, она обнаженная. И это прекрасно. И она хороша. Ольга, покажись этому мудаку. Да я не выражаюсь, я – выражаю. Идею. Женщина купается в фонтане. Мужчины смотрят и запоминают. Это их мужиками и делает. А ты что, денег за это хочешь? На, столько – достаточно?

Ольга, плыви к другому краю, я подойду.

И он подошел с платьем и букетом ромашек.

– Откуда, спрашиваю, ромашки?

…Долго шли по ботаническому саду. Отдыхали в кустах:

– О, я подзаборная, а ты толстый и довольный!

– Я – я толстый? Ты пощупай – где жир, это одесское восприятие, это у вас все толстые, ты посмотри, как я узок, – и Сережа погладил джинсы, будто крошки стряхнул. – Я голубой джинсовый парниша, у меня узлы на пальцах – как у тебя на платочке. О чем забыть боишься, зачем узелки – и он развязал два…

В первый узелок был завязан перстенек, он купил его для меня на Привозе, надел на палец, покрутил и сказал:

– Ничего, пока великоват, потом впору будет.

Во втором узелке лежала сережка. Оставшаяся. Первую мы с ним так и не нашли в траве. …Тогда одуряюще пахла сирень, скатывавшаяся волнами в Днепр со склонов Киевского ботанического…

Мы всегда оказывались в ботаническом, и в Одессе, и в Киеве, и в Москве… Все ботанические сады были нашими.

Еще был Нескучный сад в Москве, и Городской сад, мимо него бежала Дерибасовская, на ней Сережа учил меня танцевать вальс-бостон:

– И раз-два-три, и раз-два-три…

Потом сказал, что не понимает разницы между вальсом и вальсом-бостоном.

Потом еще было… твист на ротонде в Горсаду, и шейковали в кафе «Молодежное», и Дерибасовская нас не отпускала, а потом обнаружились на Ланжероне – купались прямо в чем были – он заджинсованный, а я в платье выходном – и на нас как на сумасшедших смотрели.

Вечером грелись в «Оксамите Украины» сухим красным, и Сережа говорил, что глобализм победит не только в искусстве и что грядет кровь и великое молчание. И что:

– Твои мужья никогда не найдут общего языка, потому что у вас общие дети и жизнь общая, зачем еще что-то, общий язык нужен тем, кому есть что делить, а вам делить нечего. Не тебя же и детей. Ты научись спокойствию, остальное у тебя есть. А то, что будет, от тебя уже не зависит, будущее ты себе уже обеспечила признанием.

– Каким? – спросила оторопело.

– Дура, – мрачно сказал Шерстюк. – Это дорого стоит: «А я дыханье. И любовь. И вечный праздник».

– Сколько? – так же мрачно спросила.

Он выгреб из кармана деньги, высыпал мне в подол и, покрутив у виска пальцем, положил туда же свой паспорт.

Он был единственным мужчиной на свете, поднявшим меня на руках по 192 ступенькам Потемкинской лестницы не передохнув, и присел на ступеньки памятника Дюку, так и не выпустив меня из рук. Ему аплодировали.

И я не поцеловала его.

Еще я могу сказать, что кольцо и фотография лежат где ни попадя, потому что я люблю смотреть на них и трогать. Но я никогда ни с кем не говорила о Сереже. Я была его «Тайным ходом не скажу куда», и то, что я написала, – это подарок Сереже на его посмертное пятидесятилетие.

Живу спокойно

А началось знакомство с Сережей смешно… Я возвращалась со встречи с Юнной Мориц. Она отредактировала мою рукопись, и вот я купила бутылку сухого красного, сушеные бананы и на Страстном бульваре сидела на скамеечке с Володей Салимоном. Мы обмывали мою рукопись, потому что отредактировано было совсем ничего, но очень «по делу» – просто вычеркнуты некоторые строчки, просто зачеркнуты некоторые стихи. Ножницами что-то вырезано. И – несколько новых строчек предложено взамен… Это был здоровский результат. Я думаю, мне очень повезло. И я тогда гордилась этим. Собственно, я и сейчас так отношусь – с гордостью и благодарностью, меня многому Юнна Петровна научила.

Когда я решала, к кому из теток-Поэтов идти, я написала письмо Ахмадулиной, но не отправила его, и позвонила Мориц. Решила, что по моему характеру – идти надо к Юнне. Да и по ее характеру, как позже выяснилось. Ну, я тоже была тетка, мне уже 36 случилось…

Она спросила не без иронии, узнав, сколько мне лет:

– И много написали?

– 16 килограмм, – ответила.

Юнна Петровна велела взять 250 грамм и зайти к семи вечера. Но я потеряла адрес и – Лидия Графова мне помогла, дала телефон – я опоздала на полтора часа. Была в ужасе – жутко не люблю опаздывать. Да еще – к *Мориц*!

Ну, это другая история. Так вот, сидим мы с Салимоном, а у него еще свеженькая писательская ксива, он мне ее показывает, мы и ее обмываем. И тут прямо перед нами тормозит ментовский бобик. Времена сухого закона… Салимона – в машину. Мне тоже надо в машину, но, вроде бы, я им не очень нужна, милиционерам. И я на это обиделась. Даже ментам не нужна. В этой их Москве.

Подхожу я к водителю, засовываю голову в окошко и на ухо ему кой-чего говорю. Он хмыкает и… отпускает Володю. А мне в ответ:

– Ты уведи его, ну, вот там есть подворотня, а во дворе – столик для доминошников, так вы там и договорите, с глаз подальше!

И – уезжают.

– Ты что ему сказала?

А, отвечаю, потом как-нибудь расскажу.

Смотрю, а полбутылки еще есть, только пролилось чуть-чуть на правки юнныморицевские, и стихи теперь «под градусом», и подпись ее размашистая – пьяная!

– Ладно, – говорит Салимон, – здесь недалеко Шерстюка мастерская, зайдем – расскажешь.

Заходим. Там, по-моему, два окна было. Не помню. И огромные картины – одна свежая, в работе, что-то коричнево-синее. А на мне платьице, специально для «представительства» в одесской комиссионке купленное, чудное такое. Почти новенькое. Ну, мы знакомимся, ля-ля тополя, Салимон рассказывает, как я его из «бобика» ментовского вытащила, и они оба:

– Что ты ему сказала?!

А мне в лом…

И тут Сергей меня в моем платьице всей мною – вписал в картину. Со спины. А потом развернул и – мордой лица – туда же.

Получилось что-то невообразимое – и на картине, и – вся я – сплошная такая «глобалистка» (он тогда глобалистом себя называл и все под таким углом рассматривал. Я от него о глобализме и узнала. А тогда об этом ничего почти и не говорили, ну, он

о глобализме в искусстве, а не о политике…). И получилось, словно меня из его шедевра вырезали.

Я таки уперлась, разозлилась, сказала – нечего меня теперь вытирать (это он меня тряпкой, вонючим растворителем пытался!), я теперь – произведение искусства, так и буду ходить по Москве.

Так весь день и проходила – коричнево-голубой. А ночевала я в его мастерской, он меня оставил и ушел.

Утром просыпаюсь, а он уже хлопочет, кофе готовит. На стуле лежит новое платье. Роскошное. И – билет на Одессу. На самолет. А моего «шедеврального» платья нет.

– Гад, – говорю вежливо и холодно, – мое платье где? Верни!

Отвечает:

– Увы, – я им тебя с картины смыл. Ты мне там не понравилась. Примерь лучше новое, и шевелись, кофеёчек готов!

Платье оказалось тютелька в тютельку.

– Это как же у тебя получилось?

А Сережа обиженно:

– Ты что, не понимаешь? У меня же глазомер! Я – профессионал!

Пьем кофе…

– Зачем мне улетать, – возмущаюсь, – я еще не все сделала в Москве.

– Вали, – говорит, – и поскорей. А то вообще никто ничего не сделает. Ни ты, ни я. И – чтобы я тебя вообще больше никогда, поняла?

– А почему?

– А потому, говорит, – что мне Одессы – выше крыши. Так что лети, Белка, и живи спокойно.

(Сережа меня или Ольгой, или Белкой называл.) И проводил он меня во Внуково, и рассказал мне три бочки арестантов – за жизнь свою, мою, и – нашу. Какой она теперь станет. И ведь правду сказал – жизнь стала такой. Нашей. Но об этом я уже раньше написала.

Осталась еще одна встреча…

Москва – Одесса

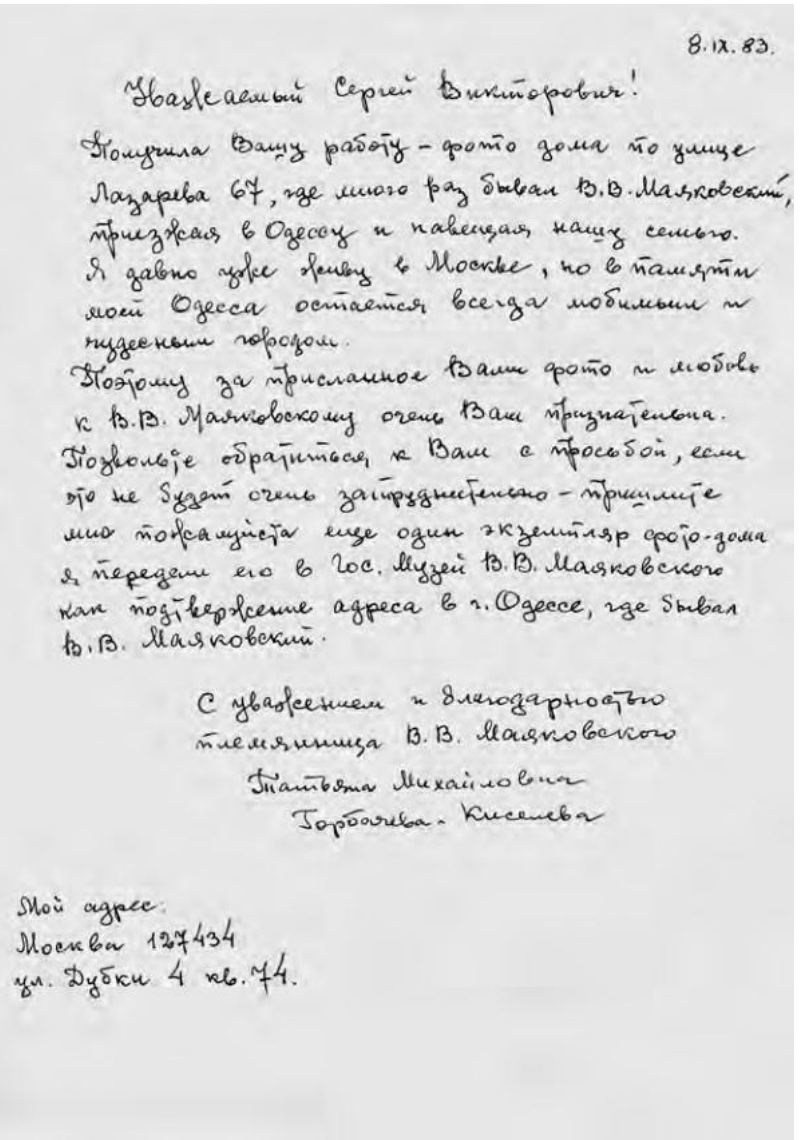
Сергей Калмыков

Два прикосновения к памяти поэта

Наша улица когда-то была окраинной и называлась то Малороссийской, то Цыганской, а в советское время – Лазарева, в память казненного белыми большевика. Однажды, уже в сороковые

Дом № 67 по ул. Адмирала Лазарева (современный вид)

8.IX.83.

Уважаемый Сергей Викторович!

Получила Вашу работу – фото дома по улице Лазарева 67, где много раз бывал В.В. Маяковский, приезжая в Одессу и навещая нашу семью. Я давно уже живу в Москве, но в памяти моей Одесса остается всегда любимым и чудесным городом.

Позвольте за присланное Вами фото и любовь к В.В. Маяковскому очень Вам признательна. Позвольте обратиться к Вам с просьбой, если это не будет очень затруднительно – примите мою покорнейшую еще один экземпляр фото-дома и передайте его в Гос. Музей В.В. Маяковского как подтверждение адреса в г. Одессе, где бывал В.В. Маяковский.

С уважением и благодарностью
племянница В.В. Маяковского
Татьяна Михайловна
Горбачева-Киселева

Мой адрес:
Москва 127434
ул. Дубки 4 кв. 74.

Письмо племянницы В. Маяковского.

послевоенные годы, она, согласно одному из планов города, чуть было не стала улицей Панаса Мирного. Сейчас она носит имя знаменитого флотоводца Адмирала Лазарева. В 1891 году архитектором Генрихом Цезаревичем Оттоном на ней был выстроен скромный двухэтажный дом, где впоследствии поселился врач больницы Красного Креста Михаил Киселев.

Фотопортрет Маяковского 1924 г.
работы А. Родченко

И вот однажды по просьбе дочери этого врача я сфотографировал и отослал ей внешний вид непримечательного, казалось, дома.

Полученное ответное письмо заслуживает частичного цитирования:

«Получила Вашу работу – фото дома по улице Лазарева, 67, где много раз бывал В.В. Маяковский, приезжая в Одессу и навещая нашу семью. Я давно уже живу в Москве, но в памяти моей Одесса останется всегда любимым и чудесным городом.

Поэтому за присланное Вами фото и любовь к В.В. Маяковскому очень Вам признательна…

С уважением и благодарностью
племянница В.В. Маяковского
Татьяна Михайловна Горбачева-Киселева».

И еще случай, тоже связанный с фотографией, но уже с портретом самого Маяковского. Он хранился у Юрия Затворницкого, всесторонне одаренного милого человека. Мы сблизились в пору раннего одесского КВНа, и я вдруг «осчастливил» его, подарив том «Термодинамики» Макса Планка. Портрет Маяковского работы Александра Родченко был наклеен на паспарту, но явно отпе-

чатан с оригинального негатива. То есть его касались руки еще одного гения от искусства русского авангарда.

Как же этот портрет, выполненный в 1924 году, мог оказаться в Одессе? Отец Юрия Глеб Затворницкий был кинодеятелем ВУФКУ, критиком и режиссером, упомянутым в «Истории украинского кинематографа». По возрасту он был моложе и Маяковского и Родченко, но жизненные пути людей искусства соприкасаются частенько…

Елена Касьян

«И уже многоточья легли в пробел...»

Едет Василиса Прекрасная

Едет Василиса Прекрасная на бал в своей коробчонке,
и вспоминает бабушку и песцовый ее воротник.
Как везла ее бабушка в саночках
по карамельному снегу,
как были они обе бессмертны, как воздух вокруг звенел.

И думает Василиса-младшая, куда же все это делось:
и бабушка вместе с санками, и снег, и пушной воротник?
А в правом рукаве спят лебеди,
а в левом – застыло озеро.
И косы теперь тяжелые, хоть поступь еще легка.

– Если б тогда я знала, – думает Василиса Прекрасная, –
что из этого детского счастья, из всех этих искр в груди
получится такая усталость,
такая бездарная глупость,
одна лягушачья шкурка да Иван-дурак впереди…

* * *

И горела звездочка в рукаве, и летел кулик высоко.
– Погоди-постой, – говорила, – молчи, не к тебе пришла.
Поливала мертвой, живой водой, парным молоком,
А потом схватила
и по ту сторону унесла.

Если правда, что там ничего, ничегошеньки нет,
Если чуть разомкнул объятья – и остановлен счет,
Припади к земле животом и цепляйся за этот свет.
Может, смерть тебя переступит
и не возьмет.

Только видишь, какие прорехи теперь в небесах,
будто нам отправляться не порознь, а всей толпой…
И потом тебя будят затемно, словно в детский сад.
– Ну, пошли, – говорят.
И звездочки ни одной.

* * *

Думаешь, кто притих, тот теперь почти незаметен,
Думаешь, на тебе не видно уже отметин?
Если искать того, кто будет за все в ответе,
Может вполне оказаться, что это ты.

Сердце собьется с ритма еще за утренним чаем,
Не суетись – вот тебя уже подключают.
Каждый, кто думал, что он-то не обучаем,
Первым продавит снег и сомкнет ряды.

Не суетись – просто молча делай свою работу.
Ты же не просто так, ты же для чего-то.
Если свой страх лечить неизменно рвотным,
Можно легко получить головную боль.

Страхи не лечат, а держат их в черном теле.
Кто каменел хоть однажды в своей постели,
Знает, что смерть ни с кем никого не делит,
Кто приглянулся, того заберет с собой.

Можно искать спасенье в ночных молитвах
Или пытать удачу в бессчетных битвах.

Просто представь, что тебя не отметят в титрах, –
Будешь ли ты согласен на то, что есть?

Главное быть живым посреди живого.
Те, кто искал свое, не возьмут чужого.
В сердце, в горсти, во рту – донеси им Слово,
Если тебе доверят благую весть.

* * *

Ладно тебе, ладно уже, – говорит, –
Хочешь воды, значит, буду тебе вода,
Переведи только с идиша на иврит,
Из ниоткуда вымани в никуда,
Перенеси из лодочки на причал,
Не расплещи, не отпей ничего, гляди.

Не обманул, все теперь, как пообещал:
Снизу вода и сверху, и сзади, и впереди…

* * *

Этот город похож на большой вокзал,
Поезда, как птицы, кричат в ночи.
Но когда я вижу твои глаза,
Все молчит.

И уже многоточья легли в пробел,
Неизвестно, откуда взойдут слова.
Но когда я думаю о тебе,
Я жива.

А составы заходят на новый круг
И стучат на стыках: ничья, ничья…
Но когда меня окликаешь вслух,
Я твоя.

Ничего не останется навсегда,
Никому не достанется этот рай.
Но когда сорвется моя звезда,
Загадай…

* * *

Там нет ничего, обернешься – и ты пропал.
Там темень такая, что снега не различить.
И детские вещи оттуда несут в подвал,
когда уже больше некому передарить.
Уже отобрали бумагу и карандаш,
и пустошь уже такая, что не смотри,
и если кто шевельнется, так то не наш,
а наши давно уснули у нас внутри.
И зайца забрали уже, и велосипед,
и бабку, и дедку, и всех четырех собак,
и свет погасили, и даже тебя там нет.
А ты все стоишь и пялишься в этот мрак.
Там нет ничего, и не выкормить даже моль.
Кого-то прибрало время, кого-то сны…
– Вон тот, у стены, на корточках – это мой.
– Тебе показалась, там нет никакой стены.

Львов

Александр Мардань

Отдельная история

Некоторые так громко думают – не захочешь, а услышишь.
Автор

Интересно, какой у нее был голос?

Нежный, мягкий, вкрадчивый. Или наоборот, с хрипотцой и грудным прерывистым смехом… Все может быть. Единственное, что невозможно представить, – чтоб она ругалась, скандалила или орала на мужа, непослушных детей, соседей, прислугу.

Мона Лиза. Джоконда. Мечта.

Давно искал ее. Думал даже, придется заказывать. Но сегодня нашел – такой пазл, конечно, большая редкость, и стоит немало, а вот не поленился заглянуть в один магазинчик – сразу после бассейна, не заезжая домой, – и пожалуйста, купил. Какая тяжелая коробка…

Располагайтесь, мадам. Это, конечно, не Италия, где вы родились. И не Париж, где прописаны. Но тоже не последняя в плане культуры часть суши.

Кстати, о воде – надо поскорее плавки и полотенце развесить, а то опять закручусь, забуду, и послезавтра в бассейн идти будет не с чем.

Переодеваюсь, мокрые вещи отправляю на веревку, натянутую поперек кухни, мою руки и надеваю передник.

Всегда удивляюсь: если лучшими поварами считаются мужчины, почему кухонные фартуки у нас продаются исключительно женские? Кокетливо коротенькие, с тоненькими завязочками. Даже не женские – девичьи. Нашим-то! Как стимул худеть, видимо.

Сейчас сварю борщ и займусь пазлом.

Тут главное заранее замочить фасоль. Насмерть. Теперь пусть варится в той же кастрюле. Ой, а томат! Томата хватит? Достаю из холодильника банку, отмеряю мерным стаканчиком. Нормально. Можно приступать к очищению моркови.

Самое нудное в борще, как ни шути, чистить овощи. А ведь мог не мучиться. Напрашивалась помощница. В бухгалтерии работает. Такая… ничего… Экономка. В последнее время намеки делает, видно, узнала, что развелся. Вчера в супермаркете столкнулись у кассы, в мою корзину заглянула, спрашивает – борщ варить будете? Дедуктивный метод! Свеклу увидела. Нет, говорю, винегрет. А она – с огурцами или селедкой? Может, помочь? Я готовить люблю. Говорю – спасибо, сам управлюсь. «Один буряк сказал капусте: А мы тебя в наш борщ не пустим!»

Сегодня смешного деда в бассейне встретил. Всю жизнь прожил у моря, а теперь уроки плавания берет. Да, не брошенный в воду плавать не научится. И борщ варить тоже. Пока жизнь не заставит.

Знакомая мелодия, «Love story», мобильник. Кому я уже понадобился? Надо было его сразу из сумки достать, теперь пока руки вытрешь, пока найдешь. Алло! Нет, это не Игорь, ошиблись, бывает. Опять! Наверное, со связью что-то. Стоп, а если снова он? Игорь, подчиненный мой, пчеловод-любитель. У нас мобилки и сигналы одинаковые, опять он трубки перепутал и мою прихватил, теперь у меня его. А я еще удивляюсь: никто меня не беспокоит. Красота. Значит, чтобы поговорить с Игорем, надо набирать мой номер. Только он сейчас на даче, с пчелами общается, за майским медом охотится, а где вы видели пчеловода в маске, говорящего по мобильному?

Артист! Который раз такой номер откалывает. И что мне делать? Телефон в карман убирать? Забываю. Поговорю – и кладу на стол. И он кладет. А потом путает. А может, я ошибся… Пятница, день тяжелый.

Переходим к свекле, начинаем зачистку.

Вчера мужик из соседнего отдела забежал: кто знает, почем морковь? А свекла? Шеф требует борщ обсчитать. Наш борщ как на Западе гамбургер. Способ измерения инфляции. Подорожал

борщ – подорожала жизнь. Спрашивает меня: сам готовишь? Может, пора поискать, на кого передник надеть? Год уже прошел. Я вежливо промолчал. Никто не приготовит, как сам. Мне, например, перец нельзя, кислотность повышенная, я и вино не пью. А она всегда перец бросала – потому что положено. Кем положено? И с луком та же история. Спрашиваю: лук в котлетах есть? Говорит: нет. Я спрашиваю: а это? Я что – слепой? Нет, говорит, ты не слепой. Ты нудный.

Теперь лук. Да… лук заставит и рыбу рыдать… А если чистить в очках для плавания? Вот они, кстати. Что, Мона Лиза, смешно? Вам всегда смешно, а почему – никто не знает.

Лук порезал, можно жарить.

Кстати, эта, с работы… экономка. Тоже в бассейн собралась. Хочу, говорит, абонемент купить, плавание подтягивает, а вода там теплая?

В бассейне удобно знакомиться – как и на пляже, потом никаких сюрпризов. Сегодня, кстати, на соседней дорожке такая русалка плавала! Руками махала быстрее, чем хвостом, в ластах не догонишь, если захочешь… Правда, не очень-то и хотелось…

Натираем морковь. Когда в руках терка, отвлекаться опасно, а то борщ перестанет быть постным. Я же не пеликан, чтобы собственным телом питаться. Первый раз готовил – неделю в пластыре ходил, потом сообразил: не надо натирать все без остатка.

Добавляю к луку морковь. А запах!.. Да уж, вся квартира пропахнет. Можно, конечно, форточку открыть, но тут или запах, или сквозняк. В этом году весна холодная, поздняя. Сейчас надену согревающий пояс и спокойно проветрю.

Один раз вот так из дома вышел, теплый пояс – поверх рубашки. Заметил только в машине. Пришел бы в офис. Весь авторитет насмарку. Не курю, весь такой спортивный. Правда, в бассейн хожу из-за спины. Хотя лекарше все равно нравлюсь. Она мне, кстати, бассейн и прописала. На последнем приеме молоточком постукивает – и вдруг: а вы новую комедию про холостяков видели, может, сходим в субботу? Я сначала растерялся, потом вспомнил, что к маме еду с ремонтом помочь.

Кино. Мне и без кино весело… «Если у вас нету тети, то вам ее не потерять». Это я про лекаршу. Кстати, сегодня тираж. Надо

телевизор посмотреть. И нечего улыбаться, уважаемая Джоконда. Думаете, не выиграю? Жена так улыбалась, когда я карточки заполнял.

Теперь натираем свеклу. Ну вот, поранился, нужна срочная дезинфекция! В холодильнике должна быть начатая бутылка водки, можно и рюмочку для аппетита налить. Наливаю, сначала дезинфицирую палец, потом чокаюсь сам с собой и выпиваю аперитив!

Говорят, мы пьем, чтобы сделать других интереснее. А когда с зеркалом чокаемся… Самооценку поднимаем?

Ну да ладно. Вернемся к свекле. Ее многие режут. А я тру. Все равно терку после моркови мыть. И руки от революционного цвета. Для правильного выбора цвета нужен вкус, а у вкуса – не поверите, у него тоже бывает цвет: любимый и нелюбимый. И не только у Армани с Версачи. Ну, какой цвет вкуса томатного сока, когда в нем размешана соль? Правильно, красный. Вот и у борща такой же, а фиолетовый – это цвет вкуса свекольника. Свекла. Она же буряк. Овощ-трансвестит.

Борщ, как путь в жизни, у каждого свой выходит. Одинаковых не бывает. Уж больно модель многофакторная, каждый продукт можно резать, а можно тереть, можно жарить, а можно тушить, можно с мясом, можно постный… холостой. Кстати, мама звонит через день: Тебе надо жениться, надо найти такую…

«Мужа на час» мне надо найти, видел где-то рекламу, а то опять кран не закрывается. Наверное, что-то с резьбой. Интересно, а есть «Жена на час»? Не по вызову, а пуговицу пришить, посуду вымыть. Но на час. Хорошо, когда женщина, как лабрадор: позвал – есть, не позвал – нету.

Перекладываю жареный лук с морковью со сковороды в кастрюлю, где варится фасоль.

Жениться, искать. Кого искать? Сами находятся. Одна ужин предлагает, другая кино. А мне не хочется. Бесплатный секс, как и бесплатный сыр… только в мышеловке. Нет, не хочу. Конфеты-букеты, вроде надежд не давал, но обнадежил, потом неловко. Она дрогнувшим голосом скажет: «Мы в ответе за тех, кого приручили», – и расплачется. Свинцовое чувство вины. А еще вместе работаем.

Лучше Джокондой любоваться. Я знаю, почему ею все восхищаются: она никогда не плачет. «Я с детства не люблю очередей, ночных звонков и слез у женщин, из всех известных мне людей себя я не люблю намного меньше»… С младенчества сочиняю – редко кому показываю.

Высыпаю на сковороду тертую свеклу, жарю.

Что-то мне не очень… Надо проверить давление, вот и аппарат в ящике стола. Сажусь ровно, надеваю манжету, накачиваю грушей воздух, слежу за показаниями: сто тридцать на девяносто пять. Подскочило, и сердце постукивает. Лишнюю дорожку проплыл.

В первый раз к лекарше пришел, спрашивает: какое у вас обычное? Откуда я знаю, в космос никогда не собирался. Теперь в курсе: сто двадцать на восемьдесят. Верхнее – когда сердце сжимается, нижнее – когда разжимается. Гидравлика. Умнеем с возрастом. А что такое возраст? Пропорция между тем, что было, и что будет.

И что будет? Как говорил один персонаж, я старый и больной, меня девушки не любят. Про девушек это правда, я им материально не интересен. А кому за тридцать… Для них я не старый. И не больной. Если мне лечащий врач глазки строит, значит, не все потеряно. Машина есть, бегает еще, квартира двухкомнатная, отцовская, не пришлось при разводе делить. Почему тогда один на кухне стою? Развелся. Вырвался. Свобода! Могу пиво пить, а могу не пить, могу тетку на ночь пригласить, могу у нее остаться, все могу! А что-то не вдохновляет. Вырываешься на свободу, а попадаешь в одиночество.

«Вы сотканы из взглядов, как простыня из льна, как ласковый платок из шелка. Улыбка скромная загадочно-грустна, как будто в восхищеньях нету толка». Красиво? Сам сочинил. Тебе, Джоконда. А когда на работе отмечали день рождения экономки – прости меня за ветреность, – я вместо тоста эти стихи ей прочитал. Решила, что про нее. Специфика женского ума: принимать желаемое за действительное. Хотя… умная женщина – одни проблемы, глупая – другие, середины нет.

Лучшая однозначно ты, Лиза, всегда молчишь и улыбаешься, а умная или не умная… Один ученый выдвинул версию, что

ты была того, не совсем нормальная. Измерил. Одна рука больше другой, лицо не симметричное. Диагноз. Хотя, думаю, это он от зависти. У большинства людей что-то с чем-то не совпадает, и вообще, здоровых нет, есть не до конца обследованные.

Ну, кажется, все, буряк на треть ужарился, значит, готов, можно отправлять в компанию, то есть в кастрюлю. Займусь капустой.

Знакомая мелодия! Опять Игорь кому-то нужен. Может, и мне сейчас звонят?.. Лекарша, например, или экономка. Я тут страдаю в сомнениях, правильно ли живу, а все решается без меня.

Итак, борщ будет, это хорошо. А второе? Что у меня в холодильнике? Грустно. Молоко. Хорошо хоть не скисло. Значит, будет манная каша. Высыпаю манную крупу в молоко, варю, помешивая, чтобы не было комочков.

Когда я в последний раз манку ел? Кажется, ребенку было лет пять. Тогда все недоеденное было мое. Как-то сказал жене, что после такого завтрака хочу не на работу, а с совочком в песочницу играться. Разозлилась: мне что, десять блюд готовить? Тяжело есть то же самое? Как в анекдоте: Чем мужа кормите? Что сами едим, то и ему даем. До сих пор помню, однажды промерз, рюмку выпил, закусил кашей, а она, зараза, сладкая! Срочно перебить воспоминание – вот моя рюмочка, а вот и банка с огурчиками на закуску.

Вообще-то, мы ссорились редко. Обиделся – замолчал. День, другой, как игра в молчанку. Но кто-то первым обязательно заговорит. Жили неплохо. Среднеустроенная семья. Лев Николаевич писал, что все счастливые семьи похожи друг на друга. Как дауны. Может, и мы были похожи на других? Но ей проблем недоставало. Стала заниматься чужими, подругиными. Весь вечер на телефоне, исповеди выслушивает, утешает. Бывает, у нас разговор на повышенных тонах, а подруга позвонит – и у жены голос такой ласковый. Может раздражать отзывчивая жена? Может, потому что все на других уходило, а дома – по остаточному принципу. Я ей так и сказал тогда: знаешь, где заканчивается путь заботы о ближнем?.. На кресте!

Пора снимать кашу с огня. Интересно, зачем я ее сейчас сварил? Ее ж сразу есть надо, а у меня борщ не готов. А потом, как манку греть?

Посмотрим, что рекомендует поваренная книга. Гурьевская каша. Сливок нет, изюм где-то был, орехов и сахара побольше, все запечь. Значит, будет не первое и второе, а первое и третье, борщ и десерт. И здесь середины нет.

Опять покалывает в груди слева, надо измерить давление. Сто сорок пять на девяносто. И пульс восемьдесят. Нет, дистанцию надо сокращать. Тоже мне, амфибия…

Чистим картошку.

Сначала все разговоры дома – только о подружках, потом с ними стала все свободное время проводить. Как-то поругались из-за этого. Она мне бросила: А у тебя, кроме денег, друзья есть? – А ты разве не друг? – Я? Жена. Это другое. Вот так. А потом: Можно, Лида у нас поживет? У этой Лиды, кстати, история экзотическая. Жили они скромно, она мужа подпиливала – смотри, как люди крутятся. Потом и у него бизнес появился. Редкий. Змей разводит. Кобры, гадюки, шипят и несутся, как куры, яйца откладывают, из них змееныши вылупливаются. Не знаю, что совсем маленькие едят, а большие – мышей. Живых. Или замороженных, причем живьем. В комнатах змеи плодятся, в морозилке мыши хранятся. Подросших змеек хозяин продает. Таким же ненормальным. Деньги большие. А жена ушла. Что самое интересное – она змей не боится. Она к ним приревновала. Говорит: он в своих гадин влюбился. Лучше бы пил или даже гулял, это нормальнее, чем переживать, что любимая кобра захандрила. Вот спрашивается – где логика? Другую женщину она простит, а змею – нет.

Режу картошку и кладу в кастрюлю, где варится борщ.

Разошлись они, а пока квартиру разменивали, Лида у нас жила. Попросилась на пару недель, жила три месяца, пока я шипеть не стал, как кобра, потому что – сколько можно? Она, конечно, деликатная, но все равно – чужой человек в доме! Они с моей весь вечер ля-ля, тополя, а я вроде третий, ненужный. А то еще одна придет, сядут вместе на кухне и дымят, как линкор, в три трубы.

Пока варится, займусь орехами. Щипцы для колки есть, а вот и супница, у меня в ней хранятся орехи. Игорь с дачи привез, презент, штраф за похищенный телефон. Что еще с него взять? На мед у меня аллергия, а орехи у него хорошие, и чистятся легко и быстро.

В конце концов, Лида от нас съехала. А осадок остался. Вроде я эгоист. Моя такой вывод сделала. Не сказала ничего, но подумала. Некоторые умеют громко думать…

В общем, тот развод оказался заразным. Надоело мне быть чужим на этом девишнике, да еще эгоистом… Эгоист – это тот, кто себя любит больше, чем меня. Каждый из нас эгоист. Сказано же: «Возлюби ближнего, как себя».

А если себя все время ущемлять, что получается? Тут подвинулся, там уступил, в итоге я – не я, а какой-то остаток. Как в загсе говорят? Вы – две половинки одного целого. Не хочу быть дробью! Я, например, хотел альбомы коллекционировать: Прадо, Уффици, Лувр. А ей неинтересно, что за увлечение – картинки смотреть?

Если б умел, нарисовал бы картину: на кровати лежат мужчина и женщина, каждый читает свою книгу, но книги – одинаковые… И назвал бы картину «Гармония».

А орехи действительно вкусные, надо же, пока чистил, все съел. Будет гурьевская каша без орехов.

Ей всегда водить хотелось, но я за руль не пускал, боялся. За нее боялся! А она считала – машину жалею, и обижалась.

Наверное, есть тысяча причин, почему люди расходятся, и только одна, почему они вместе, но ее никто не знает. Говорят, любовь. Но если она есть, то куда девается, была – и вдруг нету? Почему сначала жить друг без друга не могут, а потом видеть не хотят? Диагноз придумали: «не сошлись характерами». Двадцать лет сходились, как Ленский с Онегиным на дуэли…

Вчера анекдот рассказали: мужик читает ТВ-программу: в пятницу матч по боксу на звание чемпиона мира. Всю неделю готовится – ящик пива в холодильник поставил, пиццу заказал, кресло переставил. Пятница, матч начался. На двадцатой секунде нокаут. Судья посчитал до десяти. Матч окончен. Мужик недоуменно смотрит на пиццу, пиво, на экран. Тут заходит жена и говорит: «Ну, теперь-то ты меня понимаешь?..». Нет, с этим у нас было все в порядке. А вот с пониманием напряженка.

Дорезаем капусту.

Обиды глупые… Я же ее знаю! Пару раз давал руль за городом, на проселочной дороге, – координации никакой, сконцентриро-

ваться не может. А потом удобно вышло, ей квартира, мне машина. Хотя мои четыре колеса деньги кушают быстрее, чем ездят, и стоянка дорогая. В последнее время перед домом под окнами ставлю. Как там она, кстати… Мама дорогая, угнали! Угнали мою старушку!..

Вниз не наверх, сбежал через две ступеньки, чуть соседа не сбил. Выбежал на улицу… Что делать? Вечный вопрос. Иду по инерции, дошел до угла. Стоит родимая. Так и инфаркт получить можно. От склероза. Забыл, что машину за углом припарковал. Хорошо, что в милицию не позвонил, чужой мобильный дома остался. Дискретная амнезия. Что на завтрак ел – не помню, а какое вино на выпускном вечере из горлышка пил – забыть не могу. Перегнал под окна – и назад на кухню. Борщ, как любовь, надолго оставлять нельзя. Померил давление. Нормальное. Удивительное рядом… Наливаю, но не пью, пусть пульс стабилизируется.

Пашка на права сдал, теперь тоже обижается, что машину не даю. Кто же против, катайся, но когда я рядом. Без меня – понятно: компания, девочки, лихачество. Ранняя весна… Мозгов-то в девятнадцать негусто, себя помню. Хотя он у меня любитель мудрости, на философский поступил. Сколько ему ни объяснял, что кроме учебы в жизни есть еще работа… Нет, каждый хочет на собственные грабли наступить, а все мамино влияние! Подруга, которая мужа с коброй не поделила, на кафедре философии работает, книги подсовывала: Камю, Сартр, Фромм, быть или не быть, быть или иметь, пить или не пить? Слова умные выучил: экзистенциализм, постмодернизм. Бороду отпустил, волосы до плеч, джинсы рваные. Мудрец сопливый. Кстати, Пашка – то немногое, что получилось по-моему. Она дочку хотела.

Кладу капусту в борщ. Скоро доварится, наконец-то пазлом займусь.

Лиза, а Лиз, не скучно там, в Лувре, особенно по вечерам? Скажи мне, одиночество – это когда ты никому не нужен или когда тебе никто не нужен? Я сначала думал, что первое. Но ведь те, кто на самом верху, они-то всем нужны, а при этом самые одинокие. А почему люди расстаются? Устают смотреть друг другу в глаза? Кто из нас первый устал? Я? А может, она, а я не заметил. После

гляделок стали в молчанку играть. Оба понимали, что пора разойтись, а кто первый скажет…

Во Франции есть агентства расставаний: сотрудник сообщает твоей половине, что финита ля комедия. За деньги, конечно. Интересно, как это выглядит? Будьте любезны, передайте жене, что я хочу развестись. – Ваша жена сказала, что вторую такую дуру вы не найдете. – Такую? Точно не найду.

Включаю конфорку под сковородкой. Кладу томат.

Скоро розыгрыш. Между прочим, я два раза выигрывал: один раз мелочь, а второй – еще при коммунистах – сто рублей. Чемодан купил, мечтал в Европу съездить. С ним и ушел. Посмотрим-посмотрим, где тут моя лотерейная карточка? Вот она. Даты – числа. Дембель, свадьба, сын родился, кандидатскую защитил, начальником отдела стал. Развод. Итого – шесть. Из сорока девяти.

Теперь можно и рюмочку. За удачу!

Кто-то сказал, что жизнь состоит из любви и ошибок. А по-моему, она состоит из любви и одиночества. А может, из одного одиночества? Ведь мы все у себя одни. Конечно, мне нужен кто-то, чтобы рассказать о себе. Не послушать кого-то, а рассказать о себе! Но разве этим «кто-то» не могу быть я?

Может, и любви нет, как снежного человека. Каждый ее описывает по-своему. Я думаю, любовь это трансформированное одиночество, когда одному уже никак и в дружном коллективе никак. Но если у явления много определений, то вряд ли оно существует. Был бы эталон любви… Под стеклянным колпаком, рядом с метром и килограммом.

Философ! Чуть на сковороде все не сгорело. Перекладываю содержимое сковороды в кастрюлю, там уже все перемешалось. «Смешались в кучу кони, люди» – это плохо, это война. Лучше, когда люди не смешиваются, а переплетаются. Я бы и сейчас вышел на демонстрацию под лозунгом: «Люби, а не воюй». От этих недолюбленных и недолюбивших все войны, все беды.

Пробую борщ. Настоится – вкуснее будет. Если раньше не съем.

Мы поначалу часто вдвоем готовили, в четыре руки. Конечно, она была шеф, а я, так сказать, поваренок. Свеклу почистить, картошку, чтобы она маникюр не портила, вместе над луком плакали, потом смеялись. Разве такое может повториться… без нее?

А может, я до сих пор – с ней? Готовлю, спорю, говорю, по утрам стараюсь не шуметь. Говорят: не сошлись характерами. На самом деле биоритмами. Птицы в одной клетке не ужились, я жаворонок, она сова. Мне спать хотелось, ей – телек смотреть. Утром наоборот: ходил на цыпочках, чтобы не разбудить.

Опять знакомая мелодия и тот же номер! Надо же, какая упорная дама. Отвечать не буду, Вам Игорь нужен, ничем помочь не могу. И вообще, не грузите меня, у меня разгрузочный день. Постный борщ и холостой вечер.

Порядочный человек чужие письма не читает и чужие трубки не берет. Кстати, о порядочности. Вышел как-то из института зимой, иду к машине, слышу: Мужчина! Мужчина, постойте! Обернулся. Женщина поскользнулась, кулек порвался, все рассыпалось – яблоки, капуста. Она все это собирает. И видит, что я вижу. Отворачиваться неудобно, подошел, поднимаю яблоки, а у нее другого пакета нет, принес из машины. Собрали урожай, все не помещается. Она мне в руки кочан капусты сует и жалобно так: мужчина, помогите донести, один квартал… Я, конечно, подвез. Оказалось, три. Потом между домами, налево-направо, за угол. Пока обратно выруливал, за столбик зацепился, машину поцарапал. А все из-за чего? Из-за ложного чувства порядочности.

Не пропустить бы тираж, включу-ка телевизор заранее. Опять политика. Выборы. Наобещают каждой бабе по мужику, каждому мужику по две бабы. У лжи короткие ноги, но память у людей еще короче. Игорь интересно рассказывает, как пчелы голосуют. Почти как люди, только результаты подтасовывать еще не научились. Все за новую матку проголосовали – старую убили. А если голосов поровну, то желающие остаются со старой, а остальные улетают с новой. Матриархат. Насекомые все-таки. Куда им до нас.

А вот и тираж. Началось. Так. Так. Таааак… Еще. Ага. Да. Ура! Вы-игр-рал! Вы-иг-рал! Все выиграли, и дембель, и сынок мой бестолковый, и степень кандидатская, и должность тяжелая, и свадьба первая, она же единственная. Пять из шести. Эх, черт, с разводом промазал. Хотя сорок первого числа развестись было практически невозможно. Но пять номеров – это, как ни считай, а меньше десяти тысяч хороших денег не получится.

От радости я чуть не схватил в объятия телевизор, но вовремя остановился – тяжелый… Коробка с пазлом стала моим бальным партнером. Кружа ее по кухне в ритме вальса, я подумал, что, похоже, это она принесла мне удачу. Спасибо, Джоконда! Без тебя как-то не складывалось.

А ведь ей и самой когда-то повезло – мог же Леонардо другую Мону изобразить. И мне повезло, что не забыл карточку заполнить, вот было б обидно – я ведь одни и те же числа зачеркиваю. Ну, на эти больше ставить не буду, теорию вероятности не обдуришь. Ничего, другие даты жизнь подскажет.

Что ж, за успех, надо выпить! Я бы и тебе, Лиза, налил, но знаю, что откажешься.

Ни одна женщина не догадывается, как мужику нужна победа. И чем больше, тем лучше. Вот сейчас машину-старушку подрихтую, все починю-заменю, а то в последнее время я у нее деньги одалживал, на ремонте экономил. А может, наоборот? Новую куплю. Ну, не новую, а поновее. И в квартире ремонт сделаю, а то метры есть, а комфорта мало. Пашке компьютер самый навороченный, чтоб весь курс завидовал. На работе никому не скажу. Даже Игорю, а то сразу одалживать будет на новые ульи, пчел ему не хватает. А экономке? Скажу, но попозже, когда все потрачу. Как говорил покойный отец: мудрый – это умный в рассрочку.

Нет, неправильно… Приглашу любительницу готовить на чужой кухне в ресторан. Вместе с лекаршей из лазарета. Пусть пообщаются. Посоревнуются в честном бою.

Какой же я молодец! Горжусь своим упорством! Как-то с Пашкой разговор случился на философские темы: почему, говорит сын мой, гордость это хорошо, а гордыня смертный грех, причем первый в расстрельном списке? «Крошка сын к отцу пришел, и спросила кроха». Потому, отвечаю, что от гордыни все беды на земле. Войны, перевороты, измены. Кстати, не только христианство, все религии призывают к смирению. Ислам в переводе с арабского «покорность», идея буддизма – избавьтесь от желаний, и вы избавитесь от страданий. Пашка задумался: А прогресс? Эволюция, в конце концов? У амебы проснулась гордыня стать инфузорией туфелькой, и все завертелось? Потом говорит: Тебе не кажется, что это те, кто всего добился, говорят остальным –

вам не надо. Тем более что на всех не хватит. И за ограничение рождаемости борются те, кто уже родился. Тут я ему конкретные советы по рождаемости стал давать, и философскую нить мы утеряли. Может, и хорошо, что утеряли. Пусть желает. Кому нужна жизнь без желаний? Лучше желать и страдать, чем блаженствовать, как овощ, пока тебя в борщ не бросили.

Опять «Love story»! Ладно, отвечу. Я теперь добрый.

Голос у девушки был нежным, мягким и вкрадчивым.

Вначале объяснял ей, что я не Игорь, ничего никому не обещал и в рестораны хожу редко, только по знаменательным поводам, а потом сообразил, что зовет она меня не на ужин, а на презентацию турагенства, с фуршетом, где будет разыгрываться поездка в Париж… Начало презентации через час. Странно, но я согласился.

Почему – трудно сказать. Собирался ведь пазлом заняться… Что на меня повлияло? Вкрадчивый голос? Выпитая водка? Внезапный выигрыш?

Водки-то я совсем мало выпил. Правда, натощак. КПД выпитого натощак всегда высокий. С утра не пробовали? Нет, не похмеляться, а сто грамм перед работой? Я тоже никогда не пробовал, пока не отравился. Друзья посоветовали – проснешься, размешай в ста граммах водки чайную ложку соли – и залпом. Двойной эффект: прекрасное настроение и здоровый желудок. А пить и закусывать это как жать на газ и тормоз одновременно. Но все события люди по вечерам отмечают, нет чтоб за завтраком.

Нет, это выигрыш мне энтузиазма добавил.

А что? Фуршет, презентация, туры будут разыгрывать… Ясное дело – пиарятся и залежалые путевки продают. С другой стороны, сколько же там интересных людей будет, которым в Париж хочется! И я всю жизнь об этом мечтал… Понятно, что не выиграю два раза в один день. Не выиграю, так куплю поездку.

А что мне машину-то менять? Нормально ездит, и квартира уютная. Нет-нет, Пашке компьютер куплю обязательно. А на остальные деньги – во Францию. Вдруг мне на фуршете кто-то понравится. Приглашу на чашечку кофе. И не на кухню, а на Эйфелеву башню. Им же, претенденткам, наверно, не только магазины интересны, но и музеи не чужды. И никто там меня не знает. Можно историю болезни с нуля начинать. Это я про любовь так шучу.

Ради такого случая костюм с галстуком надену. Хорошо, что я его вчера не развязал. Так завязывать и не научился. Раньше это жена делала, теперь Игорь на работе.

Вот так всегда: планируешь одно, а получается разное. А с другой стороны, как французы говорят – все, что ново, то прекрасно. А то от разговоров с самим собой недалеко до занятий любовью с тем же собеседником.

Лиза, отпустишь меня на твои жилищные условия посмотреть? Опять улыбаешься? Все говорят, что твоя загадка в улыбке. А мне другое любопытно. Какие у тебя ноги? Наверное, красивые. Иначе не стал бы тебя Леонардо рисовать.

Интересно, та, которая звонила, Игорю просто знакомая или как? У него, кстати, этих «или как» почти как пчел. Как-то спрашивает меня: знаешь, что такое вечность? Это время между тем, как с женщиной переспал и посадил ее на такси. Циник. Но что интересно – женщинам нравится.

Ему сорок пять, женат не был, все твердят: женись, как же ты без детей! А у него любимый анекдот: сбежал мужик с каторги, поймали, следователь интересуется: Чего бежал? – Жениться хотел. Следователь задумался: странное, говорит, у тебя представление о свободе.

Целую теорию придумал: мужчина животное полигамное, природа так задумала, а женщина – наоборот. Вот семья львов, сколько их там? Один глава, несколько самок, общие дети. И у мусульман похожее, а это четверть мира. Главное, чтобы честно. Никто же этой, в паранджe, не говорит, что она будет единственной. И Игорь не обещает под венец вести. Натуральный промискуитет… Я когда с этим словом первый раз встретился – смысл уловил, а значение не понял. Думал, от английского *promise* – обещать куитет, то есть ничего не обещать. А оказалось, что это «стадия ничем не ограниченных отношений, предшествовавших институту брака и семьи». Не поленился в словарь залезть.

Вообще, мужчины делятся на тех, кто любит женщин, и тех, кто любит женщину. Я, наверное, отношусь ко второй категории. Может, мое время еще не пришло. Возраст полигамный не наступил, а может, уже прошел, а я и не заметил. Пойду вторую половинку искать. Цельность надоела, опять в дроби потянуло.

Как я выгляжу? Ну-ка, зеркальце, скажи… Мама дорогая! Согревающий пояс опять не снял.

Вот, теперь я готов к фуршету.

А как быть с борщом? В холодильник нельзя. Пусть остывает. Настаивается. Любите вчерашний борщ – приходите завтра.

А я – а вдруг так случится, что мы, – сегодня придем. Но это будет уже другая, отдельная история.

Одесса

Борис Мессерер

Промельк Беллы

Сергей Параджанов

Виноват в том, что – свободен

В 1969 году я приехал в столицу Украины по приглашению Киевского театра оперы и балета для оформления «Кармен-сюиты» на музыку Ж. Бизе – Р. Щедрина. Это была версия балета, поставленного в Большом театре в 1967-м. Спектакль в Киеве готовил Александр Плисецкий, мой двоюродный брат и родной брат Майи и Азария Плисецких.

Жил я в гостинице «Театральная» на площади напротив театра и привычно ходил туда на репетиции и в производственные мастерские, где делались декорации. В Киеве я бывал неоднократно. С прошлых приездов у меня сохранился широкий круг друзей, и мы довольно бурно проводили время. В наших разговорах то и дело всплывало имя Сергея Иосифовича Параджанова, с ним были связаны тысячи историй – он уже тогда был легендой. Но наше знакомство все никак не складывалось.

В этот раз один из моих друзей, Семен Пресман, стал настойчиво звать меня к Параджанову. Когда мы пришли, у него уже сидели две пожилые интеллигентного вида дамы. Оказалось, что они – научные сотрудницы ленинградского Эрмитажа. Неожиданно в квартире возник юноша с вихрастой головой – сын футболиста Андрея Бибы (звезды киевской команды «Динамо»). Потом появился поэт из Львова (как подчеркивал Сережа – католик), почему-то в белой тройке. Следом за ними – три красавицы актрисы из драматического театра им. Ивана Франко…

И я – московский художник, еще тогда не друг, а просто почитатель таланта – вместе с моими спутниками Семеном Пресманом и Мишей Белоусовым, коренными киевлянами, хорошо знавшими Параджанова. С ними я когда-то познакомился в Макопсе, курортном местечке на берегу Черного моря, рядом с Туапсе. Там располагался Дом отдыха работников искусств. Семен Пресман по профессии был экономист, а по жизни – страстный игрок, проводивший все свободное время на ипподроме, а вечера за игрой в преферанс. Миша Белоусов, сын знаменитого актера Михаила Михайловича Белоусова, учился в Киеве на факультете международных отношений, но был богемным человеком. Они были близко знакомы с Параджановым.

Быть может, я оказался единственным из посетителей, кто точно соответствовал Сереже своими реакциями и ощущением происходящего. Так или иначе, он почувствовал, что у нас много общего. Я восторгался его фильмами с неповторимым индивидуальным видением мира, а Сережа «с пристрастием» расспрашивал меня о работе в киевском театре.

Жил Сергей Иосифович на верхнем этаже хрущевки, напротив гостиницы «Либідь», в крошечной двухкомнатной квартирке. В доме имелся лифт, который Параджанов однажды использовал в полном соответствии со своим характером. В день рождения он рассадил всех гостей на лестничных площадках за импровизированные столы и скамьи из ящиков и досок, а сам на лифте развозил закуски, напитки и чокался с гостями.

У Параджанова была впечатляющая внешность. Удивительно правильные черты лица, широко расставленные темные горящие глаза, черная короткая бородка с проседью и поразительное обаяние, которое ощущалось с первой минуты встречи. Он обладал какой-то кроткой, мягкой манерой общения – «манерой обольщения», против которой нельзя было устоять, и редким чувством юмора, переходящим, как правило, в самоиронию – насмешку над самим собой. И я сразу проникся любовью к Сереже.

В его доме постоянно собиралась пестрая и разнокалиберная компания. К нему шли люди, так или иначе прослышавшие о чуде личности Параджанова. Шли так, как идут паломники к святому месту – в надежде если и не на исцеление, то на какое-то обод-

ряющее влияние этой могучей личности. Сережа всех привечал, интересовался, кто и откуда пришел, и пытался угощать, хотя накормить такое количество людей было невозможно. Быть может, это было первое, что меня поразило, – он всех привечал и угощал!

Все, что бы ни делал Параджанов, было исполнено изумительного артистизма: он потчевал гостей, преподнося им фрукты, уложенные кругами на огромном голубом антикварном блюде, наливал красное вино из большого кувшина с тонким изогнутым носиком в изысканной формы бокалы.

При этом он посматривал на пришедших особым взглядом, проницавшим человека насквозь. Он на глазах создавал свой особый мир, отбирая тех, кто его понимал. Этому кругу людей удивительным образом соответствовал собранный Сережей мир вещей. Предметы, составлявшие среду обитания Параджанова, всегда имели отношение к искусству и были сделаны его собственными руками или руками мастеров прошлого времени.

Картин Сережа не рисовал, он творил коллажи, используя неожиданные материалы – предположим, вырезки из журнала «Огонек» – для создания причудливых китчевых композиций.

Он мог, например, наклеить на бархатную поверхность столешницы осколки случайно разбившейся старинной вазы, спонтанно создав причудливую композицию, превосходящую по ценности разбитую вазу, заставляя думать, что все это, включая гибель античной вазы, сделано по специальному плану, обдуманному заранее.

В те годы бутылки для кефира были стеклянные, с широким горлышком и закрывались крышечкой из тонкой металлической фольги размером с крупную монету. Из заключения Сережа принес целую гору таких крышечек с наколотыми простой иглой лицами сидевших вместе с ним уголовников. Кефирные крышечки он чернил сажей и разглаживал ложечкой, и они выглядели так, будто их только что извлекли из раскопок, – портреты зэков становились похожими на чеканные лики римских императоров с античных монет.

Когда мы прощались, Сережа взял с меня слово, что я непременно снова к нему приду. Замечу, что он вовсе не был всеядным и временами довольно сурово прощался с теми, кто был чужд ему

по взглядам или излишне навязчив. Ко мне он проявил особенную теплоту, вызвавшую и у меня желание с ним дружить. Я был потрясен его художественным миром, широтой общения и щедростью. Все это было близко мне, и я предвкушал возможность принять его в своей мастерской и познакомить с моими друзьями.

Сережа тогда только что вернулся из экспедиции в гуцульские деревни в Карпатах и был очарован наивным искусством этого края. Он привез массу рисованных ковриков, расписных прялок, глиняных свистулек и, конечно, народные костюмы, которыми он просто упивался. При этом он не был коллекционером – все, что привозил и так обожал, он широко раздаривал случайным гостям.

Через два дня, следуя его приглашению, я пришел с друзьями: балериной Валентиной Калиновской, танцевавшей Кармен в нашем спектакле, и Валей Никулиным, повстречавшимся мне в киевской гостинице. С Валей я подружился в годы работы в «Современнике», он в то время был очень популярен как киноартист.

Конечно, я принес с собой всякие угощения и напитки. Параджанов был чрезвычайно возбужден и подарил Валентине Калиновской какие-то замечательные этнические бусы, а Вале Никулину – шубу, привезенную им с Карпат. Валя совершенно обалдел: актеры тогда получали крошечные деньги, и для него это был царский подарок. Он не мог справиться со своим волнением и разрыдался. Мы бросились его успокаивать, горячо уверяя, что Параджанов всем дарит шубы; благодаря нашим остротам Валя пришел в себя и принял этот дар.

Поскольку я пишу о характере Сережи, то не придерживаюсь строгого хронологического принципа и сейчас хочу рассказать о тбилисском периоде его жизни.

В Тбилиси, куда он перебрался в конце семидесятых, Сережа жил на улице Котэ Месхи, 10, вместе со своей сестрой Анной. Это была взъерошенная полная дама преклонных лет, всегда находящаяся в процессе создания своей предполагаемой красоты путем накручивания скудных волос на бигуди. Одевалась она по-домашнему, в многослойном стиле: на ней одновременно уживались различные кофточки, душегрейки и фартуки. Она являла собой образ женщины – хранительницы очага. Сережа все

время над ней подтрунивал, но она держала жесткую оборону и воинственно реагировала буквально на каждое его замечание. И постоянно внимательно слушала из-за перегородки, о чем говорят за столом.

Однажды Сережа пытался подарить мне кольцо с бриллиантом. Я сказал, что никогда ничего от него не приму, потому что так мне легче с ним общаться. Мало того, я стал нарочито грозно выговаривать ему, что мне его подарки не нужны и что я просто люблю его как друга.

Анна, услышав о кольце, страшно напряглась, но после моего отказа не сдержала восторженного порыва, выскочила из-за ширмы и стала меня обнимать, целовать и говорить, что я самый благородный человек на свете.

Как-то раз мы с Сережей и одним из его друзей шли прохладным вечером в сторону гостиницы «Иверия». На мне был черный кожаный пиджак – предмет вожделения многих грузинских модников. Неожиданно Сережа, как бы испытывая меня, спросил:

– Борис, а ты можешь подарить свой пиджак моему другу?

Мгновенно я снял пиджак и отдал этому человеку.

Параджанов с восторгом воскликнул:

– Я всегда знал, что ты широкая натура, и я это очень ценю!

Параджанов был чистый человек, целиком посвятивший свою жизнь искусству. Он жил очень трудной жизнью, потому что создавать то искусство, которое он хотел, ему не давали. Его творчество раздражало советских начальников, оно никоим образом не вписывалось в рамки социалистического реализма, было глубоко аполитично и целиком сосредоточено на эстетических ценностях. Сережа тонко чувствовал красоту жизни и старался донести свое чувство прекрасного до зрителя. По отношению к начальству он обладал абсолютной неуступчивостью. Не существовало силы, которая могла бы его заставить переделывать свои фильмы.

Разумеется, он не мог уложиться в прокрустово ложе той зарплаты, которую предоставляла ему профессия режиссера кино. Или еще точнее: в отсутствие зарплаты режиссера кино, потому что он все время находился в простое. И ему приходилось как-то

балансировать между полным безденежьем и тем артистическим времяпрепровождением, которое создавало необходимое настроение человека, пребывающего в гуще жизни.

Никакого интереса к деньгам как к богатству он не испытывал. Все, что он каким-то чудом доставал, выменивал и получал, он в тот же миг раздавал другим людям, оставляя себе лишь наслаждение от широты дарительного жеста.

Только это заставляло его радоваться, и только так он мог проживать свою жизнь.

Но поскольку он имел дело с предметами искусства и замечательно умел ценить красоту формы или красоту живописи, он в то же время знал их рыночную стоимость. И хотя для него это была игра, она давала ему кое-какие материальные средства и своим азартом доставляла удовольствие.

Однако такая жизнь требовала определенных контактов с «нужными» людьми, а они порой оказывались просто мошенниками. Параджанов же при своей жизненной сметке все равно оставался наивным человеком.

Однажды при мне к Сереже заявились совершенно темные люди, с которыми он вел какие-то переговоры. Я видел, как Сережа высыпал на стол содержимое маленького красного бархатного мешочка, в котором у него хранились драгоценности.

Среди этих вещей была (как утверждал Сережа) даже пуговица Наполеона в виде мухи с крылышками, средняя часть туловища которой была сделана из изумруда, головка из золота, а крылышки из прозрачной слюды с прожилками из платиновой проволоки. Сережа очень гордился этой диковинкой. Кроме этого шедевра в мешочке находились колечки с бриллиантами и другие мелкие ювелирные изделия.

Некоторое время знакомые Сережи разглядывали эти предметы, после чего один из них надел на палец перстень с бриллиантом и во время долгого разговора непрестанно им любовался. Затем ему понадобилось выйти в туалет. А надо сказать, что комната Сережи находилась на третьем этаже старого тбилисского дома, каждый этаж которого был окружен галереей с красивым резным деревянным ограждением. Туалет находился тоже на третьем этаже в конце галереи и висел, по существу, в возду-

хе. Человек с кольцом на пальце вышел в этот туалет и через несколько минут вернулся мрачный и уже без кольца:

– Сережа, ты понимаешь, я ничего не мог поделать – кольцо упало вниз!

Гости замолчали и напряглись. Но Сережа лишь рассмеялся и сказал:

– Ну, значит, туда ему и дорога!

Конечно, мы, его друзья, могли лишь догадываться о том, как он делает «деньги из воздуха», но не считали возможным говорить об этом. Нам оставалось восхищаться независимостью его образа жизни и широтой характера и стараться помочь получить работу в кино.

Одна такая история произошла именно в те дни, когда мы познакомились, в киевский период жизни Сережи. В гостях у Параджанова оказался сын самого могущественного человека на Украине – ни больше ни меньше как первого секретаря Коммунистической партии Украины товарища Шелеста Петра Ефимовича. Это был всесильный вождь украинского народа. Его сын, хороший парень, уговорил отца принять Параджанова на предмет трудоустройства.

Сережа был настроен совершенно скептически. Он понимал, что такая встреча не может дать результата: снимать кино так, как он себе это представлял, ему бы никто не позволил, а взять какой-нибудь завалящий сценарий он бы и сам не захотел.

Тем не менее, в назначенный день он явился в кабинет к Шелесту. По рассказу Сережи, Шелест принял его тепло, встретил у дверей кабинета и проводил к креслу у своего стола. При этом Шелест, который видел Параджанова впервые, сказал ему комплимент: «Я не знал, Сергей Иосифович, что вы такой красивый человек!».

Сережа поблагодарил. Дальше пошел разговор, который предсказывал Сережа, – о том, как давно он сидит без работы. И тогда Сережа, которому надоела докучливая елейная забота вождя украинского народа о его благосостоянии, поставив локти на стол генсека, подпер лицо руками. На каждом пальце обеих рук засверкали кольца с крупными бриллиантами.

Откуда Сережа взял или одолжил эти кольца, одному богу известно. Но совершенно оторопевший генсек прервал аудиенцию.

Впоследствии Сережа подарил мне фотографию Шелеста со своей надписью, сделанной вдоль галстука: «Скажи мне, кто твой друг, и я узнаю, кто ты!».

А еще у меня и сейчас хранится рисунок, присланный Сережей. Это иронический автопортрет, на котором автор письма стирает в тазу белье. Надпись под рисунком гласит: «Вор никогда не станет прачкой!».

В киевский период жизни тучи сгущались над Параджановым стремительно. Все его поведение было вызывающим. Каждый шаг становился известен властям. И каждый шаг говорил против него.

...Моя работа в Киевском театре оперы и балета подошла к концу. Я пригласил Сережу на премьеру «Кармен-сюиты», и он с энтузиазмом согласился. «Кармен-сюита» должна была идти во втором акте. Сначала давали одноактный балет «Пахита», в котором были заняты сорок балерин в белых хитонах и лишь один танцовщик, одетый в черное трико. Он исполнял главную партию. В антракте я увидел Сережу в фойе. Он стоял, окруженный пестрой группой зрителей, которые с большим интересом его слушали. А он в совершенно свободной и характерной для него манере ругал киевский балет: здесь совершенно не умеют танцевать, им надо еще учиться, учиться и учиться. Кто-то из близких ему людей, желая хоть немного загладить резкие высказывания Сережи, пошутил:

– Сережа, что ты все ругаешься? Ты посмотри, какие хорошенькие девочки танцуют.

На что Сережа громогласно заявил:

– Да что мне твои девочки? Мне одного этого мальчика хватит.

Конечно, это был его своеобразный юмор. Но каждое такое высказывание доходило до начальства, а начальство, как известно, юмора не понимает.

После окончания спектакля Александр Плисецкий, Валентина Калиновская и я раскланялись перед публикой. Я вышел в зал, встретился с Сережей, и он стал хвалить мои декорации и костюмы. (В дальнейшем мне довелось видеть эскизы балетных

костюмов, сделанные им самим, которые, с моей точки зрения, были выполнены замечательно свободно и артистично.) Небольшой компанией мы отправились в ресторан. Для Сережи это был подвиг – он очень редко бывал в ресторанах.

Мы ужинали под смешные комментарии Параджанова по поводу балета. Сережа был возбужден театром, публикой и нашим застольем. Несмотря на множество приходивших к нему людей, по сути, он был очень одиноким человеком.

Мы простились. И как оказалось, на долгие годы. Скоро пришло известие об аресте Параджанова и о том, что его квартира опечатана. Коммунистические власти предъявили Сереже обвинительное заключение из четырнадцати пунктов. Нечего и говорить, что обвинение целиком сфабриковали из липовых свидетельств. Но таково было время, и такова была плата за свободу поведения и за смелость его высказываний*. Ему дали пять лет. Все друзья Сережи очень переживали за него и думали, как ему помочь.

Годы, которые Параджанов проводил в тюрьме, постоянно отзывались болью в моем сердце. Я с ужасом представлял, как он там, среди уголовников, борется за свою жизнь. Сколько прекрасного в искусстве он мог бы сделать за это бессмысленно потраченное время!

Самое действенное участие приняла в судьбе Параджанова Лиля Юрьевна Брик. Круг ее общения во многом совпадал с моим. У нее бывали Майя Плисецкая, Родион Щедрин, Валентин Плучек и его жена Зина. Лиля Юрьевна и ее муж Василий Абгарович Катанян жили в длинном новом доме, расположенном сразу за гости-

* В 1965-1968 гг. Параджанов вместе с другими известными деятелями украинской науки и культуры, протестуя против массовых политических арестов, обращался в высшие партийные и государственные органы с требованием разъяснить причины преследований украинских интеллектуалов и выступал за проведение открытых судебных процессов, которое должно было бы обеспечить справедливость рассмотрения дел. В 1968 г. его подпись под «Письмом 139 интеллектуалов» против незаконных политических процессов стояла первой. Неоднократно высказывался за соблюдение свободы слова в печати. Со свойственной ему склонностью к эпатажу Параджанов заявил однажды в интервью датской газете, что его благосклонности добивались аж два десятка членов ЦК КПСС. Эта рискованная шутка была напечатана и растиражирована по всему миру. Когда об этом стало известно в Кремле, была дана команда Параджанова посадить.

ницей «Украина». Вася, сын Василия Абгаровича, чрезвычайно остроумный и веселый человек, был близким другом Параджанова и моим другом. Известный кинооператор-документалист, впоследствии он достиг больших высот в хроникальном кино и даже стал лауреатом Ленинской премии. Он написал книгу воспоминаний о Сергее Параджанове «Цена вечного праздника» (М., 1994).

В доме Лили Юрьевны неизменно говорили о трагической судьбе Сережи Параджанова. Лиля Юрьевна хотела ему помочь и при этом ощущала за собой определенную силу, так как мужем ее сестры, французской писательницы Эльзы Триоле, был известный во всем мире писатель, общественный деятель, коммунист Луи Арагон. Его приезд все время откладывался, но в 1977 году он наконец-то прибыл в Москву и встретился с Леонидом Ильичом Брежневым. Эта встреча носила полуофициальный характер и произошла в правительственной ложе Большого театра во время антракта спектакля «Анна Каренина» с участием Майи Плисецкой. Перерыв длился недолго, но Арагон успел назвать фамилию Параджанова, которую записал какой-то помощник Брежнева. Конечно, сам Брежнев ничего о Параджанове не знал, но выслушал благосклонно. Через несколько минут Арагон зашел в гримерную Плисецкой и ей первой рассказал об этом разговоре.

Разумеется, это Лиля Юрьевна настроила Арагона на соответствующий лад и добилась, чтобы он поговорил с Брежневым. У всех людей, следивших за судьбой Сережи, появилась надежда.

Сереже оставалось сидеть еще год, но ему грозил второй срок из-за разногласий с тюремным начальством. Благодаря заступничеству Арагона Сережу выпустили на свободу. Второго срока он бы просто не пережил.

Параджанова освободили 30 декабря 1977 года.

Москва

Лев Оборин

Бесстыдство

* * *

мы стихами готовим себя к любви
и когда она прилетит
мы стихами попросим ее
обнови
и она нас преобразит
мы по праву начнем страдать и мириться
и просить для себя венца
«возвращаясь к легкости» жени риц
«фисгармонией» стивенса

* * *

скучные люди
в галстуках в худи
подслушивают что мы говорим
как называем друг друга нежно
как мы утром друг друга будим
как нас захватывает мальстрим

Стансы

Не при путине и не при ромни мы плясали и дули в дуду
и наш мир становился огромней но сжимался у нас на виду
а теперь он печален и что мне пожевать в этом стылом саду

Убеждала смородины пена гроздья косточки в темном желе
что так многое второстепенно что осмысливалось втяжеле
но теперь ее надо и где она как перчинки лежит на земле

Вот крыльцо где хозяин затягивается и глядит на парад травяной
и чего-то ему не вышагивается на трибуне и точно больной
до горячего лба чуть дотрагивается он свободно свободной рукой

Бесстыдство

Теперь так мало греков в Ленинграде,
что мы сломали греческую церковь
Иосиф Бродский

Бесстыдство вызревает в темном масле.
Когда-то угловатые каменья
с зазубренными острыми краями
уже прошли беспамятное море,
ждут только окончательной обкатки.

Допустим, «враг народа» – так
уже не модно – зачеркнем же «враг»,

напишем – пусть – «национальный трикстер».
Гугнивый Демосфен людей стыдится.
Он говорит, он учится бесстыдству.
Он проливает кровь! Он за щекою
Ворочает костлявые каменья,

Катает, точит голыши.
Один глотает на помин души.

* * *

Я тебе не винт и не соринка
кровь моя не смазка и не ржа
место мне не жакт и не сорренто
и не острие ножа.

Что ты знаешь обо мне помимо
синих денег у меня в мошне
все ли это что необходимо
для решений обо мне?

Стыдно повторять такое – или
не прошел за этим век
или мы и книг не выносили
из родительских библиотек?

Москва

Андрей Родионов

Всё натюрморт

* * *

Через московский дворик
ночью с любимой, где тополь
царапает как параноик
гладь зарешеченных стекол

а из окна слышен вопль
градусник виден с ртутью
и пальцы, как ветками тополь,
решеток царапают прутья

между шторками в щелке,
в таинственном промежутке
виден свет яркий и желтый,
пустой коридор жуткий

* * *

Кот глядит из-за окошечка
на прохожих, на машины
на воробушка, на голубя
кот глядит из той квартиры

кот глядит: из ада зимнего
журавли летят до рая
дельтаплан ведет бензиновый
их неопытную стаю

котик старый, котик старенький
скоро ждать гнилую стужу
а на улице фонарики,
но не хочется наружу

котик, как мой мертвый родственник
не по крови, а по нервам
прозревает из-под простыни
суету живых консервов

* * *

Ехали в машине леса хмурой сенью
ты смотрела на меня, я глядел в окошко
и тропиночку в лесу увидав с похмелья,
я вздохнул и прошептал: русская дорожка

все вы русские такие, – ты сказала грустно,
– в чем загадка вашего странного инстинкта?
почему бы не сказать тихо, безыскусно:
чем такая русская та твоя тропинка?

и в английских садах, и в буше австралийском,
в джунглях Конго сырых и бразильской сельве
никогда не приплетет человек прописку,
даже если человек с лютого похмелья

ну с чего, с чего ты взял, что тропинка русская?
неужели потому, что на ней одно
ваше русское говно и пакеты с мусором,
и стаканы мятые, и бутылки дно!

Я печально молчал, нет, не понимаешь ты,
иностранка глупая, – это русский лес,
потому что в тоске ты на свете маешься,
я ж на тропку свернул, тропку до небес

я свернул – и исчез с песней тихой светлою,
а пойдешь меня искать, если так глупа –
на тропинке моей радость несусветная,
но ведет прямо в ад милая тропа

черный лес замолчал, как молчат любовники, –
утомившись собой, так молчат они –
вход в него сторожат черные полковники,
тоже наши русские, ты уж извини

Москва

Анна Стреминская

«Затеряться в маленьком городе...»

Коктебель

Есть реальности свойство – достаточно сдвинуть рычаг,
Повернется она совершенно другой стороною.
Будут ветры и солнце, ты бросишь домашний очаг
И уедешь ты прочь. И достигнешь тепла и покоя.

Там тяжелые волны на берег бросаются вкось,
И как гребни драконов застыли тяжелые горы.
Вина цвета заката мы пьем – так уж здесь повелось,
Что ни дня без вина, без стихов, без тепла и простора!

И энергия гор, и энергия моря смогли
Что-то сделать с душой, переполненной мутной печалью.
Мир, вошедший в тебя, ты считаешь по праву своим.
И становишься тем, кем задуман был в самом начале.

А пространство наполнено джазом, и море – один
Из ударников в этом оркестре из шума и зноя,
Поцелуев со вкусом вина. И поет муэдзин
Вдалеке под веселую песню дневного прибоя!

Город Франекер

Затеряться в маленьком городе
северного королевства,
где домики в тусклом золоте
из прянично-летнего детства.

Заблудиться среди красоты
скучноватого очарованья.
Вот дома, вот каналы, цветы…
И забыть все на свете названья.

Шпиль собора и мэрии дом,
где портрет королевы у входа.
Планетарий – в нем дети кругом,
астролябии, звездные всходы.

Безмятежность везде и во всем,
и мелькание велосипедов.
И приветственное «Халё!»
от застенчивого соседа.

Все забыть, то, что было с тобой
в параллельном озлобленном мире.
Помнить только цветы и покой,
и каналы, и яхты, и шпили.

А собор так пустынен, высок,
лишь играет на стенке лучик.
Бог не нужен тут и одинок.
Здесь и так все благополучно.

* * *

А я срослась с телами поездов,
Могу сказать, что я уже улитка
Или кентавр. Мой стучащий дом
Несет меня, мое пространство зыбко.

Мне думать хорошо, куда везет
Меня мой дом, протяжный словно нота.
Одну и ту же песнь всегда поет
О том, что весела его работа.

И вот Урал – на землю стану я,
Меня слегка качнет, как после моря.
Меня ты встретишь, здесь твоя земля.
Я – чужестранка, перекати-поле.

А после мы пойдем к реке Урал,
Я назвала б ее рекой Молчанья.
Здесь молча ты меня поцеловал,
Гуляли молча мы, забыв названья

Событий и вещей, и чувств, и мест.
И не было воды той зеленее
И глубже. И деревья все окрест
В ней проросли, ветвями корневея.

Сиреневая опускалась мгла,
И пахло бунтом, пугачевской сталью!
Как сабля в глубину земли вросла,
Твоя земля мне в душу так врастала.

Одесса

Валерий Хаит

Гердт читает стихи

Познакомил меня с Зиновием Ефимовичем кинорежиссер Петр Тодоровский. Это было на Одесской киностудии, куда я был приглашен для участия в пробах на роль главного героя в будущем фильме Тодоровского «Городской романс».

А началось все с того, что Петр Ефимович по просьбе одесских властей принял участие в первой встрече одесской команды КВН в сезоне 1969-70 гг. (это был так называемый «Кубок чемпионов») в качестве режиссера. Он поставил нам домашнее задание, которое, помнится, и сыграло решающую роль в нашей встрече со знаменитой когда-то командой подмосковного города Фрязино. Тодоровский и в нашем случае использовал только ему одному присущее в кино сочетание лирики и юмора. Таким же характерным для него было и умелое использование музыки. Я помню, как волшебно, вызывая каждый раз восторг в наших душах, звучала на репетициях мелодия итальянца Нино Рота из фильма «Восемь с половиной», ставшая лейтмотивом нашего домашнего задания…

Конкурс, а вместе с ним и встречу, мы выиграли, с Петром Ефимовичем подружились надолго, что, видимо, и было одной из причин принятия им странного решения пригласить меня на пробы. Я прибыл, мне дали текст, познакомили с прилетевшей из Москвы тоже на пробы актрисой (фамилию не помню) и включили камеру. Через пять минут не только я, но и Петр Тодоровский понял, что никакой я не киногерой, но попросил меня прийти и на следующий день: должна была пробоваться другая актриса, которой мне теперь предстояло просто подыграть.

Ее имя я уже запомнил, поскольку, выполняя техническую роль, совсем не волновался; это была Маша, ставшая впоследст-

вии Машей Соломиной, хотя главную мужскую роль в «Городском романсе» в результате исполнил не только не я, но и по каким-то причинам не Виталий Соломин, а совсем наоборот – Евгений Киндинов. Я знаю, чем утешился не получивший главную роль в фильме Виталий: он нашел себе на пробах будущую жену; меня же вполне устроило то, что я помог Маше успешно пройти эти самые пробы, сыграв таким образом решающую роль в ее встрече с будущим доктором Ватсоном.

И вот мы идем с Петром Ефимовичем по двору киностудии, а навстречу нам Гердт. Он был без проб утвержден на одну из ролей в «Городском романсе» и гостил в Одессе у друзей, часто видясь и с Тодоровским, которого уважал и любил. Причем любил до такой степени, что делал как раз в это время все возможное для переезда семьи друга в Москву. И насколько я помню, аргументы Гердта были, как он говорил, сугубо эгоистическими: он просто не мог дня прожить без Пети. Тот платил Зиновию Ефимовичу тем же; даже район съемок «Романса» в Москве, где были необходимые для фильма объекты, выбрал рядом с домом Гердта, чтобы тот мог приходить на площадку пешком.

Тодоровский представил меня, Гердт сказал, что наслышан (КВН тогда был в прямом эфире, да и интеллигенция его тогда еще смотрела), взял меня под руку, увел от Тодоровского и сразу стал мне читать Пастернака. В некоторых стихах я подхватил строки, некоторые мы прочли, так сказать, в унисон, а раз-другой я даже позволил себе уточнить некоторые слова. Со временем стало понятно, что у Гердта это был такой своеобразный тест: знание стихов и, прежде всего Пастернака, было как бы пропуском в его мудрую поэтическую душу. После того знакомства я еще несколько раз виделся с Гердтом в доме его одесских друзей, куда и для меня была открыта дверь; а когда я вновь оказался в Москве, то несколько раз даже побывал в гостях в его однокомнатной квартире на улице Телевидения, где он жил тогда в крашенном темно-синей краской новом доме. Помню, вот я прихожу на съемки, жду, когда Зиновий Ефимович отснимет свой эпизод, и мы идем с ним по свежему снегу к его отчетливо видимой синей девятиэтажке, где на первом этаже была его квартира. Он меня угощает обедом, потом уже в сумерках, не зажигая света, мы опять читаем Пастернака, перекидываемся

строчками, потом доходим до романа в стихах «Спекторский», откуда я тоже знал наизусть какие-то куски, скажем такой:

Привыкши выковыривать изюм
Певучестей из жизни сладкой сайки,
Я раз оставить должен был стезю
Объевшегося рифмами всезнайки.

Я бедствовал. У нас родился сын,
Ребячества пришлось на время бросить.
Свой возраст, взглядом смеривши косым,
Я первую на нем заметил проседь.

Но я не засиделся на мели,
Нашелся друг отзывчивый и рьяный.
Меня без отлагательств привлекли
К подбору иностранной лениньяны…

Потом он начинает мое самое любимое из «Спекторского»:

Поэзия, не поступайся ширью,
Храни живую точность: точность тайн.
Не занимайся строчками в пунктире
И зерен в мере хлеба не считай…

И я подхватываю:

Недоуменьем меди орудийной
Стесни дыханье и спроси певца:
Неужто, жив в охвате той картины,
Он верит в быль отдельного лица?..

Потом я напоминаю ему волшебное, буквально сверкающее оттуда же:

Поселок дачный, срубленный в дуброве,
Блистал слюдой, переливался льдом,

И целым бором ели, свесив брови,
Брели на полузанесенный дом…

И тут выясняется, что я тоже когда-то обратил внимание и чуть ли не помнил наизусть напечатанный в пастернаковском томе «Библиотеки поэта» в разделе «Ранние редакции» потрясающий фрагмент из «Спекторского»:

Когда рубашка врезалась подпругой
В углы локтей и без участья рук,
Она зарыла на плече у друга
Лица и плеч сведенных перепуг.

То не был стыд, ни страсть, ни страх устоев,
Но жажда тотчас и любой ценой
Побыть с своею зябкой красотою,
Как в зеркале, хотя б на миг одной…

В тот вечер Зиновий Ефимович подарил мне свою фотографию с очень теплой и очень лестной для меня надписью…

С тех пор я много раз слышал, как Гердт читал стихи. Это было неподражаемо! Мне довелось бывать на концертах выдающихся чтецов. Я помню прекрасное чтение Пушкина Дмитрием Журавлевым, несколько раз слушал поэзию Гарсиа Лорки и Жака Превера в изысканном исполнении Вячеслава Сомова; до сих пор у меня в ушах звучит мгновенно запомнившаяся с сомовского голоса миниатюра Жака Превера:

Возьмите слово за основу
И на огонь поставьте слово.
Добавьте мудрости щепоть,
Наивности большой ломоть,
Немного слез, немного перца,
Кусок трепещущего сердца
И на конфорке мастерства
Прокипятите раз и два,

И много-много раз все это.
Теперь пишите… Но сперва
Родитесь все-таки поэтом!

Я слушал стихи Давида Самойлова в великолепном исполнении Рафаэля Клейнера, слушал Михаила Казакова, Сергея Юрского… Но я все равно считаю, что лучше Зиновия Гердта никто стихов не читал! Он читал просто, естественно, озабоченный лишь тем, чтобы донести до слушателя всю красоту и глубину стиха. Это не было актерским чтением. Он ничего особенно не педалировал. Он лишь подчеркивал мысль, чуть-чуть выделял особенно нравившиеся ему строки и сочетания слов, да, он как бы делился своим восторгом перед силой поэтического слова, но делился сдержанно, благородно, никому ничего не навязывая.

Помню, как-то при мне он начал читать Лермонтова – «Наедине с тобою, брат...», «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана…»). Возникло ощущение, что я слышу эти стихи впервые, какая поэтическая мощь, какая красота! Эти три сна в одном «Сне», эта ирония и печаль в «Брате»! И опять я запомнил стихи с голоса наизусть. Запомнил навсегда…

Как-то Зиновий Ефимович поведал мне, как он попал в театр Образцова. Я не помню рассказ буквально, но суть была в следующем. Гердт всегда мечтал стать актером. До войны он был участником Арбузовской студии и исполнителем одной из ролей в коллективно написанной знаменитой пьесе «Город на заре». С войны Гердт вернулся инвалидом, но мечта осталась. Какой театр согласится взять хромого? И тогда Гердт решил пойти к Образцову: это был театр кукол, и актеры там играли за ширмой. Так вот, когда Гердта пригласили в комнату, где заседала возглавляемая Образцовым некая комиссия, и спросили, что он умеет делать, Гердт начал читать стихи. Он прочел несколько и остановился. Образцов сказал: «Еще!». Гердт снова прочел несколько. Образцов вновь попросил продолжать. «Я читал часа полтора, – рассказывал Гердт, – и меня зачислили. Образцов сказал: «Берем. В крайнем случае, будете читать нам стихи».

Я еще раз прошу прощения, что решился написать об этом, не помня рассказ З. Е. дословно…

Гердт читал мне Самойлова, с которым близко дружил, благодаря Гердту я внимательно вчитался и полюбил Твардовского.

А вот рассказ о его личной встрече с Александром Трифоновичем. Гердты приобрели половину дачи в Красной Пахре (во второй ее части, кажется, жила семья Константина Симонова). А в этом дачном поселке уже давно жил Твардовский. Так вот, Зиновий Ефимович рассказал, как однажды встретил гуляющего в лесу поэта и, набравшись смелости, познакомился с ним. Они шли, беседовали, и вдруг Гердт неожиданно начал декламировать:

В чем хочешь человечество вини,
И самого себя, слуга народа,
Но ни при чем природа и погода,
Полны добра перед итогом года,
Как яблоки антоновские, дни…

Эти стихи только что появились в «Новом мире», и Зиновий Ефимович сразу запомнил их наизусть. Он прочитал их поэту до конца…

…Безветренны, теплы – почти что жарки,
Один другого краше, дни-подарки
Звенят чуть слышно золотом листвы
В самой Москве, в окрестностях Москвы
И где-нибудь, наверно, в пражском парке.
Перед какой безвестною зимой
Каких еще тревог и потрясений
Так свеж и ясен этот мир осенний,
Так сладок каждый вдох и выдох мой?

Гердт рассказывал, как он волновался, читая, даже опустил голову. Поднявши глаза, он увидел, что Твардовский плачет…

Нетрудно высчитать, что встреча Зиновия Ефимовича с Твардовским состоялась ранней осенью 1968 года, советские танки только что вошли в Чехословакию; строка о пражском парке подсказывала, в связи с чем было написано стихотворение. Это все мне тоже рассказал Зиновий Ефимович…

Как-то в один из своих частых в те годы приездов в Москву я позвонил Гердтам и услышал от Татьяны Александровны – жены Гердта: «Зямы сейчас нет, приходи вечером, расскажешь об Одессе…». Татьяна Александровна относилась ко мне тоже по-доброму, но несколько иронически. Так, за мою провинциальную привычку приходить в дом с цветами она называла меня одесским пижоном. В принципе, завоевать доверие жены Гердта было довольно трудно, я, честно говоря, еще легко отделался… Но это так, к слову…

И вот я прихожу вечером, у Гердтов гости, меня приглашают к столу, и я оказываюсь рядом с Александром Моисеевичем Володиным – великим драматургом, автором киносценария знаменитого «Фокусника», снятого Петром Тодоровским в 1967 году с Гердтом в главной роли. Гердт ведет стол (это отдельная поэма), взрывы смеха идут без пауз, я быстро хмелею (поэтому, видимо, никого из гостей, кроме Володина, сидящего рядом, не запомнил). Время мчится, и вот мы уже едем, а потом идем с Александром Моисеевичем, которого я вызвался проводить, по снежной Москве, и я с жаром читаю ему наизусть Твардовского, которого, по сути, открыл мне Гердт. Здесь и «Две строчки», и «Дробится рваный цоколь монумента», и «Немного надобно труда...», и «Полночь в мое городское окно», и начало «Теркина на том свете». Читал я, видимо, хорошо, поскольку был пьян, а значит, смел. Александр Моисеевич не перебивал меня, восторгался стихами, говорил, что слышит их впервые, я удивлялся тому, что он может их не знать, и до сих пор во мне живет ощущение, что ироничный, склонный к мистификациям Володин просто меня тогда разыграл…

Еще одно яркое воспоминание, связанное с Зиновием Ефимовичем, – одесская Юморина 1976 года, к организации которой я имел тогда прямое отношение. Мы пригласили уже невероятно популярного к тому времени Гердта (фильм Швейцера «Золотой теленок» вышел в 1969 году). Он приехал с Петром Тодоровским и на главном концерте Юморины в филармонии под гитарный аккомпанемент Петра Ефимовича они исполнили вместе специально написанные Гердтом куплеты, начинавшиеся так:

«Послушайте, граждане, дамы, мужчины,
Мы выложим наш аргумент:

Какие быть могут еще Юморины
В такой напряженный момент?!

В то время как целый народ в Ламцедроне
Военщине рвет потроха,
Они в филармоньи сидят, как на троне,
И все им хи-хи да ха-ха…»

Номер имел бешеный успех, который только возрос после исполнения Гердтом и Тодоровским на бис таких же куплетов, посвященных Утесову.

А в девяностые годы мне посчастливилось видеть Гердта уже на петербургском фестивале юмора «Золотой Остап», где он был и лауреатом, и почетным гостем. Вот он выходит на сцену и тоже читает стихи, потом рассказывает невероятно смешной, тем более в его исполнении, анекдот про случай с охотником. Помните? Охотник проваливается в медвежью берлогу, страшно пугается, видит там медвежонка и шепотом спрашивает: «Папа дома?» Тот: «Не-ет». – «А мама?» – «Не-ет». Охотник, осмелев: «А ну иди ко мне!..». Медвежонок зовет: «Бабушка-а-а!..». (Ах, как Гердт это произносил!..) Потом Зиновий Ефимович зовет на сцену Валентина Гафта и просит прочесть новую, посвященную ему эпиграмму, и тот читает: «О необыкновенный Гердт! Он сохранил с поры военной одну из самых главных черт: колено-он-непреклоненный!» – и зал взрывается овацией. И Гердт, прихрамывая на свою негнущуюся раненную ногу, сходит в четырехтысячный зал, который стоя приветствует его…

Тогда же (а возможно, это было и во время другого «Золотого Остапа») я, помню, спустился довольно рано в бар гостиницы, где жили гости фестиваля, выпить чаю и обнаружил там одиноко сидевшего за рюмкой коньяку Александра Володина. Я поздоровался с ним, и поскольку он меня не узнал, сел за другой столик. Через минуту появился Зиновий Ефимыч, к которому, видимо и пришел Володин. Они обнялись и стали выпивать понемножку уже вместе. Был какой-то живой разговор, потом пошли стихи, бар понемногу заполнялся гостями «Остапа»; и вот уже всех нас приглашают к столу, где они сидели, и мы неожиданно становимся зрителями и слушателями невероятного бенефиса этих двух остроумнейших

и доброжелательнейших людей, которые были так рады друг другу, что почувствовали непреодолимое желание поделиться этой радостью с другими. И конечно же, опять были стихи, стихи, стихи…

Я думаю, что поэзия значила для Гердта очень многое, в частности, она заменяла ему религию: его мудрость, благородство, всегдашнее следование понятиям чести и достоинства, гармоничность его натуры были в нем именно от русской поэзии. Он поклонялся ей, причем вполне допускал в этой своей вере многобожие: Пушкин, Лермонтов, Пастернак, другие замечательные поэты были для него всю жизнь истинными богами…

Возвращаясь же к временам, когда судьба в лице Петра Ефимовича Тодоровского подарила мне знакомство с выдающимся артистом и прекрасным человеком Зиновием Ефимовичем Гердтом, я вспоминаю одну встречу, когда я его немного подвел. Однажды, было это, кажется, году в семидесятом, Гердты взяли меня с собой к уже переехавшим к тому времени в Москву Тодоровским. Помню, мы пришли к ним в двухкомнатную квартиру на проспекте Вернадского, вытащили принесенные с собой бутылки и тут же сели к столу. Тем более что повод, по которому Тодоровские решили собрать гостей, красовался именно на столе: там сияла желтовато-стальным светом огромная овальная банка югославской ветчины. Кто помнит советские времена, согласится, что стать тогда обладателем подобного деликатеса было не только огромной удачей, но и настоящим праздником. Мы выпили за удачу и приступили к ее уничтожению. Со временем к нам присоединились дочь Гердтов красавица Катя со своим тогдашним мужем молодым театральным режиссером Валерием Ф. Конечно, банка ветчины была замечательным поводом для встречи, но по мере насыщения повод этот как-то стал меркнуть, и тут Зиновий Ефимыч намекнул, что раз я как-никак из Одессы, то должен взять по возможности художественную часть на себя. Я несколько раз пытался сказать что-нибудь, если и не смешное, то хотя бы осмысленное, но не преуспел в этом: во-первых, здесь были Гердт с Тодоровским, шутить при которых было глупо, во-вторых, молодой театральный режиссер сидел за столом с таким видом, что ни у кого не возникало сомнений в его великом будущем, ну и, наконец, присутствие красавицы Кати как ничто питало мое косноязычие.

Гердт оставил свои попытки меня реанимировать и стал невероятно смешно петь малоизвестные одесские частушки из утесовского репертуара, помню, про какую-то Феничку. При этом он так виртуозно подражал утесовской манере, что мы просто падали со стульев.

Вечер «Гердт в роли Утесова» продолжался и дальше, и завершился опять стихами: Зиновий Ефимович уморительно прочитал в образе Утесова лермонтовское «Выхожу один я на дорогу...». Я тогда впервые узнал, что Утесов в уже более чем зрелом возрасте полюбил стихи Лермонтова, причем полюбил до слез. Уверен, что и здесь не обошлось без Гердта...

Одесса

Борис Херсонский

Переводы из Звиада Ратиани

Бритье

(собственному лицу в зеркале)

не бойся:
я никогда не узнаю себя
в тебе.

капля крови,
проступающая на мыльной пене,
нас никогда не соединит:
не бойся.

не бойся:
мне не перебраться в зазеркалье
и тебя оттуда не выманить,
и черт твоих не запомнить.

Притворяюсь, что не замечаю твоих ошибок, –
ты всегда запаздываешь на мгновение
перед тем, как улыбнуться вслед за мной.

не бойся:
мы состаримся порознь.

Ex voto

Пиши то, чему никто не поверит.
Не смущаясь, пиши о призраках,
в существование которых
ты бы и сам не поверил, но...

Пиши то, чего тебе никто не простит.
Все равно что, но своею рукой:
пиши, что ты сам себе Родина,
и что совесть твоя чиста.

Пиши то, из-за чего будешь осмеян.
Не жди вдохновения, пиши
о каждодневных незаслуженных обидах
и о Боге, который молчит.

Что еще? Пиши и о любви
и скажи, что постиг тайну:
стихи сочиняются до любви,
а после любви читаются.

Человек у окна, за окном осень

1

около десяти поколений моих предков
и чуть меньше поколений возможных потомков,
как подсказывает кровь,

я же не знаю, как жить,
как писать и как переварить
эту наижелтейшую осень,

что собрала все разрозненные в клочья сомнения
и сказала: всё начинается сызнова
и как всегда, с увядания.

2

доброй осени тебе.
я способен часами сидеть у окна
и чувствовать, но писать невозможно и не о чем.

доброй осени тебе, жизнь.
мое непрерывно ускользающее, мое неуловимое,
мое – не мое почти, но бытие.

я могу часами сидеть у окна.
я могу, чтобы осень была за окном,
я могу, чтобы было тепло.

я могу, чтобы три девушки по улице шли,
и чувствовать сердцем: одна из них
моя любимая. а вторая

моя любимая, но третья –
моя любимая. я способен
к неспособности написать по-другому.

я смогу (доброй
осени тебе) не суметь
написать по-другому.

* * *

где снег держится дольше всего? на кладбищах, мой друг.
именно на могилах, на земле надгробной. там ты сможешь
увидеть сияющий снег трехнедельной давности,
от которого во всем городе и следа не осталось,
стаял даже на окрестных холмах. могилы – лишь там,
и только там снег обретает надежную почву,
на могилах, не способных никого удивить
ни цветением прекраснейших роз,
ни произрастанием самых отвратительных сорняков,
но неужели и снег в том числе? да, получается, что и снег,

от которого признания не добьешься,
тем более что мертвецы не объяснят ничего. может быть, и тебе
следует там же, на нежной могильной земле, обосновать
все свои самые несбыточные мечты –
а вдруг они расцветут? и самую обреченную поэзию –
быть может, она продлится?

* * *

никогда, ни разу
не удавалось проснуться, опередив
жизнь хотя бы на миг: она,

предчувствуя мое пробуждение,
срочно приводит себя в порядок,

чтоб проснувшийся
не заметил в ней
никаких перемен.

Одесса

Леонид Юзефович

Современный роман: проект или прозрение?

Сочинение на заданную тему

Труд романиста не больше отличается от любого вида человеческой деятельности, чем один вид человеческой деятельности от другого. Если я решил посадить дерево или выкопать колодец – это проекты. Их цель – водоснабжение, съедобные плоды или тень от кроны. Возможно, что когда дерево вырастет, в шуме листвы я услышу музыку сфер, а на дне колодца днем увижу звезды, но ни то, ни другое не является целью моего предприятия. Приблизительно так же обстоит дело с романом: прозрение или понимание, если употребить слово менее претенциозное и более уместное применительно к ремеслу современного романиста, не предшествует проекту, но является его следствием. В истоке замысла должно лежать простое желание о чем-то рассказать или что-то выразить (это не одно и то же), а все остальное – побочные результаты. Иными словами, настоящий роман – не просто толстая книга с большим числом персонажей, а такой текст, процесс работы над которым меняет автора и открывает ему нечто такое, о чем он прежде не подозревал. Это главное отличие романа от произведений других жанров.

Задумывая роман и начиная работать над ним, романист должен трезво оценивать тип своего дарования. Природу не обманешь. Можно с успехом притворяться не тем, кто ты есть, на пространстве рассказа или даже повести, поскольку они пишутся недолго, но настоящий роман требует от писателя нескольких лет жизни, и у него просто не получится все это время изображать кого-то, кем он на самом деле не является.

Я бы разделил всех романистов на две группы, суть каждой из которых олицетворяют герои повести Германа Мелвилла «Бадди Бад».

Капитан, чье имя вынесено в название, на якорной стоянке где-то в южноамериканских тропиках вечером выходит на палубу своего барка или шлюпа и в восторге замирает, завороженный видом тихой бухты во время заката. Не в силах сдержать охвативших его чувств, он обращается к рулевому по фамилии Кэгворт и призывает его тоже восхититься красотой сверкающего под заходящим солнцем моря. «Да, Бадди, – отвечает злобный Кэгворт, – но не забывай, что под этой прекрасной сверкающей поверхностью скрыта целая вселенная скользких чудовищ».

В русской классике эти два типа восприятия мира и два способа его редукции, без чего романист тоже обойтись не может, с наибольшей яркостью воплощают собой Лесков и Достоевский. Первый – певец блистающего моря, летучих рыб и птиц, проносящихся над его волнами, пусть иногда и опасными для странников, второй – исследователь его темных глубин. К сожалению, современный романист чаще выбирает третий путь, требующий от него меньше как отваги, так и благоговения перед чудесами Божьего мира – он предпочитает изображать скользких чудовищ, но при этом переселяет их на поверхность.

Вторая задача, которая встает перед серьезным романистом, связана с первой и состоит в осознании того, что именно он собирается написать – идейный роман или роман-свидетельство. Разумеется, в чистом виде то и другое встречается редко, тем не менее, что-то одно обычно преобладает. «Братья Карамазовы» – прежде всего, идейный роман, «Преступление и наказание» – это еще и свидетельство о Петербурге, о времени и месте. «Очарованный странник» – роман-свидетельство. Однако свидетельство вовсе не обязательно должно опираться исключительно на непосредственный жизненный опыт автора, случается, что свой интеллектуальный опыт романист осознает пусть не уникальным (ничего уникального в отдельной человеческой жизни нет; герой одного моего романа говорит: «Когда идешь *путем всея земли*, трудно найти на этой дороге что-то такое, чего никто до тебя не находил»), но редким. Так Вера Мутафчиева, болгарский византинист с мировым именем, переплавила свой специфический опыт ученого в замечательный исторический роман «Дело султана Джэма» – о ранней Осман-

ской империи, которая утверждается на развалинах Византии, многое вбирая в себя от нее.

В современной литературе роман-свидетельство находится на грани вымирания, ибо это проект трудоемкий, гораздо менее затратно свидетельствовать не о мире, в котором все мы живем, а о самом себе. С одной стороны, роль свидетеля истории передоверена мемуаристам, субъективным не в силу индивидуального взгляда на мир, а по причинам прагматического порядка; с другой, запоздалая феминизация нашей литературы ведет к тому, что способность автора выдавить из читателя слезу становится главным критерием его профпригодности. «В чем смысл искусства? Чтобы пёрло», – говорит Вячеслав Курицын. С ним согласна Светлана Василенко: «Качество литературы определяется количеством мурашек по коже».

Поскольку эмоциональный отклик становится главным критерием, идейный роман тоже почти исчез как вид, уступив место роману-идее. В нем на смену полифонической картине мира, которая ослабляет наше сопереживание, зато будит мысль, приходит одна-единственная идея, организующая романное пространство и часто подменяющая собой сюжет. Прочее, включая персонажей, играет служебную роль.

Мир бесконечно усложнился, и это приводит писателя в отчаяние. Он больше не верит в свою способность воссоздать хотя бы какой-то его фрагмент, но и не утрачивает унаследованную от предшественников потребность объяснить его весь, целиком, поэтому ставит перед собой задачу, созвучную, как ему кажется, духу времени: не запечатлеть, а построить модель. Необходимая при любом моделировании опорная идея может быть сколько угодно интересной и оргинальной, но этот популярный сегодня тип романа с явно выраженной механической составляющей говорит о постепенном вырождении нашего искусства в разновидность публицистики или прикладной социологии. Приключения идеи могут быть увлекательнее, чем человеческие авантюры, маска – эстетически привлекательнее лица, но в итоге мы получаем роман, напоминающий диалоги Платона, разыгранные персонажами журнала «Веселые картинки». Отсюда тот печальный факт, что реалистическое письмо уходит в малые формы – рас-

сказ, небольшую повесть. Роман превращается в умозрительную конструкцию с преобладанием чертежа над объемом и фантасмагории над реальностью.

В известной китайской притче император спрашивает знаменитого художника, что труднее всего и что легче всего поддается изображению. На первый вопрос художник отвечает: «Собаки и лошади». На второй: «Демоны и духи умерших». Пристрастие профессиональных романистов к сущностям, легко производимым по причине отсутствия общепринятых представлений о них, связано не только с нашими апокалиптическими предчувствиями, как любят трактовать свой метод сами авторы, но и с тем, что роман – единственный коммерческий жанр, романист должен публиковать по роману в год, чтобы его не забыли, а моделировать и фантазировать все-таки проще, чем реконструировать.

Напротив, роман-свидетельство или полноценный идейный роман нельзя написать быстро. Он не столько пишется, сколько складывается из обрывочных воспоминаний, разговоров, записок на манжетах, старых черновиков. В какой-то момент весь этот бесформенный ворох, как железные опилки в электромагнитном поле, начинает собираться в сфере действия той таинственной силы, которую Достоевский определял как «идею-чувство». Причем идея должна быть относительно зыбкой, чтобы ее нельзя было ясно сформулировать вплоть до того момента, как роман закончен, а чувство – достаточно сильным, чтобы романист мог подпитываться им на протяжении долгого времени.

В школе, классе в седьмом, когда в советское время от изложений переходили к сочинениям, на мою жену огромное впечатление произвел рассказ учительницы литературы о том, как готовился к сочинениям гимназист Ленин. Он будто бы брал лист бумаги и разрывал его надвое. Одну половинку откладывал, другую опять разрывал пополам. Та же операция производилась с одной из четвертушек. На полученной таким образом осьмушке записывалась главная идея, на отложенной четвертушке – краткий план, на половинке – развернутый план, после чего начиналась работа собственно над сочинением (по словам жены, ее волновал вопрос, куда же девалась та осьмушка, которая оставалась неиспользованной; в свете брежневского призыва «экономика

должна быть экономной» казалось, что Ленин-то никак не мог ее выбросить, но должен был найти ей достойное применение). Так работают сценаристы, но романист – существо иной породы. Он выходит в путь, имея на руках карту, которая постоянно меняет свои очертания, и не зная расстояния, которое ему предстоит пройти. Иными словами, если написание романа – проект, то для его осуществления лучшими средствами являются далеко не самые рациональные.

По моему глубокому убеждению, романист должен не высказывать мысли, а пробуждать их. Ум прозаика состоит в том, чтобы научиться его скрывать, одна из главных его добродетелей – смирение. Он говорит чужими голосами, он довольствуется жизнью в отражениях, он отпирает замки, но не отворяет дверей. Не нужно только путать отсутствие интеллекта с умением его спрятать, а готовность к растворению – с недостаточно развитым личностным началом. Тот, кто не способен отличить одно от другого, настоящим романистом точно быть не может.

В основе желания написать роман, как в основе всех человеческих дел, лежит элементарная потребность лишенного религиозного сознания человека «убежать тления», продлить свое тварное бытие после смерти. Романистом движет смешная иллюзия, что размер имеет значение, что чем грандиознее его творение хотя бы по объему, тем дольше оно просуществует. Роман – это пародия на египетские пирамиды и Великую китайскую стену, но даже в таком качестве он заслуживает уважения. Если романист, осуществив свой проект, даст пищу чьим-то прозрениям, пусть самым скромным, он искупит грех умножения сущностей и вправе будет считать, что его предназначение выполнено.

Москва

Вадим Ярмолинец

Три рассказа

Хесус Импарсиал

Жена инженера Толкунова часто ездила в загранкомандировки. Невольно он стал думать, что если бы, скажем, самолет, в котором она летела, упал, то он бы получил долгожданную свободу. Вы, конечно, спросите: что она ему сделала, что у него появились такие мысли? Отвечу: ничего. Она просто прожила с ним 25 лет, и это все. И вот он представлял себе, как в последние минуты жизни она успеет набрать номер и крикнет сквозь вой и свист раненного «Боинга», что любит его, а он крикнет ей в ответ, что тоже любит ее, и в рамках этого 30-секундного разговора не соврет. Эта мысль так прочно поселилась в сознании инженера Толкунова, что он незаметно для себя стал развивать ее, представляя, например, как ему позвонят из какой-нибудь клиники в Бомбее или Дели и с прискорбием известят, что его жена стала жертвой тамошнего вируса. И он будет долго и горько плакать, а потом позвонит той, другой, ее звали Света, и скажет, что теперь они смогут быть вместе. Эти фантазии заменяли ему психотерапевта и кое-как примиряли с несправедливостью жизни. Прогуливая перед сном их собаку – королевского белого пуделя Славика, инженер Толкунов мысленно и безо всякого злого умысла пополнял список несчастий, которые могли бы изменить его жизнь, как ему казалось, к лучшему.

И вот однажды, думая о самолетах, смертельных индийских вирусах, или, вот еще – стремительно развившемся раке легких (она курила), он ступил на проезжую часть Шерман-

стрит, где жил, не заметив несущегося против движения велокурьера с железным ящиком на переднем колесе, где лежала, источая ароматы горячего теста, сыра и пепперони, пицца. Удар был так силен, что мечтателя подбросило в воздух, и Славик с удивлением смотрел, как хозяин, сделав ну просто цирковое сальто-мортале, приземлился на голову, да так, что плеснувшие из нее субстанции тут же перемешались с томатом, сыром и колбасой, тоже оказавшимися на асфальте.

Что до водителя велосипеда, его звали Хесус Импарсиал, то он, недолго думая, вновь оседлал свою машину и, привставая на педалях, унесся в ночь, от греха, как говорится, подальше.

Господи боже мой, откуда на вечерней Шерман-стрит взялся этот Хесус? Точно я, конечно, не знаю, но могу предположить, что он перелез через пограничный забор в каком-то глухом углу Аризоны или Нью-Мексико и теперь вот подрабатывает на своем велосипеде, ожидая иммиграционной амнистии, которая позволит ему перейти на социальное пособие и зажить, наконец, по-человечески.

Марсианка

У жены писателя Рукомойцева, ее звали Оля, полностью поехала крыша на почве отслеживания неопознанных летающих объектов. Она ждала прибытия инопланетян, как евреи ждут прибытия своего Мошиаха – в любую минуту. Но если некоторые евреи имеют надежду обрести за хорошее поведение вечную жизнь и другие льготы, то Оля четко знала, что контакт с внеземной цивилизацией грозит одними неприятностями.

– Но почему?! – спрашивал ее муж.

– Потому что, – отвечала Оля, – никакое мыслящее существо не полетит черт знает куда, просто чтобы поделиться с другими мыслящими существами своими знаниями или культурой. Им нужны наши ресурсы! Либо природные, либо человеческие.

– Посмотри на меня, – возражал писатель. – Какой из меня ресурс?

– Этот вопрос ты задашь своему бригадиру на марсианских урановых рудниках,– отвечала Оля. – Если тачка окажется сильно тяжелой.

Короче, днями и ночами Оля сидела на блогах таких же, как она, уфологов, делясь информацией о замеченных тут и там летающих тарелках. Каждый имеет право на свое хобби, но хобби жены лишило писателя Рукомойцева личной жизни. Я имею в виду интимной ее части.

Если, скажем, писатель, нафантазировав чего-нибудь эротического за своим письменным столом, намечал воплотить эти фантазии в жизнь, а Оля узнавала, что над манхэттенским районом Челси появился неопознанный летающий объект, то ночь уже принадлежала не любви, а переписке уфологов. Только к утру они выясняли, что за НЛО был принят надутый местным шалуном контрацептив.

Так проходили годы.

В один прекрасный день писателя Рукомойцева отвлек от рукописи шум за дверью. Он вышел на площадку. Грузчики пытались внести в дверь соседней квартиры койку королевского размера, за которой следовала девушка неслыханно вызывающего вида. На всякий случай писатель поинтересовался, не требуется ли помощь, на что девица ответила просьбой о сигаретке. Пока курили, выяснилось, что у Ляли, это ее так звали, довольно-таки нелегкая судьба. Родом она из города Череповец. Отца – не знает, мать – пьяница, документов – нет. Работает экзотической танцовщицей на Нептун-авеню.

О-о, это интересно! Особенно с учетом того, как занята его Оля. То у нее важный семинар – есть ли жизнь на Марсе, то снова кто-то из ее уфологов засек в небе что-то подозрительное.

Короче. В один прекрасный день писатель Рукомойцев договаривается с Лялей, что та заскочит к нему часов в 10 утра, чтобы

показать свой новый рабочий костюм. Ему это очень надо в целях расширения писательского кругозора. И жена как раз не будет мешать – она на работе.

И вот часы бьют десять, и в дверь звонят. А он уже ждет. Кофе, коньяк, конфеты, все такое. Они выпивают. Потом еще немного. Потом она говорит: ну, я пойду переоденусь. Идет в ванную и скоро выходит оттуда во всем своем, как говорится, боевом наряде: красные губы, синие глаза, фиолетовые тени, зеленые ресницы, ошейник, шипы, красные перья, желтые перья, синие, зеленые, потом тесемки, лямки, заклепки, шипы, снова перья, потом каблуки, хлыст, хвост и еще немецкая фуражка с черепом и костями. Маза-фаза, кто это?! Как кто? Это наша соседка Лялечка в своем новом рабочем костюме! Вы же сами заказывали!

– Ну, как? – интересуется она и забирается на журнальный стол, чтобы было лучше видно.

Ответа нет, потому что писатель Рукомойцев испытывает двойное потрясение. Первое, ясное дело, вызвано видом этого немецко-садистского павиана. Второе – тем, что писатель слышит, как открывается входная дверь. Боже мой, кто это?! Кто? Это жена Оля! Она забыла пропуск, без которого не может попасть на работу, и вот вернулась за ним.

Оля входит в комнату и, сильно поменявшись в лице, а вы бы не поменялись, говорит в сторону журнального стола:

– Я не поняла, а вы здесь откуда взялись, а?

На что Ляля, которой уже случалось бывать в аналогичных ситуациях, отвечает:

– Откуда? С Марса, блин, прилетела!

– Так я и подумала, – успевает удивиться Оля и падает на пол почти что замертво.

Пока Оля остается в обмороке, Рукомойцев успевает проводить гостью, навести порядок, а потом начинает убеждать жену, что да, ее худшие опасения подтвердились, это действительно было какое-то залетное существо с далекой звезды – обычные люди так не выглядят. У Оли, однако, эта теория не вызывает полного доверия, особенно когда она встречается на лестничной площадке с Лялей и та интересуется ее здоровьем.

Пожарница и аккордеонист

В 90-х годах прошлого века на Брайтон-Бич рассказывали об уголовной паре, где верховодила некая Соня Пожарница. Своим розвищем она была обязана умению взбираться в квартиры своих жертв по пожарным лестницам на фасадах домов. Ее напарником был очень худой широкоплечий мужчина с копной зачесанных назад черных волос и страшными глазами. Говорят, когда он смотрел на тебя, в его глазах можно было видеть усыпанное звездами небо. Его звали Хосе Куэрво. Обычно об их появлении извещало пение. Ты просыпался ночью от невнятного шума. Постепенно он обретал форму и содержание, становясь тоскливой песней, в которой часто повторялось слово «муэрта». Женщина пела довольно громко, мужчина подыгрывал ей на аккордеоне.

Разбуженный подходил к окну и, отведя занавес, выглядывал на улицу. Куэрво стоял под домом. Заметив за стеклом чьето бледное лицо, он указывал на него спутнице, и та приступала к делу. Минута – и несчастный слышал, как преступница пыталась поднять оконную раму. Забравшись в комнату, она без промедления валила бедолагу на постель. Обвив его горло одной ногой, гибкими пальцами второй она упиралась ему в подбородок и давила до тех пор, пока не раздавался хруст позвонков. Некоторые ее жертвы были найдены с откушенным ртом или носом.

Рассказывали и о других увечьях, но их перечисление не добавит ничего существенного к истории, которая приснилась мне в ночь с 12 на 13 марта несчастливого 2013 года. Видение было таким живым, что я явно услышал, как кто-то дергает раму, пытаясь открыть ее. Возможно, это были порывы ветра, но в моем сне страшным сотрясениям было другое объяснение. Это видение было прервано моим же криком. Я поднялся, подошел к окну и приоткрыл занавес. Под домом стоял черноволосый мужчина в белой рубахе с расстегнутым воротом. Заметив меня, он тут же вскинул руку в моем направлении. В его черных глазах сияли звезды. С ужасом я осознал, что их свет парализовал меня, хотя еще секунду назад я планировал бежать на кухню за ножом, чтобы, как говорится, продать свою жизнь подороже.

Нью-Йорк

Сергей Решетов

Российский императорский дом –
представители и родственники в метрических книгах ГАОО

В 2013 г. исполняется 400 лет воцарения династии Романовых на российском престоле. Данная статья посвящена упоминанию правящих императоров, членов их семей и ближайших родственников в метрических книгах фонда 37 (Херсонская духовная консистория) Государственного архива Одесской области.

15 мая 1784 г. в Екатерининской церкви г. Херсона была крещена Екатерина (дата рождения в метрических книгах в то время не фиксировалась), дочь генерала-поручика Александра Николаевича Самойлова и его супруги Екатерины Сергеевны, а «Восприемница была ея императорское величество государыня императрица всероссийская Екатерина Алексеевна Вторая»[1]. Александр Николаевич Самойлов (1744-1814) по матери являлся племянником Григория Потемкина. Он начал службу в 1760 г. рядовым в лейб-гвардии Семеновском полку, в 1775 г. пожалован чином камер-юнкера, вскоре назначен правителем дел Императорского Совета, занимая эту должность в течение 12 лет, когда сам стал членом Совета. Одновременно продолжал служить в армии, получив чины бригадира и генерал-майора. Участник русско-турецкой войны 1787-1792 гг. Принимал участие в штурме крепостей Очакова, Каушан, Килии, Бендер и Измаила. 17 сентября 1792 г. назначен генерал-прокурором и государственным казначеем, занимая эти должности до кончины Екатерины II. С воцарением Павла I получил отставку[2]. 7 февраля 1793 г. получил титул графа Священной Римской империи, а 1 января 1795 г. – графа Российской империи. Александр Николаевич был женат на княжне Екатерине Сергеевне Трубецкой (1763-1830), от которой у него было несколько детей. Сведения о дальнейшей судьбе его дочери

Император Николай I и императрица Александра Федоровна на аллегорической картине «Мир с Турциею, 1829»

Екатерины, родившейся в 1784 г., пока не выявлены, вероятно, она скончалась в детстве или юности (генеалоги Руммель и Голубцов не указывают ее среди детей графа Александра Николаевича в родословной Самойловых)[3].

29 мая 1825 г. в Преображенской соборной церкви г. Одессы был крещен родившийся 26 мая Александр, сын действительного статского советника и действительного камергера двора его императорского величества Дмитрия Евлампиевича Башмакова и его супруги Варвары Аркадиевны, урожденной княжны италийской графини Суворовой-Рымникской[4] (внучки генералиссимуса А.В. Суворова). Восприемником младенца, согласно тексту метрической книги, заочно выступил «государь император Александр Павлович самодержец всероссийский, а налицо действующим восприемником был города Одессы гражданин» (причем имя, отчество и фамилия этого гражданина в метрике не указаны). Крестник императора А.Д. Башмаков 5 августа 1841 г. поступил на службу, с 27 марта 1859 г. он исправлял должность херсонского губернатора, а с 30 августа 1860 г. по 24 августа 1861 г. был херсонским губернатором, 30 августа 1860 г., в 35 лет, получил чин действительного статского советника. С 1850 г. состоял в звании камер-юнкера, с 1860 – камергера высочайшего двора, на 1869 г. состоял при министерстве внутренних дел[5]. Крупный помещик Тамбовской и Казанской губерний. От брака с Варварой Николаевной Сушко-

вой (1836-1916) имел детей Александра (1859-1943), Надежду (1860-1916) и Святослава (род. 1861). Скончался А.Д. Башмаков в чине тайного советника в 1887 (по другим сведениям, в 1888 г.).

20 июня 1864 г. в кафедральном Преображенском соборе г. Одессы была крещена родившаяся 30 апреля Мария, дочь состоящего при министерстве государственных имуществ действительного статского советника Александра Осиповича Таборовского и его супруги Анны Петровны. Восприемниками при крещении выступили ее императорское величество государыня императрица Мария Александровна и его высокопреосвященство Димитрий, архиепископ Херсонский и Одесский, ротмистр Ингерманландского гусарского полка Фердинанд Францов Наркевич (на его дочери в 1903 г. женился городской голова Одессы в 1878-1895 гг. Г.Г. Маразли) и жена полковника Генерального штаба Юлия Николаева Немира[6]. В метрической записи имеется приписка: «О изъявлении согласия ее величеством на восприятие от купели при св. крещении новорожденной дочери действительного статского советника Александра Осипова Таборовского Марии предъявлено уведомление о сем секретаря государыни императрицы от 2-го июня № 1115, которое возвращено по принадлежности, а о согласии его высокопреосвященства быть восприемником предъявлена записка от 20 июня». А.О. Таборовский (Табаровский) вступил в службу в 1844 г., с 22 мая 1863 г. – действительный статский советник[7]. В списках чинам четвертого класса последний раз он упомянут в 1874 г. Его портрет помещен среди «Портретов лиц, отличившихся заслугами и командовавших действующими частями на войне 1853-1856 г.»[8].

27 января 1865 г. в церкви Архангело-Михайловского женского монастыря г. Одессы был крещен рожденный 25 ноября 1864 г. Александр, сын отставного подполковника Николая Богдановича Нилуса и его супруги Марии Александровны. Восприемниками выступили наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич, его место занимал генерал-майор Сократ Старинкевич* и жена дворянина Екатерина Богдановна Ханенко[9] (тетка

* Старынкевич Сократ Иванович (1820-1902). Офицер артиллерии, генерал-майор (1863), генерал-лейтенант (1892). Управляющий канцелярией новорос-

младенца)**. В метрической записи имеется приписка: «Свидетельство придворной конторы в том, что государь великий князь Михаил Николаевич соизволил изъявить свое согласие на восприятие от купели при святом крещении означенного младенца, выданное января 4 дня 1865 года за № 6». Н.Б. Нилус был одним из сыновей генерал-майора от артиллерии (1820 г.), одесского домовладельца и землевладельца Одесского уезда Богдана Богдановича Нилуса и его супруги Софии Ивановны, урожденной Курис (ок. 1798 – 14 марта 1871, Одесса). В Одессе Николай Богданович активно занимался общественной деятельностью – был гласным городской Думы, членом воинского присутствия, также состоял чиновником особых поручений при градоначальнике и являлся одним из первых членов-учредителей городского Кредитного общества. Николай Богданович Нилус и его супруга стали фигурантами уголовных процессов. Так, Мария Александровна была осуждена за составление подложного завещания умершего в 1874 г. столоначальника коммерческого суда О. Киркориуса, а сам Николай Богданович растратил отданное ему на хранение имущество того же чиновника, долго скрывался и был доставлен под стражей из столицы в Одессу. 22 февраля 1885 г. в уголовном отделении одесского окружного суда состоялся суд над ним, в результате которого он был оправдан[10]. Скончался Николай Богданович 24 августа 1902 г. в Одессе[11].

28 марта 1865 г. в кафедральном Преображенском соборе г. Одессы была крещена родившаяся 5 февраля Елена, дочь коллежского советника Владимира Владимировича Граве и его супруги Евфросинии Константиновны. Восприемниками при крещении выступили его императорское высочество Петр Георгиевич принц Ольденбургский и дочь генерала Зинаида Дмитриевна Васекова[12].

Владимир Владимирович Граве-старший (9 апреля 1828 – 25 марта 1895) окончил Имп. училище правоведения с чином

сийского генерал-губернатора (1863-1868), херсонский губернатор (1868-1871), президент г. Варшавы (1875-1892).

** Ханенко Екатерина Богдановна, урожд. Нилус (1822-1891). Супруга Ивана Ивановича Ханенко (1817-1891), мать промышленника, коллекционера и мецената Богдана Ивановича Ханенко (1849-1917).

коллежского секретаря (1849), служил в Правительствующем Сенате; исправлял должность херсонского губернского казенных дел стряпчего, затем товарища председателя херсонской палаты уголовного суда, с 20 марта 1869 – член одесской судебной палаты, с 27 марта 1885 – председатель департамента харьковской судебной палаты[13]. С 1 января 1876 – действительный статский советник, отставной тайный советник. Был похоронен на старом кладбище в Одессе. Был женат на Евфросинии Константиновне Балачано (ум. 13 марта 1913 г. в Женеве), владелице части имения (2500 десятин) в г. Оргееве. Согласно опубликованной родословной рода Граве, Елена Владимировна родилась 5 ноября 1865 г. и была дважды замужем: 1) за Сергеем Александровичем Поповым, управляющим хорьковской конюшней Орловской губернии Государственного коннозаводства, полковником армейской кавалерии (у них сын и две дочери, одна дочь Мария, родилась в 1890 г.); и 2) Джоном Пицем, сыном англичанина Джона Пица[14].

23 июля 1869 г. в Сретенской церкви был крещен родившийся 7 июня Александр, сын камергера двора его императорского величества, действительного статского советника Антонина Дмитриевича Княжевича и его супруги Софии Степановны. Восприемниками выступили: его императорское величество государь император Александр Николаевич, действительный тайный советник Александр Максимович Княжевич (двоюродный дед младенца) и жена генерал-лейтенанта Ольга Ильинична Щербинская (бабушка младенца). Кроме того, в графе метрической книги «Рукоприкладство свидетелей записи по желанию» указано: «О соизволении государя императора быть восприемным отцом объявлено телеграммою Г. [господина] М. [министра] двора на имя камергера Антонина Княжевича»[15].

Антонин Дмитриевич Княжевич (1826 – 25 июля 1879) был сыном тайного советника Дмитрия Максимовича (1788-1844), известного исследователя, попечителя одесского учебного округа, основателя и президента Одесского общества истории и древностей, и племянником Александра Максимовича (1792-1872), сенатора, министра финансов и члена Государственного совета. А.Д. Княжевич вступил в службу 31 августа 1845 г., с 12 октября

1861 г. – действительный статский советник, в звании камер-юнкера (1854), затем камергера (1861 г.) высочайшего двора[16], шталмейстер, гофмейстер. Был женат на Софии Степановне Щербинской (ум. 21 декабря 1921, Печ, Венгрия)[17], дочери генерал-лейтенанта, помещика села Николаевки Ананьевского уезда Херсонской губ. Стефана Федоровича и его супруги Ольги Ильиничны. От этого брака были сыновья: Николай Антонинович (1871-1950), гвардейский офицер, генерал-майор свиты (1912 г.), последний таврический губернатор (1914-1917), с 11 января по октябрь 1917 г. градоначальник Одессы; Александр Антонинович (крестник императора) и Владимир Антонинович (ум. февраль 1934, Белград), в звании камергера (1909 г.), действительный статский советник (1913 г.), феодосийский уездный предводитель дворянства. Александр Антонинович Княжевич (1869 – после 1917) на 1910-е годы был статским советником, камергером двора его императорского величества, чиновником особых поручений VI класса при московском генерал-губернаторе[18]. На 1917 г. он владел в Петербурге домом по адресу: Петрозаводская ул., 1, угол Геслеровского пер., 23-б.[19]

2 сентября 1869 г. в Архангело-Михайловской монастырской церкви г. Одессы был крещен родившийся 20 июля Александр, сын одесского городского головы действительного статского советника Николая Александровича Новосельского и его супруги Анны Павловны. Восприемниками выступили: его императорское величество государь император Александр Николаевич, а за него светлейший князь генерал-адъютант Александр Аркадьевич Суворов и жена действительного статского советника Семена Мордвинова Мария Алексеевна[20].

Н.А. Новосельский родился 23 ноября 1818 г. в Гайворонском уезде Курской губ. в семье помещиков. Окончил харьковскую гимназию, затем – Харьковский университет со степенью кандидата философии. 21 октября 1841 г. поступил на государственную службу. Его молодость прошла в Петербурге. С именем Новосельского связано создание ряда известных всей стране коммерческих организаций. Так в 1850-х гг. он выступил одним из учредителей компаний, осуществлявших судоходство на Чер-

ном и Каспийском морях, а также по Волге, – РОПиТа, открывшего свою деятельность 21 мая 1857 г., и «Кавказа и Меркурия». Новосельский встал во главе созданных им компаний, с 1857 по 1860 г. будучи директором главной конторы РОПиТа, сменив Аркаса, а в «Кавказе и Меркурии» он стал первым председателем правления. Компании получили от правительства большие привилегии (в частности, монополию на перевозку, большие субсидии и т. д.). Кроме судоходных компаний ему обязаны основанием Общество куяльницко-хаджибейских соляных промыслов, Одесское городское кредитное общество и Общество взаимного кредита. Более десяти лет: с 15 декабря 1867 по 17 июля 1878 гг. – Новосельский был городским головой Одессы. Действительный статский советник с 2 июня 1859 г., между 1869 и 1873 гг. получил чин тайного советника. Являлся членом Совета министерства финансов, был автором печатных работ (например, «Социальные вопросы в России», изданной в 1881 г. в Петербурге). Был женат дважды. В первый раз (вскоре после 1846 г.), – на дочери тайного советника, сенатора И.З. Ваценко – Екатерине Ивановне (ум. не ранее 1858 г.), во второй раз – на дочери крупного государственного деятеля П.И. Дегая, занимавшего посты сенатора, статс-секретаря и директора департамента министерства юстиции – Анне Павловне (1847 – 9 мая 1898 г., СПб.). Ненадолго пережив свою вторую супругу, Н.А. Новосельский скончался в возрасте 80 лет в ночь с 24 на 25 сентября 1898 г. в Ялте, куда прибыл на отдых к семье сына. Н.А. Новосельский был похоронен рядом со своей второй супругой и ее родителями, а также рано умершим сыном Сергеем на кладбище Новодевичьего монастыря.

Перед кончиной Н.А. Новосельский приехал в Ялту, где поселился на даче в семье своего сына Александра, женатого на дочери госпожи Рыбицкой[21]. В декабре 1905 г. А.Н. Новосельский извещал о кончине брата Константина[22].

21 февраля 1870 г. в Сретенской церкви была крещена родившаяся 8 декабря 1869 г. Инна, дочь капитан-лейтенанта Григория Константиновича Судкового и его супруги Екатерины Степановны (вероятно, урожденной Трофимовской). Восприемниками при ее крещении выступили его императорское высочество великий

князь Константин Николаевич, местный инженер майор Игнатий Иванович Папкевич и дочь полковника девица Юлия Степановна Трофимовская[23]. В 1901 г. Инна Григорьевна Судковая служила одной из надзирательниц Одесской женской гимназии, учрежденной А.И. Бракенгеймер[24].

4 января 1873 г. в Покровской церкви г. Одессы был крещен родившийся 28 декабря 1872 г. Сергей, сын корпуса флотских штурманов отставного штабс-капитана Василия Васильевича Резниченко и его супруги Ольги Ильиничны, урожденной Кази[25] (в метрической записи о крещении в мае 1865 г. в Одессе дочери Ольги В.В. Резниченко указан как подпоручик корпуса жандармов). Восприемниками при крещении выступили его величество государь Александр 2-й (так в тексте. – **Авт.**) император всероссийский (заочно), а вместо государя императора присутствовал отставной капитан лейтенант Илья Андреев Кази и одесского купца Александра Бильдш…на жена Вера Павлова (полностью фамилию восприемницы установить невозможно, так как часть текста отсутствует в связи с повреждением метрической книги. – **Авт.**). В.В. Резниченко (1838-1903) в чине прапорщика участвовал в обороне Севастополя в 1854-1855 гг. и дважды был контужен, плавал на судах Русского общества пароходства и торговли (РОПиТа). Его супруга Ольга Ильинична (1843-1923) происходила из известного рода Кази, выходцами из которого было много морских офицеров. С.В. Резниченко на 1893 г. был подпоручиком лейб-гвардии Павловского полка, с 1897 г. в отставке. Работал в переселенческом управлении министерства земледелия. Эмигрировал с семьей второй жены. Умер в 1940 г. в Шарантоне близ Парижа[26].

23 декабря 1876 г. в кафедральном Преображенском соборе г. Одессы был крещен родившийся 6 декабря Николай, сын лейтенанта флота Сергея Ивановича Полушкина и его супруги Анны Николаевны. Восприемниками при крещении выступили его императорское величество государь император Александр Николаевич, а за отсутствием его величества воспринимал свиты его императорского величества контр-адмирал Николай Матвеевич

Чихачев и вдова коллежского советника Екатерина Петровна Бойкова[27], к записи сделана приписка: «Восприемником записан его императорское величество на основании отношения господина министра императорского двора от 29 декабря 1876 г. за № 1857, адресованное на имя Анны Николаевны Полушкиной».

4 декабря 1877 г. в соборе г. Одессы был крещен родившийся 18 ноября Александр, сын старшего флаг-офицера лейтенанта Сергея Ивановича Полушкина и Анны Николаевны. Восприемниками при крещении выступили капитан 1 ранга Петр Оттович Коцубу (так в тексте, на самом деле – Коцебу. – **Авт.**) и ее величество государыня императрица Мария Александровна[28], к записи сделана приписка: «На восприятие от купели св. крещением ея величества последовало отношение от секретаря ея величества от 14.12.1877 г. за № 2035».

Сергей Иванович Полушкин, капитан 1-го ранга в отставке (к 1887 г.), с 1894 по 1897 гг. был директором Русского общества пароходства и торговли, также был членом правления Одесского отделения общества спасения на водах. Его старший сын Николай Сергеевич в 1899 г. окончил Александровский лицей, с 1901 г. – офицер. В 1910-е годы служил поручиком в лейб-гвардии Измайловском полку[29], впоследствии дослужился до полковника, находился на службе в Главном штабе[30]. В эмиграции Н.С. Полушкин проживал в США, участвовал в подготовке списка умерших дворян, опубликованном в 1946 г. в журнале «Новик». Скончался 10 мая 1962 г. в Си-Клифф (Глен-Ков), похоронен на кладбище Рослин под Нью-Йорком[31].

Младший сын, Александр Сергеевич Полушкин, окончил Морской кадетский корпус в 1896 г. и гидрографическое отделение Николаевской морской академии в 1904 г. В Гвардейском экипаже с 28 декабря 1900 г. Во время русско-японской войны на крейсере «Изумруд» участвовал в Цусимском сражении (14 мая 1905). Командовал эсминцем «Украйна» (4 октября 1911 – 21 апреля 1914). Командир отдельного батальона Гвардейского экипажа на сухопутном фронте по 1915 год. Сражался в Новогеоргиевской крепости, на реке Бзур и Висле. По 1917 год командует крейсерами «Светлана» (1915) и «Олег» (26 ноября 1915 – 1917). В белых войсках Восточного фронта; с июня 1919 начальник гидрогра-

фического управления морского министерства. Контр-адмирал. В эмиграции с февраля 1920 в Югославии, с октября 1923 в Нью-Йорке (рабочий, затем клерк); на 31 января 1944 и 20 января 1949 член Общества бывших русских морских офицеров в Америке, на ноябрь 1951 председатель объединения Гвардейского экипажа и представитель его в США[32]. Скончался в Нью-Йорке 19 февраля 1963, похоронен на кладбище Рослин[33].

22 июля 1887 г. в Карантинно-Портовой церкви г. Одессы (Одесской Карантинной портовой всех российских святых и святого Николая церкви) были крещены родившиеся 27 июня близнецы Георгий и Владимир, сыновья князя Анатолия Евгеньевича Гагарина и его супруги Марии Владимировны[34]. Восприемниками при крещении выступили: у Георгия – его высочество Георгий Георгиевич, герцог Мекленбург-Стрелицкий,* и ее величество Ольга Николаевна, королева Вюртемберская**, у Владимира – князь Григорий Евгеньевич Гагарин-Стурдза (дядя младенцев) и фрейлина двора ее императорского величества княжна Татьяна Сергеевна Гагарина***.

Князь Анатолий Евгеньевич Гагарин принадлежал к семье князей Гагариных-Стурдза, тесно связанных с Одессой. Он родился в Одессе 20 июня 1844, здесь же скончался 14 января 1917 и был погребен в семейном склепе при Воскресенской церкви на Среднем Фонтане в Одессе[35]. Служил балтским уезд-

* Мекленбург-Стрелицкий Георгий Георгиевич (Георг-Александр), герцог (1859-1909). Сын Георга-Августа, герцога Мекленбург-Стрелицкого (1824-1876) и великой княжны Екатерины Михайловны (1827-1894), племянницы имп. Николая I. Таким образом, по линии императорского дома он приходился троюродным братом имп. Александру III, а по линии герцогов Мекленбург-Стрелицких – троюродным братом имп. Александру II (мать супруги Николая I была принцессой Мекленбург-Стрелицкой).

** Великая княжна Ольга Николаевна (1822-1892). Дочь имп. Николая I. С 1846 г. – супруга Карла I (Фридриха-Карла-Александра) (1823-1891, король Вюртемберга с 1864). Двоюродная тетка и одновременно троюродная сестра Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого (1859-1909).

*** Автору известна только одна княжна Татьяна Сергеевна Гагарина, а именно родившаяся в 1830-е годы дочь действительного тайного советника (1844), обер-гофмейстера князя Сергея Сергеевича Гагарина (1795-1852) и его супруги Елизаветы Адамовны, урожд. графини Валевской (1800-1886). В 1850-1900-е гг. она была фрейлиной высочайшего двора.

ным предводителем дворянства (1872-1873), почетным мировым судьей Балтского мирового округа, директором одесского Мариинского детского приюта (1878-1891), управляющим в должности гофмейстера двора великой княгини Екатерины Михайловны (1891-1894), председателем попечительного комитета С.-Петербургского клинического повивального института (1893-1905), причисленный к министерству земледелия и землеустройства, почетный мировой судья Ананьевского мирового округа, в должности гофмейстера высочайшего двора (21 июня 1894), гофмейстер высочайшего двора (в чине тайного советника, 6 мая 1913), соучредитель и товарищ председателя Имп. Российского общества плодоводства. Владелец с. Колосовка Ананьевского уезда Херсонской губ., м. Окна Балтского уезда Подольской губ., с. Камышенное, с. Теплое и дер. Николаевка Петровского уезда Саратовской губернии (родовое), дома и дачи в Одессе (благоприобретенное). Был женат (18 сентября 1870 г., Луизино-Фатеевка тож Дмитриевского уезда Курской губ.) на владелице им. Дашковцы Литинского уезда Подольской губ. и им. в Тираспольском уезде Херсонской губернии графине Марии Владимировне Соллогуб (6 июня 1851, Луизино-Фатеевка тож Дмитриевского уезда Курской губ. – 7 мая 1917, Одесса), дочери действительного статского советника графа Владимира Александровича Соллогуба (1813-1882) и Софии Михайловны, урожд. графини Виельгорской (ум. 1878).

Князь Георгий (Юрий) Анатольевич, один из близнецов, родившихся в 1887 г., скончался в юности 25 февраля 1901 г. в Петербурге, был похоронен в семейном склепе в Одессе. Его брат Владимир Анатольевич служил чиновником Главного управления землеустройства и земледелия, балтский уездный предводитель дворянства (2 марта 1913), титулярный советник (16 июля 1907). Владелец м. Окна Балтского уезда Подольской губ. и с. Камышенное (Камышенная) Петровского уезда Саратовской губ. (родовое), с. Жаборица Новгород-Волынского уезда Волынской губ. (благоприобретенное). В эмиграции – цветовод, директор экспериментальной фруктовой плантации в Марокко. Скончался 20 марта 1946 в Париже, похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. В первом браке (апрель 1920, Лондон) женат на Ма-

рине Васильевне Кауфман, урожд. Шереметевой (28 мая / 9 июня 1890, Рим – 21 августа / 3 сентября 1926, Ницца, похоронена на Русском кладбище Кокад), дочери отставного гвардии поручика Василия Петровича Шереметева (1836-1893) и Ольги Дмитриевны, урожд. Скобелевой (1847-1898), во втором (12 ноября 1927, Антиб) – на своей двоюродной племяннице по линии князей Гагариных-Стурдза Марии Всеволодовне Бельской (3 июня 1904, Москва – 10 апреля 1993, Иси-ле-Мулино, Франция, похоронена на кладб. в Сент-Женевьев-де-Буа), дочери Всеволода Владимировича Бельского (ум. 1975) и Любови Петровны, урожд. Черемисиновой[36]. От первого брака у князя В.А. Гагарина были сын Георгий (1921-1945) и дочь Мария (род. и ум. в 1922), от второго – дочери Елена (род. 1929), Мария-Елизавета (род. 1931), в замужестве Тэфс (Таран) и Мари Мадлен (род. 1940), в замужестве Бальди, известная как актриса под псевдонимом Masha Méril.

20 августа 1901 г. в Покровской церкви г. Одессы был крещен в православие с именем Николай 15-летний одесский мещанин иудейского исповедания Наум Абрамов Розенцвейг. Как указано в записи – «По указу Херсонской духовной консистории от 8 августа 1901 года за № 9507, просвещен св. крещением и миропомазанием наречен в св. крещении именем Николай в честь святителя Николая, празднуемого св. церковью 6 декабря, с представлением ему права именоваться по отчеству Александровичем по имени его восприемника». Восприемниками при крещении выступили его императорское высочество великий князь Александр Михайлович и жена капитана II ранга София Михайлова Исакова[37]. Более поздняя приписка к записи гласит: «Означенному в сем акте Николаю Розенцвейгу в 8 день марта 1912 всемилостивейше разрешено именоваться по фамилии «Александровым». Отмечено по указу консистории, 24 января 1913 года».

19 марта 1903 г. в Александро-Невской при Новороссийском университете церкви г. Одессы была крещена Тамара, родившаяся 20 февраля, дочь капитана лейб-гвардии Измайловского полка Владимира Илларионовича Чистовича и его супруги Ольги Симеоновны. Восприемниками при крещении выступили

Памятник Константину Константиновичу в Одессе

его императорское высочество великий князь Константин Константинович* и жена генерал-майора Наталия Александровна Наркевич (супруга помощника окружного интенданта Одесского военного округа Константина Михайловича Наркевича), при крещении присутствовал генерал-майор Петр Петрович Федоров[38], окружной интендант Одесского военного округа.

6 января 1918 г. в Николаевской Ботанической церкви г. Одессы была крещена родившаяся 14 декабря 1917 г. Мария, дочь потомственного дворянина Петра Дмитриевича Перевощикова (в зарубежных источниках его фамилия указывается как Гика-Перевощиков – Ghika-Pjerewoschikow) и его супруги Елизаветы Алексеевны. Восприемниками выступили граф Сергей Алексеевич

* 16 апреля 1899 г. был основан Одесский кадетский корпус. В марте 1900 г. великий князь Константин Константинович был назначен главным начальником военно-учебных заведений и посещал корпус в 1900, 1902, 1904 и 1912 гг. После его кончины в 1915 г. корпус получил название Одесский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус. 24 марта 1902 г. в корпусе был устроен праздник древонасаждения, и кадеты под руководством специалистов засадили деревьями аллею перед зданием корпуса вдоль забора, а от каждой роты посадили по дубу в честь великого князя Константина Константиновича и его супруги (возле памятника великому князю, установленного недалеко от главного здания корпуса в 1999 г., перед одним из дубов была установлена табличка, на которой указано, что этот дуб посадил сам великий князь).

Белевский-Жуковский и великая княгиня Елизавета Федорова Романова, в графе «Рукоприкладство свидетелей записи по желанию» (эта графа в метрических книгах заполнялась крайне редко) записаны генерал-майор Михаил Павлович Перевощиков (род. 1866, ум. 1929, офицер лейб-гвардии уланского его величества полка, с 1914 – командир 2-го лейб-гусарского Павлоградского полка, с 1915 – генерал-майор и командир 1-й бригады 14-й кавалерийской дивизии, впоследствии участник Белого движения), потомственная дворянка Елена Павловна Павлова (вероятно, сестра М.П. Перевощикова) и графиня Александра Алексеева Белевская[39] (правильно – Белевская-Жуковская, род. 1899, родная тетка своей крестницы Марии). Крещенная в январе 1918 г. в Одессе Мария Петровна Перевощикова являлась праправнучкой императора Александра II. Ее мать Елизавета Алексеевна, урожденная графиня Белевская-Жуковская (26 августа 1896 – 30 июля 1975, Принстон, Нью-Джерси, США) в первом браке была замужем (январь 1917 г.) за Петром Перевощиковым (умер 28 июня 1937 г.), во втором (1939) – за Артуром Винсентом Lourie. Графиня Е.А. Белевская-Жуковская была дочерью графа Алексея Алексеевича Белевского-Жуковского (в 1875-1884 годы носившего фамилию Седжиано) (1871-1932), который был внебрачным сыном великого князя Алексея Александровича и дочери поэта Александры Васильевны Жуковской.

Восприемниками при крещении М.П. Первощиковой выступили ее дядя, граф Сергей Алексеевич Белевский-Жуковский (1904-1953), и, как следует из текста записи о крещении, великая княгиня Елизавета Федорова Романова. Это супруга сына императора Александра II, великого князя Сергея Александровича (1857-1905), принцесса Елизавета Гессен-Дармштадтская, в православии принявшая имя Елизавета Федоровна (1864-1918). Основательница Марфо-Мариинской обители. Хотя в метрической записи она указана действующей восприемницей, маловероятно, что она могла быть в Одессе в январе 1918 г. В ночь на 5 (18) июля того же года она была убита большевиками в Алапаевске вместе с несколькими великими князьями. Своей крестнице Марии Перевощиковой она приходилась дважды родственницей – через линию принцев Гессен-Дармштадтских дед младенцы, А.А. Белевский-Жуков-

ский, приходился Елизавете Федоровне троюродным братом, а по своему супругу, великому князю Сергею Александровичу, тому же А.А. Белевскому-Жуковскому она приходилась теткой.

Автор благодарит за помощь в работе над статьей С.А. Желяскова, Л.В. Ижик и М.Ю. Катин-Ярцева (Москва).

Примечания

[1] Запись о крещении Е.А. Самойловой в метрической книге Екатерининской церкви г. Херсона на 1784 г. // Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО), ф. 37 (Херсонская духовная консистория) оп. 3, д. 8, л. 35.

[2] Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Российские прокуроры. М, 1999, с. 73-82.

[3] Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. СПб., 1886, с. 354.

[4] Запись о крещении А.Д. Башмакова в метрической книге Преображенской соборной церкви г. Одессы на 1825 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 297, л. 12об.

[5] Список гражданским чинам четвертого класса. Исправлен по 15-е сентября 1869 года. – С. 160.

[6] Запись о крещении М.А. Таборовской в метрической книге кафедрального Преображенского собора г. Одессы на 1864 г. //ГАОО, ф. 37, оп. 3-а, д. 27, л. 36об. – 37.

[7] Список гражданским чинам четвертого класса. Исправлен по 15-е сентября 1869 г. – С. 303; То же на 1872 г., с. 187.

[8] Портреты лиц, отличившихся заслугами и командовавших действующими частями на войне 1853-1856 г. 60 тетрадей. СПб., 1858-1861 г.

[9] Запись о крещении А.Н. Нилуса в метрической книге церкви Архангело-Михайловского женского монастыря г. Одессы на 1865 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 3-а, д. 228, л. 320об. – 321.

[10] Одесский листок. – 1885. – 5 (17) февраля. – № 29; 23 февраля (7 марта). – № 45.

[11] Одесский листок. – 1902, № 221.

[12] Запись о крещении Е.В. Граве в метрической книге кафедрального Преображенского собора г. Одессы на 1865 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 3-а, д. 28, л. 23об. – 24.

[13] Там же, с. 38-39.

[14] Модзалевский Л.Б., Модзалевский Н.Л. Граве. Материалы к родословию потомства Христиана Граве. СПб., 1997, с. 50. Сообщено М.Ю. Катин-Ярцевым.

[15] Запись о крещении А.А. Княжевича в метрической книге Сретенской церкви г. Одессы на 1870 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 6, д. 33, л. 19об. – 20. Сообщено С.А. Желясковым.

[16] Список гражданским чинам четвертого класса. Исправлен по 15-е сентября 1869 года. С. 207.

[17] Незабытые могилы: Российское зарубежье: Некрологи, 1917-1999 / Сост. В.Н. Чуваков.– Т. 3. М., 2001, с. 325.

[18] Almanach de St-Petersbourg. Cour, monde et ville. 1912, p. 281; Адрес-календарь, общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1914 г. Ч. I, стлб. 48.

[19] Весь Петроград на 1917 г. Алфавитный список улиц. Стлб. 71, 297.

[20] Запись о крещении А.Н. Новосельского в метрической книге Архангело-Михайловской монастырской церкви г. Одессы на 1869 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 3-а, д. 76, л. 59об. – 60.

[21] Одесский листок. – 1898, 6 октября. Сообщено Л.В. Ижик.

[22] Одесский листок. – 1905, 11 декабря. Сообщено Л.В. Ижик.

[23] Запись о крещении И.Г. Судковой в метрической книге Сретенской церкви г. Одессы на 1870 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 6, д. 33, л. 44об. – 45. Сообщено С.А. Желясковым.

[24] Памятная книжка Херсонской губернии на 1901 год. Херсон, 1901, с. 90.

[25] Запись о крещении С.В. Резниченко в метрической книге Покровской церкви г. Одессы на 1873 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 3-а, д. 19-а, л. 1об. – 2.

[26] Веб-сайт «Род Кази в истории России» http://www.kazy.narod.ru

[27] Запись о крещении Н.С. Полушкина в метрической книге кафедрального Преображенского собора г. Одессы на 1876 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 6, д. 77, л. 90 – 91об.

[28] Запись о крещении А.С. Полушкина в метрической книге кафедрального Преображенского собора г. Одессы на 1877 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 6, д. 98, л. 95об. – 96.

[29] Общий список офицерским чинам Русской Императорской армии. Составлен по 1-е января 1909 г. СПб., 1909, стлб. 130.

[30] Волков С.В. Офицеры Российской гвардии: Опыт мартиролога. М, 2002, с. 382.

[31] Новик. 1963. Отд. 3, с. 15; Незабытые могилы. Т. 5. – М., 2004, с. 557.

[32] Волков С.В. Офицеры Российской гвардии: Опыт мартиролога. М, 2002, с. 381.

[33] Веб-сайты с биографиями офицеров императорского флота http://li-k.narod.ru/2006/1011.mht; http://flot.parus.ru/biogra15.htm#Polushkin_AS

[34] Запись о крещении князей Г.А. и В.А. Гагариных в метрической книге Карантинно-Портовой церкви г. Одессы на 1887 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 93, л. 22об. – 23.

[35] Гагарин А.П. кн., Шумков А.А. Князья Гагарины и Гагарины-Стурдза // Дворянский календарь. Т. 11. – СПб., 2003, с. 68; Гагарин А.П. кн., Шумков А.А. Князья Гагарины // Дворянский календарь. Т. 16. – М., 2011, с. 82-83.

[36] Гагарин А.П. кн., Шумков А.А. Князья Гагарины и Гагарины-Стурдза // Дворянский календарь. Т. 11. – СПб., 2003, с. 71-72; Гагарин А.П. кн., Шумков А.А. Князья Гагарины // Дворянский календарь. Т. 16. – М., 2011, с. 84.

[37] Запись о крещении Н.А. Розенцвейга в метрической книге Покровской церкви г. Одессы на 1901 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 500, л. 177об. – 178.

[38] Запись о крещении Т.В. Чистович в метрической книге Александро-Невской при Новороссийском университете церкви г. Одессы на 1903 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 559, л. 111об. – 112.

[39] Запись о крещении М.П. Перевощиковой в метрической книге Николаевской Ботанической церкви г. Одессы на 1918 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 1209, л. 1об. – 2.

Ева Краснова, Анатолий Дроздовский

«Новости» одесской коллекции

Так сложилось, что после выхода наших альбомов «Одесса на старой открытке» и «Старая Одесса. Торговля и промышленность», в коллекцию добавились новые интересные материалы, которые нашли бы достойное место в этих изданиях. Однако, как говорится, паровоз ушел, то есть переиздание нами не планируется. Посему коллекционным новинкам мы посвятим данную статью, тем более что они касаются и фешенебельного центра города, и малоизученных окраин.

Фотооткрытка с видом аристократической Софиевской улицы выполнена неким фотографом с крыши дома на углу Ольгиевской улицы. Атрибутировать место съемки позволяет еле заметный из-за густой зелени характерный классический портик Одесского художественного музея – бывшей усадьбы Потоцких-Нарышкиных, выкупленной одесским меценатом Г.Г. Маразли и подаренной им городу. В центре снимка – два движущихся по Софиевской навстречу друг другу трамвая 2-го маршрута. Напрашивается вывод, что новенькие бельгийского производства электрические трамваи, впервые появившиеся на одесских улицах в 1910-1911 годах, привлекли внимание фотографа, а вовсе не своеобразная архитектура близлежащих домов, которую к тому же прочно закрывают высокие уличные деревья. Сегодня на этом участке Софиевской улицы ничего не изменилось: трамвайная колея, электрические столбы и даже ливневые люки – все на прежних местах, как будто не прошло столетие с момента снимка.

Еще одна фотооткрытка центральной части города – Строгановский мост. Он снят также с крыши дома – канатозаводчика Новикова на углу Греческой и Карантинной (Юрия Оле-

Софиевская улица

ши) улиц. Прежний мост был ниже сегодняшнего и отличался от остальных одесских мостов удивительным узеньким пешеходным мостиком, протянувшимся от основного моста к верхнему этажу дома, стоящего внизу. Необычное ответвление казалось юному Юрию Олеше, жившему неподалеку, канатом, натянутым над пропастью, а идущие по мостику люди – циркачами-канатоходцами. Став писателем, он отразил свои детские и юношеские фантазии в образе канатоходца Тибула из замечательной сказки о трех толстяках.

Мостик был вполне надежен, и в 1950-е и 1960-е годы мы многократно с удовольствием преодолевали переход над пропастью, направляясь в загадочный дом – там была поначалу прозаичная детская поликлиника, позднее – жилой дом с традиционными для того времени примусами и керогазами на лестничных площадках.

При реконструкции Строгановского моста его сделали более высоким, намного выше дома, к которому вел мосток. За ненадобностью романтический мостик убрали, лишив самый длинный мост особой достопримечательности. На фото-

Строгановский мост

открытке, к сожалению, мостик сливается с изящной решеткой моста, и может его разглядеть только тот, кто знает, что он там должен быть.

Еще одна самодельная фотооткрытка, «тираж» которой, вероятно, один экземпляр, показывает типично одесский дом в центре города, но по дороге на Молдаванку, на Тираспольской улице угол Кузнечной. Кариатиды, «стерегущие» торец дома и вывеску, прикрепленную к балкону, поначалу ввели нас в заблуждение – они сбиты более 50 лет назад, – и исхоженное детством место не сразу было опознано. Вывеска гласила, что в здании размещается «Женская гимназия министерства народного просвещения, учрежденная А.В. Поликарповой-Козленко». Изучив всевозможные справочники по учебным заведениям Одессы, мы выяснили, что Анна Владимировна Козленко, преподавательница арифметики, учредила в начале 1890-х годов частное девичье училище и успешно руководила им. В начале XX века восьмиклассное училище было преобразовано в гимназию «с правами», расположившуюся в наемном доме по Кузнечной, 35. До 1904 года в этом доме размещался штаб военного округа.

Гимназия Гореевой

Текст на обороте открытки с фотографией написан некой Женей – членом семьи Поликарповой-Козленко, которая сообщает адресату, что дом очень удобен: там удалось разместить пансион для приезжих девочек; в обширном закрытом дворе дети могут спокойно гулять и т. д. Около 1910 года учредительница гимназии еще раз вышла замуж – за отставного военного Гореева, и сменила фамилию. Начиная с этого времени и до 1919 года ее учебное заведение числилось как гимназия А.В. Гореевой. Анна Владимировна происходила из состоятельной семьи, владевшей красивым особняком на Лидерсовском бульваре, 17, против Михайловской площади. Ее отец Владимир Константинович Козленко и она сама числились членами Крымско-кавказского горного клуба, а значит, были любителями экскурсий.

С легкой руки А.В. Гореевой обустроенное ею учебное заведение на углу Кузнечной и Тираспольской улиц по сей день используется по этому назначению. Там работает школа № 58, недавно отпраздновавшая свое 95-летие. Мероприятие посетила выпускница школы 1941 года, наша соседка, Эсфирь Моисеевна Гринберг, которая подарила школе увеличенный нами снимок здания.

Старообрядческая церковь

В этой школе до войны учились наши родственники, жившие на Тираспольской улице прямо против школы. В школе № 58 в 1960-х годах учился доктор технических наук, неутомимый коллекционер-исследователь М.Б. Пойзнер.

Еще один объект вблизи Молдаванки, печально связанный с другой школой, № 118, находился на Преображенской, 75, между Книжным переулком и Малой Арнаутской улицей и издавна именовался молитвенным домом старообрядческой церкви. Прихожанами церкви были купцы Дубинины – Антон Кузьмич и его сын Варфоломей Антонович (владельцы гастронома на Дерибасовской улице, рыбных промыслов и рыбных магазинов), которые жертвовали огромные суммы на содержание дома и строительство нарядной церкви в древнерусском стиле. Церковь была сооружена и освящена в 1912 году, но волею судеб недолго украшала этот район – в 1930-х годах она была снесена, как и другие культовые сооружения. На ее месте и из ее камней построили, по традиции, школу. Совсем недавно наша коллекция пополнилась открыткой с внутренним видом так мало простоявшей церкви. Открытка была послана в октябре 1912 года как поздравительная, «С днем

ангела», членом старообрядческой семьи Самыковых из Одессы в село Зыбкое Херсонской губернии и хранилась в этой семье.

Показав новые поступления с видами центральной части города, переместимся на Молдаванку с прозаичными одесскими предприятиями, выпускавшими самую разнообразную продукцию.

Яркие рекламные литографии некоторых крупных одесских заводов и фабрик были заказаны в 1910 году специалисту в этой области, художнику Максу Герцогу (Max Herzog) из города Теплиц (ныне – Чехия). На основании этих работ были изданы открытки с видами заводов Э. Арпса, В. Санценбахера, М. Кемпе, Ф. Енни, И. Гена, В. Генцлера, на некоторых из них стоит подпись художника Макса Герцога. Им же изготовлена литография панорамы выставки в Александровском парке.

Все литографии выполнены художником как бы с высоты птичьего полета, хотя во многих случаях поблизости не было высоких домов, с крыши которых открывался бы вид на производственные объекты… Взгляд «свысока» позволял показать производство полностью, так, чтобы первый план не закрывал удаленные строения.

Остановимся на открытке с видом пробочного завода Э. Арпса. Это предприятие, расположенное на склоне Водяной балки, как раз легко можно было разглядеть с противоположного склона. Завод был построен Эдуардом Николаевичем Арпсом на землях, некогда принадлежавших одесскому представителю рода Разумовских – графу Петру Алексеевичу Разумовскому, внуку и наследнику последнего украинского гетмана Кирилла Григорьевича Разумовского.

В 1806 году Петр Алексеевич Разумовский был отправлен Александром I к герцогу Ришелье в Одессу чиновником по особым поручениям. Получив наследство, оставленное ему скончавшимся в 1803 году дедом, Кириллом Григорьевичем Разумовским, Петр Алексеевич обосновался в совсем еще юной Одессе, где прожил около тридцати лет, с 1806 по 1835 год. Он обустроил живописную усадьбу с садами на противолежащих склонах Водяной балки, построив дворцы на каждом из них. Усадьба Разумовского соседствовала с садом герцога Ришелье (Дюковский сад).

«На огромном пространстве в балке, между двух горных скатов, вы увидите разбросанные там-сям сады… Воздух здесь чуд-

ный, чистый, и дышится здесь легко начинающеюся здесь далью новороссийских степей», – пишет об этом районе А.М. Дерибас в книге «Старая Одесса». В этом районе устраивали степные дачи многие именитые одесситы.

Развитие промышленности превратило Молдаванку из района степных дач в промышленный район. Большой дворец Разумовского оказался на территории пробочного завода Э. Арпса, окруженный мощными заводскими корпусами. Здание с затейливыми украшениями, как и другие заводские корпуса, хорошо просматривались с противоположного склона балки, где в бывшем малом дворце Разумовского действовал ресторан (сейчас на этом месте автовокзал).

На открытке с видом пробочного завода бывший дворец графа, в котором, согласно данным справочников разных лет, проживало семейство Арпс, хорошо различим, как и множество деревьев, украшавших некогда усадьбу Разумовского.

Пробочное производство быстро развивалось. Если в год основания на производстве трудилось 75 рабочих, то к концу XIX века их было уже 600. В связи с расширением дела в 1898 году было учреждено акционерное общество с капиталом 750000 рублей,

Завод Арпс

и завод стал называться «Акционерное общество Одесского пробочного завода «Эдуард Арпс и К°». В правление акционерного общества входили кроме основателя пробочного производства Э.Н. Арпса его сын Эдуард Эдуардович Арпс и предприниматели: Яльм Викандер, Карл-Август Викандер и другие.

К 1914 году фирма выпускала бутылочные пробки и пробковые изделия для изоляционных материалов. Годовая производительность составляла 2500000 рублей.

Были открыто отделение завода в Москве, агентства в Варшаве, Ростове-на-Дону. В городе Синесе (Португалия) действовала собственная фабрика для обработки пробкового дерева.

Акционеры отец и сын Викандер, входившие в правление акционерного общества завода Э. Арпс, совместно с Ларсоном содержали в Либаве (ныне – Лиепая, Латвия) пробочное производство. В последние годы XIX века они разместили в Одессе свое торговое представительство. В ассортименте их товаров были разного вида пробки, линолеум и линкруст (рельефные обои).

Если завод Арпса кроме разнообразных пробок делал упор на производство всякого рода строительных и машинно-технических изоляционных материалов, то Викандер и Ларсон со временем открыли в Одессе свой пробочный и линолеумный завод. Корпуса предприятия в 1911 году были возведены архитектором Х. Бейтельбахером на Шкодовой горе. В центре Одессы, на Ришельевской, 26, выстроено оригинальное здание заводского управления.

До 1918 года два пробочных предприятия благополучно сосуществовали и конкурировали друг с другом.

Открытки пробочного завода Арпса появились, как ни странно, в 1918 году, когда австрийские и немецкие войска оккупировали Украину. Оккупанты выпускали фотооткрытки с видами Одессы. На одной из них – ворота завода Арпса, возле которых расположилась группа квартирующих на территории завода германских военнослужащих.

За воротами просматривается длинное производственное здание, справа – дом с башенкой: заводоуправление. Жилище Арпсов – бывший большой дворец Разумовского – спрятался за деревьями где-то слева и не попал в объектив немецкого фотографа. На обороте фотооткрытки владельческая надпись от руки на немецком языке о том, что там он квартировал с 1 по 20 июня 1918 года.

Завод Арпс. 1918 г.

Владелец открытки вовремя съехал с территории фабрики Арпс, так как через два месяца, 31 (18 по старому стилю) августа 1918 года, в этом районе Одессы произошли события, названные современниками «Катастрофой в Одессе. Взрывы артиллерийских складов и пожар завода Арпс». Такая владельческая надпись стоит на редчайшей открытке, запечатлевшей печальное событие одесского смутного времени.

Фотограф снимал пожар с крыши дома на противоположном склоне Балковской улицы. Примерно с той же точки создавал картинку пробочного завода Макс Герцог, о котором мы писали в начале статьи. На фотографии, выполненной 31 августа по новому стилю, мощными клубами черного дыма окутан бывший дворец Разумовского – жилище семьи Арпс. Задымлена вся Бугаевка (справа от завода Э. Арпса) и ближайшие районы.

В нашей коллекции есть статья из довольно редкого журнала «Вестник Одесского земства» от 5 сентября (23 августа) 1918 года некого П. Васильева «Взрывы в Одессе» с описанием взрывов, пожаров и их последствий.

«Настигли и Одессу взрывы артиллерийских складов. В субботу, 31 августа, в 3 часа 20 минут произошел первый взрыв. Каза-

Взрывы артскладов

лось, что где-то рядом разорвалась бомба. Вслед за первым взрывом произошел второй, и потом взрывы продолжались несколько часов, по временам достигая ужасающей силы.

Жители районов, прилегающих к месту взрывов, бежали к морю; кто в чем был в момент взрыва. Толпы бегущих с плачем и криком людей, звон лопающихся от напора воздуха стекол и оглушающие взрывы: такова картина, которую можно было наблюдать в Одессе. Взрывы были на Бугаевке, на Одессе-Заставе-2. Все место взрывов было охвачено сильным пожаром. То, что уцелело от взрывов, уничтожалось огнем.

Есть убитые и раненые, но число их еще неизвестно. Много домов разрушено. Очень много людей разорено совершенно. Убытки от взрывов и пожаров на много миллионов. Много детей потеряло своих родителей, много родителей потеряло своих детей. Много людей лишилось крова, пищи и одежды.

Австрийский гусарский полк кормит до 20000 человек.

Район пожаров и взрывов оцеплен австрийскими войсками. Время от времени там еще происходят взрывы, так что пройти туда еще нельзя.

Какая причина вызвала эти взрывы, вызвавшие такой ужасный пожар и такие сильные жертвы? Возможно, злой умысел, но возможен и несчастный случай или самовозгорание снарядов. Следствие установит причину, а пока нужна помощь разорившимся людям. Помогите!»

Газета «Одесские новости» в эти же дни сообщала, что взрывами повреждено здание психиатрической больницы и Пушкинского училища на Церковной площади на Слободке-Романовке, а на Бугаевской улице не осталось ни одного целого дома. С Бугаевской улицей все понятно, а как взрывы и пожары докатились до Слободки-Романовки, трудно себе представить.

Картина в газетах нарисована удручающая, но доискиваться до истины, вероятно, никто не стал. И австрийцы, и немцы вскоре покинули Одессу, на смену им явились французы, затем большевики. Частая смена властей, голод и холод, разруха в городе быстро затмили для одесситов печальные события августа 1918 года.

Пожар превратил завод и бывший дворец Разумовского в руины, все производство сосредоточилось на Шкодовой горе. В советские времена этот завод, производивший линолеум, назывался «Большевик».

На месте бывшего большого дворца Разумовского и пробочного завода Э. Арпса расположились в 1970-е годы корпуса техникума легкой промышленности. Строительство транспортной развязки в этом районе изменило местность до неузнаваемости.

Из района Бугаевки – Молдаванки перенесемся в район Заставы-2 (Тираспольской заставы), из открыток, литографий и фотографий с видами которой известны только различные изображения Входо-Иерусалимской церкви, красовавшейся в самом конце Дальницкой улицы. Рядом с церковью, на Дальницкой, 50 (сейчас – 60), в последние годы XIX века открыли 2-й Казенный очистной склад, государственное заведение, где ректификацией очищали спирт и вырабатывали качественную водку. Очистные склады возникли в связи с введением в 1895-1896 годах государственной монополии на продажу спиртных напитков.

Первый очистной склад был построен в Одессе по проекту архитектора А. Бернардацци в 1896 году (на месте частного предприятия того же профиля) вблизи железнодорожного вокзала,

2-й Казенный очистной склад

на углу Среднефонтанской улицы и Старосенной площади. Внушительного вида здание служило делу производства ликероводочных изделий до недавнего времени.

Второй склад был значительно меньшим по всем параметрам: здание не блистало архитектурными изысками, мощность производства была значительно ниже мощностей 1-го склада. Хотя в статье, посвященной юбилею архитектора А.И. Бернардацци в журнале «Зодчий» за 1900 год, сказано, что по его проектам сооружены оба очистных склада в городе.

Вид 2-го Казенного очистного склада в 1910 году сохранил один из его сотрудников, Иван Алексеевич Тимченко, сфотографировавшись перед зданием. Снимок сделан кем-то из служащих второго склада, фотооткрытка была отправлена Иваном по почте в 1911 году брату Захарию в Харьков. В тексте открытки отправитель сожалеет о закрытии предприятия, где он трудился. По каким-то государственным причинам второй казенный очистной склад оказался не нужным, и его закрыли в 1910 году. Здание, в котором некогда изготавливали водку, сейчас принадлежит военному ведомству. Оно несколько перестроено, но вполне узнаваемо, а сотрудники склада сообщили нам, что в подвалах дома до сих пор сохранилось оборудование для перегонки спирта.

Мы рассказали о некоторых одесских коллекционных поступлениях последнего времени. Наиболее, на наш взгляд, интересные войдут в готовящийся к изданию наш третий альбом, посвященный истории одесской фотографии и одесским фотографам.

Галина Семыкина

Одесские очерки П.П. Свиньина*

<П.П. Свиньин>

Взгляд на Одессу

(Из живописного путешествия по России изд. «Отеч. зап.», 1825 г.)

14-го августа, возвратясь в Севастополь из любопытного путешествия по Южному берегу Крыма, я узнал, к крайнему своему удовольствию, что на другой день отправлялся к эскадре, крейсировавшей в 30 милях от порта, бриг «Гонец», и, горя желанием обозреть на самом действии Черноморский флот, славящийся своею красотою, я без труда исходатайствовал себе местечко на бриге.

В 10 часов поутру «Гонец» мастерски при сильном ветре подошел под корму адмиральского корабля, и командир оного, капитан-лейтенант Щербаков, отрапортовав в рупон о благополучном состоянии своего судна, донес о моем прибытии. Тотчас спущен был катер с «Императора Франца»**, и как я удивился, найдя на корабле графа Михаила Семеновича Воронцова с супругою и большою свитою, прибывших за несколько часов до меня из Одессы проездом в прелестный Юрзуф свой! День сделался прекрасный, ветерок ровный, свежий; адмирал воспользовался оным для угощения нас самым приятным, а для многих совершенно новым зрелищем – морских эволюций и примерного сражения. Сделаны были сигналы: построиться эскадре в две колонны, потом поворотиться двумя же колоннами на другой галс через фордвинд,

* Окончание. Начало в кн. 52.

** Имя адмиральского корабля.

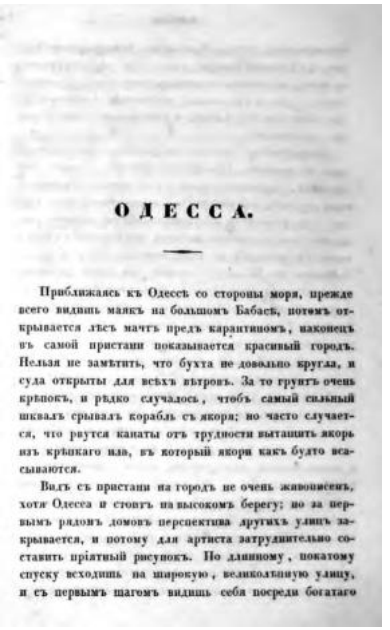

КАРТИНЫ
РОССІИ
и
БЫТЪ
РАЗНОПЛЕМЕННЫХЪ ЕЯ НАРОДОВЪ,
изъ
ПУТЕШЕСТВІЙ
П. П. СВИНЬИНА.
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?
Жуковскій.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
1839.

П.П. Свиньин.
Картины России и быт разноплеменных
ее народов. Санкт-Петербург, 1839

там построиться в линию баталии одному за другим. С сим последним – в минуту сии громады скрылись за «Пименом», следовавшим за адмиралтейским кораблем. Скорость и правильность таковых движений доказали, до какой степени совершенства доведен Черноморский флот попечением адмирала Грейга, а нам представили удивительное, ни с чем несравненное зрелище, так что оно припомнило мне слова Петра Великого, который, командуя тремя соединенными флотами, сказал: «Если б я не был императором, то старался бы быть адмиралом». Наконец, легким судам: бригу «Орфею», бригантине «Елисавете», яхте «Утехе» и шлюпу «Диане» – дано было повеление вступить между собою в сражение, – и мы увидели, как слабейшие суда, дав полный залп по сильному неприятелю, старались уходить, обманывать его смелыми внезапными оборотами своими или старались зайти ему под корму; как и тот, угадывая намерения своего поборника, громил его, следуя за всеми его движениями, прибавляя и убавляя беспрестанно паруса свои, обращая все внимание к отбитию у него такелажа; ибо потом легко было бы овладеть самим судном.

Прекратилась война, утихли громы, съехались командиры со всех судов, и мы при звуке прелестной музыки пошли за мирный обед, который сколько был изобилен, столько и весел. Сему последнему легко поверить, когда узнаешь, что за столом сидело более 40 особ, что в числе оных были пришельцы с отдаленнейших краев света, люди различных званий и службы, кои

столкнулись странным случаем в один тесный круг! Можно вообразить, сколь разнообразна, жива и занимательна была сия беседа – за вкусными избранными блюдами, приправленными нектаром Крыма и Франции. В свите графа Михаила Семеновича я встретил двух известных писателей: гг. Л. и Н. Хвала русскому боярину, покровительствующему русские таланты и русскую словесность.

ОДЕССА.

Приближаясь къ Одессѣ со стороны моря, прежде всего видишь маякъ на большомъ Бабасѣ, потомъ открывается лѣсъ мачтъ предъ карантиномъ, наконецъ въ самой пристани показывается красивый городъ. Нельзя не замѣтить, что бухта не довольно кругла, и суда открыты для всѣхъ вѣтровъ. За то грунтъ очень крѣпокъ, и рѣдко случалось, чтобъ самый сильный шквалъ срывалъ корабль съ якоря; но часто случается, что рвутся канаты отъ трудности вытащить якорь изъ крѣпкаго ила, въ который якори какъ будто всасываются.

Видъ съ пристани на городъ не очень живописенъ, хотя Одесса и стоитъ на высокомъ берегу; но за первымъ рядомъ домовъ перспектива другихъ улицъ закрывается, и потому для артиста затруднительно составить пріятный рисунокъ. По длинному, покатому спуску всходишь на широкую, великолѣпную улицу, и съ первымъ шагомъ видишь себя посреди богатаго

Очерк П.П. Свиньина «Одесса» в книге «Картины России и быт разноплеменных ее народов». Санкт-Петербург, 1839

Слава о Черноморском флоте нисколько не увеличена: корабли один другого величественнее, стройнее! Алексей Самойлович избирает для судов, строящихся в здешних портах, чертежи с известных английских ходоков и боевых судов. Таким образом, стопушечный корабль «Император Франц» построен по размеру знаменитого «Victory», на коем Нельсон одержал Трафальгерскую победу. Увеличив его несколько в длину и ширину, он усугубил еще достоинство и выгоды сего корабля, почитавшегося лучшим во всем британском флоте.

Так как «Гонец» назначался в крейсерство, то адмирал без затруднения дал ему приказание отвезти меня в Одессу; а сие избавило меня от скучного переезда через степи перекопские и доставило случай покататься по Черному морю – четвертому, находящемуся в пределах России.

23-го мы вышли из Севастополя при благополучном ветре, останавливались на несколько часов при эскадре и 25-го после обеда кинули якорь на одесской рейде подле брандвахты. Плавание наше кончилось весьма благополучно, несмотря, что мы испытали почти всё, что можно встретить на море: штиль, ужасную

качку, шквалы, грозу, дождик и, наконец, со вчерашнего вечера прекрасную погоду, ровный ветерок, который скоро успокоил волнение моря и нес бригантину нашу на всех парусах, между тем как мы не чувствовали ни малейшего движения. Сегодня с рассветом показался маяк на большом Бабасе, потом лес мачт в Карантине; но город открылся не прежде того, как мы стали уже на якорь. Стоянка здесь весьма невыгодна, ибо бухта не кругла, и суда открыты для всех ветров. Зато грунт очень крепок, и редко случалось, чтоб самый сильный шквал подрейфовал корабль; напротив, суда часто теряют якоря свои, ибо рвутся канаты при поднятии оных. Грунт состоит из крепкого ила, составляющего сверху род коры, под коею он жидок, так что якоря как будто в него всасываются.

Вид с рейда на город не весьма живописен, хотя оный стоит на высоком берегу, и тем более что не видно внутренности его за первым рядом домов, а потому очень затруднительно для артиста составить из оного приятный рисунок. Получив вследствие клятвенного объявления нашего за подписанием всех офицеров, что во время плавания мы не встречались ни с одним кораблем и т. п., позволение съехать на берег, мы вышли на пристань военной гавани. По длинному покатому спуску всходишь на широкую великолепную улицу и с первым шагом видишь себя посреди богатого многолюдного города. Удостоверение сие увеличивается по мере приближения Ришельевскою улицею к центру города: по обеим сторонам оной встречаешь огромные домы в 2 и 3 этажа, магазейны, блестящие сокровищами Европы и Азии, и роскошные казино, полные посетителей.

Заняв в клобе* № 14-й, имеющий балкон на Ришельевскую и де Рибасовскую улицы, я на первый раз удовольствовался наблюдением оттуда беспрерывного движения, продолжавшегося на улицах далее полуночи. Прекрасные кареты, коляски, кабриолеты, верховые, возы с товарами, разнощики, разноцветные, разнородные группы гуляющих по тротуарам сменяли попеременно сцены, являли благотворные следы торговли, с властью и могуществом коей может равняться одно очарование; которая одному

* Лучшая гостиница в Одессе. За две комнаты платил я по десять рублей в день.

велит сходить в недра земли или спускаться на дно морское, другому подниматься выше облаков, которая назначает круг действия гренландскому рыбаку и готтентотскому зверолову; которая была началом всех важных открытий и усовершенствований; которая, наконец, не с большим в 30 лет сии дикие пустыни населила многолюдными деревнями и сотворила город богатый, великолепный, не уступающий многим древним столицам Европы. Этому едва ли найдем подобный пример даже в Северной Америке.

Когда я предавался сим размышлениям, посетил меня И. А. С. (коего я тотчас уведомил о своем приезде), один из ближайших свидетелей счастливого возвышения Одессы. Достаточно заметить слова его, чтоб представить верный взгляд на историю сего города.

Страна, где лежит Одесса, приобретена Россиею в силу мирного трактата с Турциею, подписанного в Яссах 1792 года. Находясь между устьями Буга и Днестра на пространстве 50 миль ширины и немного более в длину, она представляла необозримую степь, где не встречалось ни одного обиталища, и война изгнала даже народы, кочевавшие на оной с давних времен с своими стадами. На месте самого города находился старинный замок турецкий – *Гаджи-бей* называемый, который взят был у турок в 1789 году адмиралом Рибасом, и по заключении мира с Портою приступлено было к устроению здесь порта, столь важного по близости от Украйны, не имевшей до того возможности сбывать избытки своих богатств. Сколько в уважение сих удобств, столько и потому, что гавань Одесская не всегда замерзает, мудрая Екатерина предпочла сие место всем прочим, несмотря на предстательства многих сильных того времени людей, утверждавших, что торговые порты должно учреждать при впадении больших рек в море, где кораблям безопаснее стоять и способнее нагружаться; что продукты государства могут удобнее и дешевле проходить извнутри водяным сообщением и, наконец, в случае войны неприятельский флот встретил бы более затруднения войти в реку, чем сделать нападение на место приморское. Несмотря на сии в некотором отношении полусправедливые истины, императрица не поколебалась в своем выборе – махнула творческим жезлом своим, и в 1796 году открылся одесский порт, к коему в конце

того же года пришло до 60 австрийских, итальянских, турецких и греческих кораблей, вокруг пустынного замка образовались улицы, возникли хорошие казенные домы, и многие иностранные купцы установили свои конторы.

Европейские державы, увидя вскоре выгоды, которые должна была доставить сия торговля, употребили свои усилия, чтоб получить право свободного плавания по Черному морю. И когда Порта даровала оное в 1802 году после Амьенского мира, сперва французам, потом англичанам, там пруссакам, голландцам, рагузинцам и Республике Семи Островов, то Одесса сделалась главным портом и средоточием торговых дел на Черном море.

К счастию сего города, управление оных поручено было в следующем 1805 (1803. – **Г. С.**) году Дюку де Ришелье, с полною властию, необходимою в краю столь отдаленном от столицы; и сей почтенный благонамеренный муж вполне оправдал доверенность к нему монарха, доведя мерами кроткими и благоразумными торговлю Одессы до самого цветущего положения. Он не упустил воспользоваться всеми средствами к усилению и распространению сей важнейшей отрасли государственного благосостояния. По его предстательству уменьшен таможенный сбор, учреждены Коммерческий суд, банки промена и учетов, Купеческий суд; преобразован Карантин, определены иностранные консулы, предоставлены городу доходы винного откупа и пятая часть таможенного сбора. Сии незначащие при вступлении Дюка капиталы, ибо первый простирался не свыше 14 тысяч руб. в год, а последний – 28 тысяч руб., возведены им были вскорости – винный откуп до 375.000 т., а таможенный более миллиона! В сей прогрессии двинулись вперед и прочие части благосостояния Одессы. Город нуждался в пресной воде для напоения скота, стекающегося в великом множестве с возами разного хлеба – Дюк устроил огромное водохранилище, удалившее совершенно сие неудобство. Не только воздвигнуты им великолепные храмы для разных вероисповеданий, но дома странноприимные и гостиницы для вспоможения страждущему человечеству. Ришелье основал и довел до цветущего состояния Гимназию и училища для наставления и воспитания юношества. Его попечением устроена большая плотина для охранения кораблей от бурь, рынки, казар-

мы для гарнизона. Самыя удовольствия и увеселения публики обращали особенное внимание Дюка: им выстроен прекрасный театр, разведен публичный сад, воздвигнута великолепная зала для балов и каменные тротуары, осененные деревьями; наконец, недоставало ремесленников в рождающейся колонии, и Ришелье поселил в ней многие семейства трудолюбивых немцев, выбранных из числа пришедших тогда обитать в краю новой России. Скоро население Одессы возвысилось до 35.000 обитателей, и имя Дюка де Ришелье будет навек благословляемо в здешней стране.

По любви моей к археологии я поставил себе первою обязанностию на другой день посетить г. Бларамберга, знаменитого здешнего антиквария. Его собрание древностей особенно достойно примечания по множеству достойных предметов, извлеченных из развалин древней Ольвии. Г. Бларамберг в короткое время умел собрать самый любопытный в своем роде кабинет, в коем заключаются следующие предметы:

1). Собрание мраморов с надписями греческими, статуй и барельефов, к несчастию, вообще поврежденных. Между ними особенно замечательна одна небольшая статуя женщины, высокой работы. В числе надписей некоторые в честь Аполлона, другие посвящены Ахиллесу Понтарху, т. е. покровителю мореплавателей в Понте Евксинском. Сии последние найдены на острове Березине, находящемся против устья Днепра, на коем ольвийские греки имели храм, посвященный Ахиллесу: плаватели приносили тут жертвы для испрошения себе счастливого пути.

2). Великое число предметов из глины (terre cuitte), как то: амфор и других родов ваз, ламп, статуй и проч. Некоторые из сих вещей в совершенной целости, но большая часть состоит из обломков. В числе сих последних примечательно многочисленное собрание ручек, оставшихся от глиняных кувшинов, в коих, вероятно, хранилось вино. На всех ручках видны различные изображения и имена их мастера или чиновника, мастерами заведовавшего (астинама). Между обломками ваз замечательны многие куски с лепными и живописными изображениями изящной работы, принадлежащей к лучшим временам искусств в Греции.

3). Множество различных металлических и других вещей, бывших в употреблении у древних обитателей Ольвии.

4). Богатое и единственное собрание монет города Ольвии. В Каталоге, изданном г. Бларамбергом в 1822 году в Париже, описано 200 разных монет ольвийских; но собрание сие с тех пор еще увеличилось. Мало есть греческих городов, которые бы в монетах своих представляли подобное разнообразие. Полагая, что каждой описанной монеты г. Бларамберг имеет по 2 или 3 экземпляра, собрание его должно состоять из 500 и до 600 одних ольвийских монет, в числе коих есть многие, до появления его каталога никем не описанные, как например: золотые и серебряные с изображением Аполлона и лиры, Геркулеса и палицы и проч. В числе медных трудно бы было исчислить все по его каталогу, сделавшиеся известными ученому свету. Ольвийские монеты с изображением императоров римских, в кабинете г. Бларамберга находящиеся, представляют Септимия Севера, Юлию Домну, Каракаллу, Гету, Александра Севера и мать его Юлию Мамею. Сим кончится последование императорских монет: что и заставляет г. Бларамберга думать, что Ольвия была разрушена варварами вскоре после Александра Севера.

5). Прекрасное собрание древних монет, в различных местах по берегам Черного моря и собственно в Ольвии найденных и принадлежащих разным царям, городам и народам, вокруг Черного моря обитавшим. Собрание сие г. Бларамберг называл *Нумисматическим Периплом Понта Эвксинского*. Тут замечательны многие драгоценные монеты удивительной сохранности, найденные в 1824 году на острове Тендре, древнем *Ахиллесовом ристалище*; далее монеты, доселе еще бывшие неизвестными: *Скилура*, царя скифо-тавров, современника Митридатова и царя *Инфимея*, совершенно в истории неизвестного, но который, вероятно, предводительствовал скифами в окрестностях Ольвии, где и монета сия найдена. В числе монет царей боспорских особенное внимание заслуживает прекрасная и редкая монета царя Левкона, жившего во времена Филиппа, отца Александра Великого, найденная в одной древней гробнице в Керчи.

6). Небольшое собрание мраморных и глиняных обломков с надписями и изображениями, найденных на острове Тендре. На одном мраморе видно изображение Ахиллеса в шишаке и со щитом в руке; на других начертано имя сего героя.

7). Мраморное изображение во весь рост Потамона Александрийского, учредителя школы эклектической, избиравшей из прочих сект все лучшее и полезнейшее. Драгоценный сей памятник превосходной греческой работы найден в развалинах Халкидона, против Константинополя, где, вероятно, Потамон кончил дни свои и был погребен.

8). Большое собрание бронзовых кумиров, ламп и других вещей древних, найденных в развалинах Геркулана и Помпеи и приобретенных г. Бл. в Одессе от одного путешественника.

Г. Бларамберг, не довольствуясь тем, что богатое собрание его открыто для всех любителей наук, и особенно истории и древностей, сделал еще от избытков своих значительное пожертвование для положения основания учрежденному в Одессе по распоряжению правительства публичному Музеуму, который и был открыт 9-го сего августа. Пожертвование его состоит: 1) Из собрания разных древностей египетских; 2) собрания разных кумиров и вещей из бронзы, найденных в Геркулануме и Помпее; 3) собрания золотых, серебряных и медных монет разных императоров римских, начиная от Августа; 4) собрания монет разных греческих царей и городов, особенно стран понтийских; 5) собрания отборных книг, касающихся до истории и археологии.

Надобно надеяться, что и другие хранители древних вещей последуют г. Б. и вскоре обогатят сие рождающееся заведение подобными пожертвованиями. Музеум сей помещен на первый раз в небольшой беседке его сада, отделанной в приличном для сего виде.

Другое подобное собрание, не менее любопытное и характеристическое, принадлежит Ивану Алексеевичу Стемпковскому. Оно состоит из монет числом более 1000, собранных большею частию по берегам Черного моря. В нынешнем году оно получило приращение несколькими любопытными медалями, найденными на острове Тендре. Собрание сие заключает в себе значительное количество монет: ольвийских, херсонских (херсонесских. – **Г. С.**), пантикапейских, фанагорийских и тирасских. Императорские монеты сего последнего города, в соседстве Ольвии на берегу Днестра (где ныне Аккерман) стоявшего, простираются от времен Домициана до Александра Севера. Выше замечено, что и оль-

вийские оканчиваются также на Александре Севере, почему ясно видно, что Ольвия и Тира почти в одно время существовать перестали. Полковник Стемпковский особенное старание прилагает о собрании монет древних царей боспорских для объяснения истории оных, и успел уже соединить изрядное количество таковых монет. Между ними особенное внимание заслуживает одна очень редкая, царя Митридата III, с изображением царицы, его супруги*, и три монеты царя Радамеадиса, о коих полковник Стемпковский напечатал в 1822 году особенное известие, и которые до того времени совершенно были неизвестны. Радамеадис царствовал во времена Константина Великого**. Полковник Стемпковский имеет также у себя прекрасную вазу***, вроде этрурских с изображениями, найденную в 1823 году в Одессе. Она особенно любопытна как единственный памятник пребывания древних греков на том месте, где ныне стоит Одесса. Полк. Стемп. сделал сей вазе особое описание, с присовокуплением изысканий о древних греческих поселениях по берегу Черного моря между Днепром и Днестром существовавших****. Из изысканий сих видно, что на том месте, где построена Одесса, находился в древности так называемый Истрянский порт (Istrianorum portus), упоминаемый в Арриановом Перипле Понта Евксинского.

Остальное время дня посвящено было мною обозрению любопытных храмов богослужения.

Собор здешний может почесться одним из прекраснейших в Русском царстве. Пол из белых мраморных досок, а алтарь устлан марсельскими кафелями, наподобие мозаики. Местные образа хорошей академической работы и покрыты серебряными

* Описание сей исторической монеты было помещено в «Одесском вестнике» 1827 года, февраль.

** Богатейшие собрания монет царей боспорских кроме эрмитажного находятся в Вене, куда поступил славный кабинет Тевполо из Венеции, в Париже и в Минхине. Сей последний составился из драгоценного кабинета Казинери, бывшего французского консула в Смирне и Салонике. Между частными собраниями боспорских монет известно в Париже собрание г. Алье д'Отерот, находившегося несколько лет консулом в Ираклии Понтийской (ныне Пендераки).

*** Ваза сия находится ныне в одесском музее; вместе с ней хранится другая, еще любопытнейшая, найденная также в Одессе в 1826 году и описанная в «Отеч. зап.», июнь 1827.

**** Исследования сии помещены в майской книжке 1826 года «Отеч. зап.».

ризами, ярко вызолоченными; утвари и ризы церковные поддерживают гармонию прочего богатства. У северных дверей замечателен образ Божией Матери высокой итальянской кисти; он пожертвован покойным И.К. Фродингом. На бронзовой доске описана история сего отличного произведения Palmo vecchio, а в недавние времена одна незнакомка, пришедшая под вуалем, принесла на образ сей и серебряную ризу. Плащаница, унизанная крупным жемчугом, а венец – драгоценными каменьями, – есть также пожертвование частного человека. С особенным удовольствием можно послушать и соборных певчих, кои голосами своими уступают разве одним черноморским и делают особенную честь своему попечителю отцу протоиерею Петру Семеновичу Куницкому, знаменитому сподвижнику и другу преосвященного экзарха Гавриила.

В *Греческой* церкви с благоговением поклонялся бренным останкам патриарха Григория, замученного турками в Константинополе в день Св. Пасхи 1821 года и брошенного с камнем в море, но чудесным образом спасенного на греческом корабле, шедшем в Одессу, который и привез его невредима от тления.

Внутренность храма распещрена разными сказаниями из Апокалипсиса, а в паперти замечательно изображение Ада, написанное в Иерусалиме каким-то русским художником Димитраки, который превзошел, кажется, воображение самого Данте, напустив, в том числе на употребляющих румяна, змей, кои сосут щеки у грешниц!

Католическая церковь невелика, но убрана с немалым великолепием. В ней замечателен прекрасный образ Богоматери кисти Карла Дольче, присланный в церковь сию от М.А. Нарышкиной.

Старообрядческая сделана по плану собора в меньшем размере и, кроме старинных книг и некоторых икон, не заключает ничего достойного замечания.

Лютеранскую, к крайнему удивлению, я нашел устроенную в ветхом магазине. (*Это было временно: ныне построена прекрасная Лютеранская церковь и открыта для богослужения в 1827 году.*)

Напротив того, *Синагога* – в самом цветущем положении, как по числу, так и по богатству прихожан.

Успенский монастырь, находящийся на Бабасе, в 10 верстах от Одессы, если не заключает никаких достопамятностей, то делает честь своему основателю г. Теутулу, который пожертвовал сие прекрасное место со всеми садами для архиерейского подворья, между тем как католики предлагали ему за оное 50 тысяч рублей. Исполнилось и желание сего почтенного мужа: заложенный им маяк, на который он также пожертвовал 14 тысяч рублей, ныне кончен и освещается лампами. Любопытна история сего маяка: в одну бурную осеннюю ночь Теутул слышит стук у дверей своего хутора, бывшего на сем месте, и пред ним является беловласый старец. «Ты видишь, – сказал он, – одного из мореходцев, пострадавших у берегов сих от тебя: огонь в хуторе твоем принят мною за городской, и я направил корабль мой на камень, о который он разбился. Грех и проклятия падут на тебя от многих, подобных мне, если ты не воздвигнешь здесь маяка для отвращения бедных мореходцев от верной погибели».

Следующий день я начал посещением Ришельевского лицея, принесшего в весьма короткое время столь много пользы просвещению. Питомцы первых годов его основания особенно отличались своею образованностию, и не могло быть иначе: Дюк де Р. был привязан душою к своему творению, посещал почти ежедневно сие заведение, поощрял детей к соревнованию, так что отличных из них приглашал к себе в праздники на обед и удостоивал их разговорами. Воспитанники при таком поощрении делали чудесные успехи, родители получали неограниченное доверие, и вскоре комплект лицея, на 120 человек, наполнился; но вскоре и сие прекрасное заведение по удалении герцога имело, как и прочие подобные учреждения, свой упадок. Я нашел в нем не более 63 воспитанников, из коих каждый платил за учение и содержание свое 1200 рублей. Строение лицея хотя довольно огромно, но заметно, что было временное. Ришелье намерен был воздвигнуть для сего великолепное здание за крепостию у моря, которое бы стоило несколько миллионов. Уже и план оного сделан Монфераном за 15 тыс. рублей.

Разделение детей по возрастам мне весьма нравится; не только учение, но и самые забавы приноровлены к летам, а потому у каждого возраста свой класс и свой двор для забав. Несколько

воспитанников обучаются на пожертвованные Дюком де Ришелье деньги, составляющие до 16 тыс. годового дохода с аренды, за службу ему от щедрот государя пожалованной, и которые он предоставил на воспитание бедных дворян, и в особенности сирот, оставшихся после отцов, которые убиты в прошедшую кампанию против французов. Сии воспитанники называются педагогами и должны по окончании курса прослужить 6 лет надзирателями и адъюнктами при лицее. По ходатайству основателя, он сравнен с университетами, и выходящим с хорошими аттестатами отличным воспитанникам предоставлены права студентов.

О *военной гавани* несколько сказано мною выше. Присовокуплю к тому, что как оная, так и *купеческая*, ограждены высокими насыпями или мулами, вдавшимися в море сажен на 200. Они обложены камнем и так широки, что по ним повозки без затруднения подъезжают к кораблям для нагрузки или разгрузки оных. Глубина купеческой гавани от 23 до 8 футов, и как она год от году приметным образом мелеет, то собираются ныне ее чистить*. Мула ограждена высокою каменною стеною, за коею на самом берегу морском выстроена прекрасная ресторация для пассажиров и капитанов, живущих на кораблях и остающихся в карантинном положении. Тут стоит и бот для спасения от кораблекрушения с полным экипажем при офицере, готовом подать руку помощи при малейшей надобности кораблю, идущему с моря.

Карантин занимает все пространство уничтоженной крепости. Магазины для прокурки и проветривания иностранных товаров довольно пространны, а пассажирские домики, числом 23, где выдерживают положенный срок, хорошо расположены на горе и обсажены деревьями, отчего в них при самом большом жаре бывает приятная прохлада. Для переговоров находится несколько домиков, где за решетками, отделенными довольно большою пустотою, имеют свидание городские жители с пассажирами, не выдержавшими срок карантина; ныне строится для сего же весьма красивая галерея, от коей недалеко и харчевня, снабжающая карантин всякими кушаньями и вином за весьма умеренную цену: по 30 коп. порция и рубль за бутылку хорошего вина. Чумное отделение выстроено совершенно вновь и с большими

* Работа сия производится уже, и очень успешно. (Пр.[авка] 1829 г.)

удобствами и предосторожностями, найденными необходимыми после ужасного опыта прошедшего 1812 г., когда в четыре месяца от сего ужасного бича рода человеческого Одесса лишилась десятой части своих жителей, и торговля восстановилась не ранее 1814 года. Доселе еще не узнано совершенно, отчего возникла эта язва в городе. Рассказывают различным образом, в том числе я слышал, будто она распространилась от сундука, брошенного на улице, с платьем и разными пожитками, кои растасканы были народом прежде, чем дошло сие до сведения полиции; и сие ужаснейшее злоумышление приписывали Наполеону, силившемуся в то время ослабить, уничтожить Россию*. Одесские жители вспоминают с благоговением о попечениях, оказанных при сем несчастном случае добрым Ришелье страждущему человечеству. Тогда как Одесса представлялась обширною гробницею, тогда как всякий помышлял о самом себе, один Дюк де Ришелье презирал опасности и, подвергая жизнь свою беспрерывно оной, пекся о спасении других: одне неисповедимые Судьбы могли сохранить его для счастия тысяч его сограждан**.

Брандвахта, стоящая в версте от берега, делает предварительный осмотр всем судам, и при малейшем сомнении насчет чумы, не допуская до гавани, отправляет таковое судно в карантин.

После сего заходил я в городскую гошпиталь, которая существует с 1808 года и содержится в таком же порядке и чистоте, коими славятся все человеколюбивые заведения в России.

Вечер провел приятно в театре, давали Россиниеву оперу Italiana in Algieri – и весьма порядочно для нестоличного города, которому стоит сия забава, как я слышал, до 30.000 рублей в год! Театр снаружи гораздо лучше, чем внутри. Он, кажется, построен по рисунку знаменитого Парфенона, хотя с большими изменениями и упущениями. Ложи в три яруса, и еще раек; партер начи-

* Никак нельзя верить, чтобы сие было следствием умысла. Чума в то время свирепствовала ужасно в Константинополе; в четыре месяца умерло там до 200 тыс. человек. Корабли приходят оттуда в Одессу иногда в 2 и 3 дни. Мудрено ли было завезти чуму, которая, вероятно, прокралась посредством какого-нибудь контрабанда.

** Дюк де Ришелье несколько раз входил в больницы, наполненные зачумленными людьми. В 1813 году он не оставил ни одного зачумленного места в Херсонской губернии, не посетив оного. Провидение невидимо охраняло его.

нается у оркестра, а кресла за ним идут амфитеатром. Места в сих последних по 3 р., а ложи в первом ярусе 20 р.

Бульвар здешний по местоположению своему может назваться одним из прекраснейших в Европе! Он расположен по возвышенному берегу моря, которое представляется отсюда во всей красоте своей с обеими гаванями и карантином, усеянными кораблями. С другой стороны обращен к нему ряд прелестнейших домов, кои сделали бы украшение и самой столице Севера, каковы: генерала Орлова, гр. Болеслава Потоцкого, кн. Лопухина и пр.; но он несказанно выиграет еще, когда кончится постройка великолепного дворца графа М.С. Воронцова, воздвигаемого у самого конца бульвара, и когда вниз по крутой горе – от полукружной колоннады до военной гавани – разобьется прелестный сад в английском вкусе[***]. Наконец на будущее лето ожидают из Петербурга и великолепный бронзовый памятник Дюку Ришелье, который воздвигает ему благодарная Одесса и который поставится на площади, оставленной нарочно пред бульваром[****].

Одесса не может похвалиться своими окрестностями, кои доселе представляют гладкие безводные степи; только покатости или, лучше сказать, крутизны морского берега изменяют несколько картину монотонности и скудости природы и доставляют возможность развести приятные загородные мызы и хуторы. Лучшим из оных может почесться дача г. Рено[*****].

Прекрасное живописное положение сие весьма легко можно обратить в романтическое обиталище фей – и с небольшими издержками. Материалы готовы для подземных глубоких гротов, шумящих каскадов, великолепных фонтанов, для уединенных морских купален – между дикими скалами, для разного рода хра-

*** Как тот, так и другой, с утончением роскоши и вкуса, уже кончены и составляют лучшее украшение города, а пребыванием в сем замке государя императора и государыни императрицы Александры Федоровны останется оный незабвенным в летописи истории. (Пр.[авка] 1829 г.)

**** И монумент также поставлен на своем месте и открыт прошедшего 22 апреля при подобаемом торжестве. Памятник сей есть одно из примечательных произведений знаменитого скульптора нашего Мартоса и изображает на гранитном подножии покойного Дюка де Ришелье во весь рост, держащего в одной руке сверток, а другою указывающего на порт, им созданный.

***** Государыня императрица Александра Федоровна изволила занимать ее во время пребывания своего в Одессе.

мов, беседок, капризов; нужны больше всего: добрая воля и вкус. Здесь замечательна мраморная колонна, взятая, вероятно, из турецкой мечети, посвященная памяти доброго Ришелье. Высокий берег, как стеною, окружает сие владение, так что только приближась к самому краю оного, вы можете усмотреть сады и домы под ногами вашими. Не в дальнем расстоянии от него, ближе к городу, хорошенькая дача генерала Кобле*, в коей всего замечательнее длинная крытая лестница, ведущая с горной дороги к самому дому, стоящему неподалеку от моря.

Возвращаясь пред захождением солнца в город, за версту встречены мы были пыльною атмосферою, плавающею в виде тумана над Одессою. Несмотря на сие, утверждают, что как пыль, так и грязь несравненно уменьшились в городе со времени вымощения главных улиц по Мак-Адамовой системе. К сожалению, работа сия не может идти успешно за неимением крепкого камня в окрестностях Одессы. Для поощрения корабельщиков привозить оный вместо балласта сделаны некоторые облегчения: в том числе свозится с их судов таковой балласт казенными судами, между тем как для песчаного отведено отдаленное место.

Попечением незабвенного Дюка де Ришелье разведен и публичный сад. Он невелик, но заключает много тени и служит, подобно петербургскому Летнему саду, единственною отрадою и укрытием от летнего зноя людям, не имеющим возможности отлучаться на дачи. В нем есть беседки и палатки, где можно во всякое время найти прохладительные напитки, фрукты и мороженое.

Близ самого города устроены купальни в море, что доставляет немалое удовольствие и выгоды здешним жителям и приезжающим пользоваться полезным морским купаньем.

В клубе, имеющем прекрасную, довольно пространную залу, построенную во время Дюка де Ришелье наподобие московской залы Благородного собрания, дают по воскресеньям и праздникам балы, кои бывают блестящи, особливо во время стечения многих фамилий из польских губерний для коммерческих оборотов и лечения морскими ваннами. Вообще же можно легко заметить, что одесские жители ведут жизнь более на манер иностран-

* Ныне принадлежащая генералу Курису, сподвижнику Суворова.

ный, нежели русский, то есть – живут более на улице, чем в домах, более участвуют в публичных собраниях, чем угощают у себя.

Наконец, чтоб довершить картину Одессы, должно сказать с некоторою подробностию о здешней торговле. Она состоит почти из одного торгу *пшеницею*, коею снабжается отсюда Южная Европа и которая от самой низкой цены: 6 и 7 рублей за четверть возрастает иногда до 40 и 50 руб., судя по требованию! Вот отчего в 1816, 17 и 18 годах помещики вокруг лежащих имений и купцы сделали неимоверные фортуны на одной пшенице, а теперь она имеет мало сбыту. Хлеб же привозится в Одессу наиболее из губерний: Подольской, Волынской, Киевской, Екатеринославской и Херсонской.

Ежедневно приходят в город несметные обозы, коими заставлена большая часть улиц и площадей; магазейны, находящиеся почти при каждом доме**, наполнены пшеницею: здесь ее ссыпают, там перечищают или *грохотят****, так что на каждом шагу вы видите сей продукт, бывший единственным источником богатства сего порта, превращающийся на самом месте в чистое серебро и золото. В 1817 году Одесса получила за оный до 50 миллионов звонкою монетою, и более 1.100 кораблей приходило сюда за пшеницею, которой вывезено было до 1.200.000 четвертей. С некоторого времени начинают вывозить из одесского порта в довольно большом количестве сало говяжье, воловьи кожи и некоторые другие товары российского произведения. Надобно надеяться, что выпуск сих различных продуктов будет год от году увеличиваться, и чрез то упрочится торговля одесская, коей благосостояние зависело доселе от весьма непостоянного и частым изменениям подверженного торга пшеницею.

Отечественные записки. – СПб., 1830, ч. 41, кн. 117

** Они составляют главнейший доход здешних домов.

*** Главное правило к сохранению пшеницы есть как можно чаще ее пересыпать, что делается каждые десять дней, – с одной стороны магазейна на другую, для чего оставляется по двум сторонам пространства аршина два. В кучу кладется не более 700 четвертей, более было бы тяжело для самого зерна. Два человека легко пересыпают сие количество в один день, а просеять в грохоте не могут более 500 четв.

Леонид Авербух

Ахилл – атомный шпион

Интерес к персонам и событиям, связанным с внешней разведкой, возник у меня достаточно давно – в юношеском возрасте, и был вызван романтическим стремлением попробовать свои силы на этом увлекательном поприще. Предпринятой попытке реализовать это стремление не суждено было увенчаться успехом, а интерес сохранился. Постепенно ограничивая для себя эту безбрежную сферу, я сосредоточил внимание на истории советской внешней разведки, а в ней – на роли евреев, которые, несмотря на категорическое требование «сов. секретного» приказа наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии № 00310 от 21 декабря 1938 г. «О введении в действие инструкции № 00134/13»: «Для кадрового отбора в НКВД… отсекать лиц, у которых присутствует еврейская кровь», – по необъяснимой причине активно участвовали во всех направлениях деятельности этого ведомства, а в отдельные периоды – возглавляли его. Сотни евреев, как до выхода этого «исторического» документа, так и вплоть до развала СССР эффективно работали и во внешней разведке ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-КГБ, и в военной разведке ГРУ Генерального штаба Красной Армии. Это были граждане СССР и многих иностранных государств. Никого не удивит, что среди них я выделял тех, кто имел хоть какое-нибудь отношение к нашему родному городу.

В случаях так называемых полукровок вопрос о «еврействе» многих советских разведчиков принципиально рассматривается большинством авторов, пишущих на эту тему, с галахических позиций («по матери»), однако и в случаях, когда евреем был только отец разведчика, – его, как правило (и, по-моему, небезосновательно), тоже относят к числу евреев.

С.М. Семенов (Аба Таубман)

На вопрос о роли разведки в создании советской атомной бомбы один из ее «отцов», трижды Герой Социалистического Труда академик Ю.Б. Харитон ответил так: «В этих публикациях я не вижу неточностей с точки зрения фактического материала. Но в них есть, конечно, очень ясный политический замысел: не столько физики, сколько КГБ обеспечил создание советской атомной бомбы. Однако, на мой взгляд, недооценивать вклад разведчиков также не следует». Это подтверждается тем, что в США был разработан и с разной степенью эффективности реализовался «Проект «Венòна» (англ. Project Venona). Таково было кодовое название специальной секретной программы контрразведки США по расшифровке советских шифрованных донесений.

Два издания моей книги «Рассекреченные судьбы» – о евреях в советской внешней разведке (1999, 2001) – включают в общей сложности сведения о 180 персонах, из числа которых не менее тридцати имели непосредственное отношение к эпопее, связанной с добычей (похищением, покупкой) особо секретной крупномасштабной информации по так называемому «Манхэттенскому проекту» (МАП), работе по созданию американской атомной бомбы. Название это связано с Манхэттенским инженерным округом (Manhattan Engineering District) армии США, в ведении которого находилась организация строительных работ и материально-техническое обеспечение проекта. Стоит указать, что даже Госдепартаменту США до начала Ялтинской конференции ничего не было известно об этом проекте. Руководитель проекта генерал Лесли Гровс, кстати, возглавлявший в свое время строительство в Вашингтоне комплекса министерства обороны США – Пентаго-

на, писал: «Стратегия в области обеспечения безопасности сводилась к трем основным задачам: предотвратить попадание в руки к немцам сведений о секретной программе; сделать все возможное для того, чтобы применение бомбы было полностью неожиданным для противника, и, насколько возможно, сохранить в тайне от русских открытия и детали наших проектов и заводов». И далее: «Спустя две недели после того, как я возглавил МАП, у меня не было никаких сомнений в том, что Россия наш враг, и что МАП осуществлялся на этой основе. Я вовсе не придерживался распространенного в стране мнения о России как о доблестном союзнике…».

Г.А. (Дж.) Гамов

Среди упомянутых мной нелегальных советских «атомных» разведчиков-евреев – казненные на электрическом стуле супруги Этель и Юлиус («Калибр») Розенберги, герои России Ян Черняк и супруги Лона и Морис Коэны («Крогеры»), а также Гарри Голд, Теодор Холл, Жорж Коваль, Григорий Хейфец, Рут и Дэвид Гринглассы, Бруно Понтекорво, Елизавета Горская-Зарубина («Вардо») и другие. Кстати, сознательное участие и даже сам факт осведомленности несчастной Этель о шпионской деятельности мужа отрицается большинством исследователей.

Без Одессы, естественно, не обошлось. Активное участие в передаче советской разведке ценнейшей информации по «Манхэттенскому проекту» принимали уроженцы нашего города – талантливый физик Семен Маркович Семенов (Таубман) – «Твен» (1911-1986), а также (по утверждению генерала П.А. Судоплатова) гениальный, сначала – советский, а затем американский физик Г.А. Гамов (1904-1968), автор теорий Большого взрыва

и Горячей вселенной, также, к моему удивлению, предсказавший открытие генетического кода.

Уникальную информацию по атомному проекту передал талантливый немецкий физик-атомщик Клаус Фукс, которого называли «лучшим марксистом среди физиков и лучшим физиком среди марксистов». Вербовку и связь с ним в Лондоне в начале войны осуществлял тогдашний помощник военного атташе советского посольства, будущий боевой генерал, Герой Советского Союза Симон Давидович Кремер («Барч») (1900-1991), живший и умерший после войны в Одессе (похоронен на Таировском кладбище). На вопрос Кремера: «Почему вы решили передать эти сведения Советскому Союзу?» – Фукс, ведший работу в рамках британской атомной программы «Тьюб эллойз», ответил, что СССР необходимо иметь свою бомбу для обеспечения собственной безопасности. Кстати, за свою работу в разведке Кремер не получил никакой награды…

Тот же академик Ю.Б. Харитон отметит, что Фукс сэкономил для советских физиков-

С.Д. Кремер

Клаус Эмиль Юлиус Фукс

оружейников не меньше года в работе над бомбой.

Далеко не все перечисленные лица, так называемые «нелегалы», были завербованы формально, многие из их числа, рискуя жизнью, поставляли информацию бескорыстно, руководствуясь идеологическими предпочтениями.

Значительное оживление этой тематики в литературе постсоветского периода и во Всемирной сети открывает все новые имена…

Я.К. Берзин

Памяти одного из ярчайших представителей этой когорты советских разведчиков-евреев – Артура Александровича Адамса – посвящен этот очерк.

Знакомясь с донесениями своих резидентов, работавших в европейских столицах, начальник Разведывательного управления Красной Армии Ян Карлович Берзин (1890-1938) понимал, что недалеко время, когда потенциальный противник – гитлеровский Третий рейх – нанесет удар по Советскому Союзу. В качестве мотивации рассматривались не только и не столько идеологическое противостояние, сколько потребность «Великой Германии» в расширении своего жизненного пространства: территории, сырья, ресурсов и дешевой рабской рабочей силы. Меньшее, но безусловное значение имели соображения о возможности нападения Германии в целях предупреждения вероятной… агрессии СССР. То есть раскритикованный В. Суворов-Резун не так уж неправ… Как бы то ни было – от военной разведки требовалась точная информация о состоянии вооружений и боевой мощи потенциального противника. Ян Берзин в марте 1924 – апреле 1935 года был начальником 4-го (разведывательного) управления штаба РККА и фактически явился создателем системы военной разведки СССР. Он подал рапорт об освобождении от должности после копенга-

генского провала «совещания резидентов» в феврале 1935 г., который претендует на статус рекордного, крупнейшего провала за всю историю советских спецслужб. Тогда были схвачены сразу четыре ответственных работника центрального аппарата разведки. С апреля 1935 по июнь 1936 года Берзин – заместитель командующего войсками Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. В 1936-1937 годах он – главный военный советник в армии республиканской Испании (сдал дела комдиву Григорию Штерну). В конце мая 1937 года вернулся в СССР и вновь занял пост начальника разведуправления. ЦИК и Совнарком утвердили его в звании армейского комиссара 2 ранга, равном генерал-полковнику. Но уже 1 августа 1937 года Берзин был снят с поста начальника разведуправления с направлением в распоряжение наркома обороны СССР, а 27 ноября 1937 года арестован по обвинению в «троцкистской антисоветской террористической деятельности». Расстрелян 29 июля 1938 года на полигоне «Коммунарка» по приговору Военной коллегии Верховного суда. Реабилитирован посмертно 28 июля 1956 года.

А пока в связи с нараставшей угрозой со стороны гитлеровской Германии Берзину очень нужны были технически грамотные специалисты. Он вспомнил, что еще в 1924 году некий инженер Адамс по его просьбе составил интересный и очень содержательный обзор-перечень технических новинок по материалам иностранных журналов. Задание было выполнено быстро, четко, качественно. Комплектуя в 1934 году состав сотрудников нового отдела Разведупра – военно-техническую разведку, Берзин вспомнил об Адамсе, который, занимал достаточно высокий пост помощника начальника Главного управления авиационной промышленности (уровень зам. наркома). Кадровое ведомство ЦК ВКП(б), по докладной записке заместителя Берзина А.Х. Артузова, дало свое согласие. Так Артур Адамс становится военным разведчиком. Кто же такой Артур Александрович Адамс и почему при сравнительной узости моих шпионских интересов мое особое внимание привлекла его судьба?

Листаю свою записную книжку с путевыми заметками о турпоездке под поэтическим названием «Скандинавская сага». 2005 год, ноябрь. Маршрут: Стокгольм – Осло. Автобус совершает

объезд, связанный с ремонтом участка дороги. Проезжаем через шведский город с труднопроизносимым названием – Эскильстуна. Текст гида: «Это – город железа и стали. Старинная кузница страны. Колыбель ее индустрии. Шведская Тула. В прошлом веке в Эскильстуне сделали первый в Швеции паровоз. А сейчас город славен своими тракторами. В прошлом веке Форд купил у эскильстунца Иогансона секрет изготовления особых керамических плиток за десять миллионов долларов. Лучшие в мире хирургические инструменты, ложки, ножи и вилки из нержавеющей стали, форма и качество которых безупречны, тоже идут отсюда…». Проезжаем мимо городского парка. Кратковременная остановка. На высокой четырехугольной колонне простерта огромная бронзовая рука – рука Творца. На ней, тревожно озираясь, стоит голый, только что сотворенный Всевышним человек. Правой ногой он опирается на большой палец создавшей его руки, левой – на указательный. Он полон любопытства и недоумения. В какой неизвестный мир он ввергнут Творцом? Скажете: а при чем тут вся эта лирика?

Дело в том, что именно в этом городе – Эскильстуне – родился 25 октября 1885 года Артур Александрович Адамс. Отец – швед, инженер-мукомол (по другим данным – судостроитель), мать – российская еврейка (возможно – крещеная), учительница, уроженка Санкт-Петербурга. В поисках достоверных биографических данных разведчиков, как правило, приходится продираться сквозь дебри противоречий, умалчиваний, фантазий. Доступные данные о семье Адамсов, о рано умерших родителях крайне скудны. Отец умер в 1891 году, и мать с детьми (Артур был третьим ребенком) была вынуждена вернуться в Россию. В 1895 году умерла и мать десятилетнего Артура Адамса. Известно, что его старшие братья – Георгий и Бернард – жили в Санкт-Петербурге, затем уехали в поисках работы, а Артур до 1898 года проживал у родственников по материнской линии в поселке Чудово Новгородской губернии. В 1899 году он поступил на учебу в школу морских механиков при Минных классах Балтийского флота в Кронштадте, которую окончил в 1903 году. Учась в школе, вступил в тайный кружок, связанный с городской организацией РСДРП,

распространял листовки и социалистическую литературу среди учащихся.

После окончания школы Адамс проходил практику в минных мастерских судостроительного завода в Николаеве. Приехав в этот город, он сразу же связался с заводской организацией РСДРП. Вскоре на заводе произошла забастовка, после участия в которой на завод Адамса не приняли. Он уехал в Херсон, где устроился на работу в железнодорожные мастерские. С июля 1903 года он работал в караване судов по очистке устьев Днепра для строительства порта. В августе 1904 года Адамс был арестован полицией за революционную пропаганду среди рабочих и 10 сентября 1905 года был приговорен к вечной ссылке, однако, приняв во внимание несовершеннолетие подсудимого, суд заменил ему ее на шесть лет тюремного заключения. 21 октября 1905 года он был освобожден по амнистии и выслан в Олонец (Карелия). Оттуда Адамс бежал и добрался до нашей Одессы (добрался все же!), где совершенно случайно был задержан полицией. Второй раз Адамс был выслан в Якутскую область, но вновь бежал и, некоторое время тайно прожив в Петербурге, перебрался в Финляндию.

В Финляндии он работал в составе монтажной бригады Всеобщей компании электричества. Для выполнения работ от этой компании ездил в Каир, Александрию, Милан, Буэнос-Айрес, в Германию и в другие места. После нескольких месяцев постоянных переездов он оказался в США, затем в Канаде. В январе 1909 года Артур Адамс поступил на учебу в Инженерную школу при университете Торонто, которую окончил по специальности инженер-конструктор. С июля 1913 г. работал конструктором и инженером-механиком на ряде предприятий: на заводе «Рессель» в Торонто, в обществе «Сперри-Жироскоп», лаборатории Слокума. Затем он возвращается в США и работает на автозаводе Форда в Детройте, инструментальном заводе Блайера. С 1908 года он был членом социалистической партии. Молниеносное, калейдоскопическое мелькание событий этой биографии поражает! В 1916 Адамс поступил в армию США, где окончил курсы офицеров национального резерва, и в 1918 году получил звание майора технической службы.

После увольнения в запас, в июне 1919 года, ему была предложена работа в представительстве РСФСР в США («Миссия Мартенса»), где он заведовал техническим отделом, вплоть до отзыва миссии зимой 1921 года. Адамс с женой (не совсем ясно, о ком идет речь) уезжает в РСФСР и поселяется в Петрограде.

Артур Адамс в 20-х годах

В дни Кронштадтского восстания (март 1921) он входил в состав отряда особого назначения 2-го района городской парторганизации. А после подавления восстания коммунист Адамс был вызван в Москву и назначен директором завода «АМО» (позднее – автозавод им. Сталина – ЗИС, а затем – им. Лихачева), где проработал до 1 августа 1923 года, когда был назначен старшим инженером производственного отдела Центрального управления государственных автомобильных заводов ВСНХ СССР.

Впоследствии его переводят в авиационный отдел на должность старшего инженера по моторостроению. Когда был создан «Авиатрест», Артур Александрович стал членом его правления, неоднократно ездил в зарубежные командировки. В октябре 1929 года он становится членом коллегии Главного военно-промышленного управления ВСНХ СССР, затем начальником научно-исследовательского сектора и заместителем начальника Государственного объединения авиационной промышленности (1931 г.). Руководителем он был жестким, не любил демагогов, не скупился на выговоры и даже на денежные штрафы. Конфликтовал с партячейкой. Бывая часто за границей, Адамс заводил нужные знакомства и связи, что позволило ему владеть большим объемом ценной технической информации и профессионально разбираться в образцах различных материалов.

В 1935 году, по рекомендации Берзина, Адамс был принят на службу в Главное разведывательное управление Генерального штаба РККА. Этому новому «молодому сотруднику» в тот год исполнилось 50 лет! В разведку он пришел опытным руководи-

телем и организатором. А стать ему предстояло тщательным исполнителем. Девять месяцев готовился он к своей секретной миссии, обучаясь премудростям у асов разведки Артузова и Мурзина. И в декабре 1935-го убыл в спецкомандировку – нелегальным резидентом в США с оперативным псевдонимом «Ахилл». С учетом того, что он раньше жил в Америке как советский гражданин, и его знали некоторые бизнесмены, – он очень рисковал. Следовало избегать возможных встреч с теми, кто мог его опознать. Легализоваться он сумел как гражданин Канады, радиоинженер по специальности, владелец фирмы «Технические лаборатории». Пригодились годы учебы в Торонтском университете и диплом о его окончании. С трудом получил разрешение на постоянное проживание в Штатах. На обустройство и решение всех этих проблем ушло полтора года.

Параллельно со своей легализацией Адамс создал серьезную агентурную сеть в составе более чем 20 специалистов различных военно-промышленных предприятий США. Одна из важных стоявших перед Адамсом задач состояла в том, чтобы наладить устойчивую связь с Союзом, которой у американской резидентуры пока еще не было. Но блестящая организация действий Адамса позволила передать первую содержательную информацию в Москву уже через несколько месяцев. В 1937-м от привлеченных им добровольных помощников он уже стал получать ценные материалы: описание технологических процессов в радиотехнической промышленности США, рецептуры боевых отравляющих веществ, которые разрабатывались в химических лабораториях… И вдруг в августе 38-го Ахилла отзывают в Москву и подвергают пристрастному допросу. Основание – обвинение, выдвинутое Главным управлением госбезопасности НКВД СССР: якобы за связь с неким Блюгерманом, исключенным из канадской компартии за контрреволюционную деятельность. Каким-то чудом он избежал ареста, но 14 июня 1938 года был уволен из ГРУ. Однако человек, написавший донос, был арестован еще раньше допроса Адамса, и руководство ГРУ заступилось за ценного разведчика.

Так, в начале 1939 года в жизни московского безработного Артура Адамса произошли перемены. Его пригласили в разведуправление. Новый начальник комдив Орлов предложил воз-

вратиться в военную разведку и вновь отправиться в США. Так Адамс был восстановлен в кадрах ГРУ. В мае напутствие разведчику давал уже новый начальник ГРУ, на этот раз – Герой Советского Союза комдив Проскуров, военный летчик, отличившийся в Испании. Поездом Адамс добрался до Стокгольма, затем через Брюссель – в Париж. Через месяц, сменив документы, прибыл в Нью-Йорк и поселился в гостинице в центральной части города. К этому времени из-за непрофессионализма сменившего его резидента агентурная сеть, выстроенная Адамсом, была потеряна, и ему пришлось создавать ее заново.

Как известно, разведки стран союзников живо интересуются экономическими, промышленными и особенно военными разработками друг друга. В годы начавшейся второй мировой войны Адамс занимался добычей различных научно-технических секретов. Так, например, от агента Кларенса Хиски («Эскулап»), ученого-химика из Колумбийского университета, он получал сведения о разработке новых типов боевых отравляющих веществ, отчеты об их влиянии на человеческий организм, а также образцы разрабатываемых средств индивидуальной защиты. Эти сведения потом высоко оценили в Главном санитарном управлении Красной Армии.

Когда фашистская Германия напала на Советский Союз, число добровольных помощников Ахилла в США увеличилось. Ученые, инженеры, врачи-бактериологи, юристы, владельцы корпораций и руководители важных технических и медицинских лабораторий помогали ему добывать необходимые сведения.

Но самая большая удача Адамса, связанная с тем же К. Хиски, выпала в начале 1944 года.

Кларенс Френсис Хиски (урожденный Цеховский) был одним из ценнейших агентов советской разведки в Соединенных Штатах. Родился он 5 июля 1912 года в Милуоки, штат Висконсин, там же окончил университет штата. Еще во время учебы он стал коммунистом, жена его, Марсия Сэнд, тоже была членом компартии. Одно время Хиски преподавал в Нью-Йорке в Колумбийском университете и вел работу в его исследовательской лаборатории, затем, по приглашению нобелевского лауреата, химика Гарольда Юри, начал работать в лаборатории по изучению свойств

сплавов – SAM (Substituted Alloy Material). Здесь вскоре он стал главой отделения и находился на этом посту даже после того, как в 1942 году контрразведка предупредила руководство лаборатории о том, что он является коммунистом. Летом 1943 года отделение было переведено в металлургическую лабораторию Чикагского университета для участия в «Манхэттенском проекте». 21 января 1944 года Хиски-Эскулап сообщил Ахиллу, что его друг работает в лаборатории, где решаются вопросы, связанные с созданием атомной бомбы. Так Адамсу довелось стать одним из первых разведчиков СССР, которые получили данные об американском атомном проекте. Уже в феврале 1944 года, как мы увидим дальше, он завербовал крупного американского ученого, подлинное имя которого не называется даже современными источниками.

Ахилл-Адамс в США

Переговорив с главным резидентом советской военной разведки в Нью-Йорке «Мольером», Ахилл-Адамс отправил в Центр радиограмму о том, что в США ведутся интенсивные работы по созданию атомной бомбы.

Когда я выше указал, что А. Адамс был одним из первых, кто сообщил советской разведке о ведущихся в США работах по созданию атомного оружия, я имел в виду следующую шифровку, отправленную им в ГРУ: «…Не знаю, в какой степени вы осведомлены о том, что здесь в США усиленно работают над проблемой использования энергии урания (не уверен, так ли по-русски называется этот элемент) для военных целей… Могу доложить, что эта работа здесь находится в стадии технологического производства нового элемента – плутониума, который должен сыграть

огромную роль в настоящей войне. Только физики уровня нашего академика Иоффе могут разобраться в направляемых Вам материалах…».

Кроме того, он сообщил, что группа ученых из закрытого научно-исследовательского центра занята получением нового взрывчатого вещества. Одной из секций руководит знакомый Эскулапа Мартин Кемп (фамилия того самого крупного ученого изменена), который мог бы передать основные материалы исследований представителю страны, воюющей против Германии.

П.М. Фитин

Ахилл планировал встретиться с ученым в конце января. И эта встреча вскоре состоялась в одном из маленьких городков на побережье Атлантического океана. Она длилась около сорока минут. Ахилл убедил Кемпа передать ему материалы исследований. Следующую встречу назначили на 23 февраля. Далее события развивались не по строгим инструкциям военной разведки. Контакт Ахилла с будущим агентом должен был получить одобрение в Народном комиссариате государственной безопасности (НКГБ). Поэтому начальник Главного разведывательного управления Красной Армии генерал-лейтенант И. Ильичев направил начальнику 1-го управления НКГБ СССР, комиссару госбезопасности 3 ранга Павлу Михайловичу Фитину запрос: «Прошу сообщить имеющиеся у вас данные на американского гражданина Мартина Кемпа».

Обычный запрос из военной разведки неожиданно вызвал в управлении П.М. Фитина (1907-1971), которого авторитетные исследователи считают лучшим руководителем за всю историю советской военной разведки), оживление. И начальник ГРУ получил такой ответ: «Интересующий вас американский гражданин

Мартин Кемп является объектом нашей разработки. В связи с этим просим сообщить имеющиеся у вас данные о нем, а также сообщить, чем вызван ваш запрос».

Пока две секретные службы переписывались, Центр 24 февраля отправил указание Ахиллу: «…контакты с Кемпом прекратить». Казалось бы, «контора» одержала верх… Однако Ахилл, как выше указывалось, уже выехал на встречу с источником и получил от него портфель с документами – около тысячи листов. Там же лежали образцы чистого урана и бериллия. Несколько часов без отдыха фотографировал Ахилл секретные инструкции и отчеты о ходе исследований. И едва над Атлантикой забрезжил рассвет, возвратил ученому документы и договорился об очередной встрече, через месяц. Кемп не был агентом Ахилла в полном смысле этого слова. Он добровольно пошел на очень опасный шаг. Поэтому разведчик решил предложить ему значительную сумму за переданную информацию. Ученый категорически отказался принять вознаграждение.

В военной разведке не существовала, и сейчас едва ли существует такая форма переписки, как личные письма разведчика начальнику ГРУ. Ахилл нарушил привычную схему работы и позволил себе написать из Нью-Йорка два личных письма «главному директору». Одно из них он отправил вместе с документами, полученными от Кемпа: «Дорогой директор! Обычно я ограничиваюсь передачей материалов без сопроводительного письма. На сей раз посылаемые материалы настолько важны, что потребуют как с моей стороны, так и с Вашей, особенно с Вашей, специального внимания и срочных действий вне зависимости от степени нагрузки, которая, я не сомневаюсь, у Вас в настоящее время огромна…». Далее в письме подробно описывалось, как в США организована работа по созданию атомной бомбы, какие для этого выделялись средства, фамилии ученых, привлеченных к атомному проекту.

Ахилл также впервые сообщил о том, что американское руководство планирует сбросить первую атомную бомбу на японские острова: «…проектируется полное уничтожение Японии, но нет гарантии, что наши союзники не попытаются оказать влияние и на нас, когда в их распоряжении будет такое оружие. Никакие

М.Г. Первухин

противосредства не известны всем исследователям, занятым в этой работе. Нам нужно также иметь такое оружие, и мы теперь имеем возможность получить достаточно данных, чтобы вести самим работы в этом направлении. Мне трудно писать. Мое зрение весьма ограничено. Но мое письмо не так важно. Важны материалы… Посылаю образцы урaниума и бериллиума. Привет. Ахилл». На письме разведчика имеется резолюция начальника ГРУ: «Материал срочно обработать и направить тов. Первухину».

Михаил Георгиевич Первухин, партийный функционер с техническим образованием, абсолютно гражданский человек в звании генерал-лейтенанта инженерно-технической службы, будущий член Президиума ЦК КПСС, в 1944 г. был заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и подчинялся лично первому зампреду СНК и Государственного комитета обороны В.М. Молотову.

Энергичному и страстному американскому исследователю-эмигранту, бывшему полковнику Советской Армии Марку Штейнбергу удалось узнать причину такой высокой оценки. Материалы Адамса изучил и оценил научный руководитель советского атомного проекта академик Игорь Васильевич Курчатов.

В мае 1944 года в Москву ушли еще 2500 страниц материалов по атомному проекту. Всего же за 1944 год он отправил в СССР более 5000 листов секретных материалов, а в общей сложности за этот период – более 10000 листов и несколько десятков образцов оружейного урана, плутония, бериллия. Благодаря его тщательной профессиональной работе ни один из его агентов не был раскрыт спецслужбами США. Как исключение Адамсу было

позволено вербовать агентов, не запрашивая на то разрешения из Москвы, что для советских разведывательных органов являлось фактом из ряда вон выходящим.

Эскулап – Кларенс Хиски – стал вызывать обоснованные подозрения ФБР и, не ожидая их подтверждения, его нейтрализовали путем призыва в армию в апреле 1944 года. Прежде чем отбыть на службу, он представил Адамсу еще двух потенциальных источников информации – Джона Хичкока Чапина и Эдварда Мэннинга. Оба они позже отрицали перед комитетом Конгресса факт передачи секретной информации Адамсу. Однако главный шаг был сделан, и на следующей встрече Кемп передал Адамсу еще 2500 страниц и семнадцать образцов различных материалов. 6 июня 1944 года они были отосланы военной разведкой в Наркомат химической промышленности. Сохранилась опись этой посылки:

«– один флакон тяжелой воды ДО (?) 99,92%,

– один кусок урана в цинковой оболочке,

– два маленьких куска урана,

– один маленький кусок бериллия…».

Федеральное бюро расследований США уделяло особое внимание охране объектов, связанных с реализацией проекта «Манхэттен инжиниринг дистрикт». Упоминавшийся генерал Лесли Гровс, руководивший работами ученых, конструкторов и инженеров, требовал создания мертвой зоны вокруг всех объектов. И она была создана. Кроме очень узкого круга высоких должностных лиц, никто не знал всех деталей и конечной цели работ. Все специалисты, работавшие на секретных объектах, подвергались тщательным и многократным проверкам и перепроверкам. Подозревавшихся в связях с левыми организациями под благовидными предлогами лишали допуска к секретной информации и отстраняли от работы. Поэтому Ахилл-Адамс был очень осторожен. Провал грозил ему пожизненным тюремным заключением. А для Кемпа он закончился бы казнью на электрическом стуле. Тем не менее, в мае, июне и августе Кемп передал еще около 1500 страниц закрытых материалов. Темпы работы в лаборатории были очень высокими. Американские специалисты уверенно продвигались к намеченной цели – созданию атомной бомбы. Москва регулярно получала содержательную информацию о ходе их работ…

Но в сентябре Кемп на очередную встречу не пришел. Не пришел он и в октябре. В ноябре Ахиллу стало известно, что Кемп тяжело болен. Какой-то неизвестный медицине недуг приковал его к постели, и надежды на быстрое выздоровление пока нет… Кемп, как и другие ученые, еще не знал, что работа с радиоактивными веществами опасна для здоровья. Не знал об этом и военный разведчик Артур Адамс, перевозивший образцы урана в карманах своего пальто…

Некоторые американские источники теперь указывают на то, что ФБР заинтересовалась Адамсом еще в 1943 году, когда были установлены, по их словам, его попытки завербовать нескольких ученых, работающих над «Манхэттенским проектом» в чикагских лабораториях. В 1944-м американская контрразведка выяснила, что «Адамс – советский агент, и проследила его встречу с Кларенсом Хиски» (Haynes J. E., Klehr H. Venona. New Haven; London, 1999. P. 175, 324.). Дело в том, что Кларенс Хиски не обладал даже элементарной осторожностью. Он никогда не делал секрета из своих коммунистических убеждений. В конце концов, его позиция привлекла внимание спецслужб. Контрразведка установила за ним наблюдение. Слежка показала, что в парке он передал пакет какому-то старику. Старика проследили до меблированных комнат, где он остановился. Это был Адамс. В его отсутствие комнату обыскали и обнаружили пакет, в котором содержалась информация по атомной бомбе. Постоянное место жительства Адамса также установили. Обыск произвели и там, и также обнаружили документы по атомной тематике. Это привело к разоблачению некоторых агентов из разведсети Адамса. Наши источники утверждают, что наблюдение за ним началось только весной 1944 года и что оно ничего не дало, за исключением единичного контакта в ноябре 1944 года с советским вице-консулом Михайловым (Мольером). Кто говорит правду? Возможно, и те, и другие: каждый рассказывает о том, что ему известно. Во всяком случае, опытный подпольщик и разведчик Адамс, обнаружив слежку, прекратил активную деятельность.

Ноябрьским вечером 1944 года главный резидент военной разведки в Нью-Йорке Мольер и Ахилл встретились на конспиративной квартире. Мольер поздравил Ахилла с днем рождения,

передал наилучшие пожелания от «директора» и короткую записку от жены. Обсудив все возможности получения документов по атомной проблеме, разведчики расстались. Было около двенадцати часов ночи. Ахилл прошел по темной улице метров двести, свернул в переулок, где был припаркован его автомобиль. А проехав первые километры, обнаружил, что какая-то машина неотступно следует за ним. Сделал несколько проверочных маневров и убедился: наблюдение за ним ведут агенты ФБР. Нужно было понять, почему контрразведка проявила интерес к его персоне, и принять продуманные срочные меры.

Следующие два года пребывания Адамса в США были тяжелейшим испытанием. Фэбээровцы не спускали с него глаз, пытаясь добыть доказательства того, что этот пожилой инженер занимается шпионажем. И все-таки прямые контакты с Кемпом, с Эскулапом и другими его помощниками зафиксированы не были. Правда, Ахиллу пришлось ликвидировать «Технологическую лабораторию» и устроиться на частную фирму, занимающуюся продажей грампластинок, он вел внешне безмятежную и размеренную жизнь, ожидая, когда ГРУ подготовит ему маршрут отхода. Но в покое его не оставили. Вскоре Артура посетил один из бывших студентов Хиски, якобы для консультации, и во время беседы намекнул, что владеет некоторыми секретами разработки атомного оружия. Адамс, сразу же понявший, что перед ним провокатор, дал понять «студенту», что эти вопросы его не интересуют, что он серьезно болен и на днях уезжает домой в Канаду. Однако он прекрасно понимал, что уйти из страны легальным путем ему не дадут.

Тем временем на стол президента США Франклина Рузвельта легло досье, обвиняющее Адамса в шпионаже в пользу СССР. ФБР требовало ареста Адамса. Однако судьба хранила Артура Александровича – разрешение на возбуждение уголовного дела агенты бюро не получили, так как никто в администрации президента и Госдепартаменте не хотел в такое время обострять отношения с Советским Союзом.

К концу 1946 года Мольер в последний раз встретился с резидентом и сообщил, что работа по организации его вывоза из США завершается. После этого Адамс несколько недель посе-

щал своего хорошего знакомого в Нью-Йорке и начал выгуливать по вечерам его спаниеля, усыпляя бдительность «наружников». Постепенно они привыкли к причудам этого немолодого человека, их было четверо, и они были уверены, что никуда он от них не денется. Но однажды вечером собака прибежала домой одна, а резидент Ахилл исчез, растворился в многолюдном Нью-Йорке.

Прячась от агентов ФБР, Адамс переезжал из города в город, сменил пять конспиративных квартир и, наконец, оказался на судне, идущем к берегам Старого света. Так закончилась трудная операция по возвращению резидента на родину. Есть указания, что о ее проведении руководство ГРУ постоянно информировало лично Сталина, что косвенно говорит о том, каким было значение работы этого человека.

В декабре 1946 года Адамс прибыл в Москву, где на даче в Серебряном Бору встретился с женой Доротеей Леонтьевной, как ее звали по-русски. Они не виделись восемь лет. Возвращение отметили в кругу самых близких друзей, среди которых был и главный резидент советской разведки в Нью-Йорке Мольер-Михайлов, он же Павел Петрович Мелкишев, к этому времени навсегда покинувший США.

Должен сказать, что впервые за время моей работы с материалами о разведчиках меня так заинтересовали все доступные подробности о жизни и деятельности одного из них – этого незаурядного представителя профессии, человека уникальной и сложной судьбы. Многое удалось выяснить.

Со своей будущей женой Адамс познакомился в середине 20-х – американка Дороти Кин работала в московской конторе газеты «Нью-Йорк таймс». В 1930 году в Берлине они зарегистрировали брак. Когда Артур был в нелегальной командировке, она жила в Москве. В 1941-м разведуправление эвакуировало ее в Киргизию, во Фрунзе. С 43-го Дороти снова в Москве. Начальники и сослуживцы мужа заботились о ней – она получала 1000 рублей в месяц (большие по тем временам деньги), улучшенный продпаек, зимой еще и дрова, их даже пилили для нее точно по размеру печки в квартире. Врозь Артур и Дороти жили в общей сложности около десяти лет. Лишь изредка в эти годы перелетали через океан ее короткие письма: «Сердце мое, осознаешь ли ты, как много

и часто я о тебе думаю и какой невероятно одинокой себя ощущаю… Ты должен говорить себе, что такой день скоро настанет, ты вернешься домой. Будь здоров и осторожен…»

Дороти Кин-Адамс

В феврале 46-го, когда ФБР, потеряв след Адамса в Нью-Йорке, установило, что Дороти Кин – его жена, сотрудники американского посольства в Москве стали добиваться встречи с ней.

И руководство ГРУ распорядилось переселить ее на служебную дачу в Серебряный Бор. Там Дороти и встретилась с мужем. Для них наступили, наконец, почти спокойные времена. Оба официально приняли советское гражданство. Артуру Александровичу присвоили звание инженер-полковника. Сбылась голубая мечта талантливого и мужественного военного разведчика – сфотографироваться в советской офицерской форме.

Это единственный случай в истории военной разведки, когда нелегалу после долголетней работы за рубежом было присвоено высокое офицерское звание. В 1946-1948 годах Адамс работал в центральном аппарате ГРУ в Москве. В 1948 году во время пресловутой кампании против космополитизма он (то ли как швед, то ли как еврей) был уволен в отставку. Тем не менее, он жил как заслуженный ветеран ГРУ. Старость его была очень достойной. Бездетные и обеспеченные Адамсы взяли на воспитание ребенка английской коммунистки, помогали молодой домработнице получать образование и профессию, поддержали вернувшегося из лагерей репрессированного отца подруги Доротеи Леонтьевны. Адамсов часто навещали друзья: Ким Филби, американская писательница Анна Луиза Стронг, да и генеральный секретарь канадской компартии Тим Бак, приезжая в СССР, никогда не за-

А.А. Адамс в 60-х годах

бывал посетить их дом. Среди их друзей было много бывших американцев, приехавших в СССР в тридцатые годы, когда еще был моден социализм. Долгое время Артур Александрович работал политобозревателем ТАСС. Проживал в Москве, умер 14 января 1969 года, похоронен в колумбарии Новодевичьего кладбища. Доротея не намного пережила его. В последние дни жизни она попросила друзей мужа захоронить ее прах рядом с его прахом, а если не разрешат, развеять там же, у черной мраморной плиты. Так и сделали…

Лишь через 30 лет после ухода героя этого очерка из жизни указом президента Российской Федерации от 17 июня 1999 года за «мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания» инженер-полковник в отставке Артур Александрович Адамс посмертно был удостоен высокого звания Героя Российской Федерации. До этого его единственной наградой была медаль «За Победу над Германией»…

Впервые фамилия Артура Адамса как военного разведчика упомянута без подробностей в 1968 году в юбилейном издании «50 лет Вооруженных Сил СССР» в перечне «отважных руководителей разведывательных групп и рядовых разведчиков». Но подробности его жизни и деятельности стали известны лишь в последнее время. В 1948 году в СССР отдельным изданием и весьма ограниченным тиражом была напечатана статья из американского журнала «Лук». Ее авторы искали «ответ на зловещий вопрос – когда Россия будет иметь атомную бомбу?», который, по их словам, «стал решающим для американских планов на будущее». Но задав такой вопрос, американские эксперты успокоили читателя – это произойдет не ранее 1954 го-

Памятная доска
в колумбарии Новодевичьего кладбища

да, а «что касается шпионажа и информации, проникающей в прессу, Советы могут получить лишь отрывочные сведения – ничего похожего на полное описание». Теперь-то мы знаем, как серьезно они ошибались. Но уже тогда в предисловии к изданной в 1948 г. в Москве переведенной брошюре Дж. Хогертона и Э. Рэймонда «Когда Россия будет иметь атомную бомбу?» неизвестный советский автор заметил: «Поживем – увидим!». Как известно, первая советская атомная бомба была взорвана 29 августа 1949 года.

И еще несколько слов в заключение. Авторы публикаций, с которыми мне удалось ознакомиться: В. Колпакиди, М. Штейнберг, В. Лота, В. Кочик, С. Кипнис, Джон Хейнс и Харви Клер и ряд электронных источников (общим недостатком которых является нечеткость датировок) не скрывают своего восхищения эффективной и самоотверженной работой этого талантливого человека, и лишь один из них – Дм. Хмельницкий – ставит вопрос о том, можно ли признать героическими действия людей, служивших «преступному режиму». С течением времени пересмотру подверглись многие ценности, но думается, что такая постановка вопроса абсолютно неприемлема. Эти люди так же, как герои-фронтовики Отечественной войны, своими героическими действиями служили делу мира и, в частности, способствовали предупреждению атомной войны, которая могла бы привести к гибели мировой цивилизации.

Михаил Пойзнер

Награда нашла героя?

…Как-то в Одесском обществе коллекционеров я случайно прислушался к негромкому разговору: «Почему так дорого медаль «За оборону Сталинграда»? Вот рядом в раза полтора дешевле…».

В ответ: «Вот рядом и возьми! А я отдаю с удостоверением. Это же еврейская медаль! Смотри глазами на фамилию. С такими фамилиями часто встретишь? Разве *эти* воевали?!».

…Много лет назад мой отец подружился с одним, как мне тогда казалось, чудаковатым стариком. У старика на даче потекла крыша, надо было быстро что-то делать. Не только во время ремонта, но и потом старичок довольно часто приходил к нам. Долговязый, несколько сутулый, с хорошо крючковатым носом он всегда неторопливо пересекал наш двор, зорко оглядывая всех вокруг. Все бы ничего, но на лацкане его пиджака был прикреплен… орден Ленина! И весной, и летом, и осенью – старик всегда появлялся в одном и том же «долгоиграющем» пиджаке. Согласитесь, не часто в обычный молдаванский двор заходят евреи с орденом Ленина… Соседи замирали. Приостанавливались громкие разговоры, прекращались вот-вот набирающие обороты дворовые скандалы.

Честно говоря, вид у старика был далеко не героический. Даже наоборот. Многих так и подмывало спросить: откуда такая награда? И что, собственно, связывает этого орденоносца именно с нашей семьей? Отец как-то путано объяснял. Я же, не выдержав, спросил: «А где вы в войну воевали?». Старик усмехнулся:

«Нет, нет! Впрямую не воевал. Воевал… в госпитале. Так получилось… Только госпиталь был прифронтовой. До передовой километров так 8, ну 10 от силы. И до тех настоящих медсанбатов

еще ой как далеко. Мы – это первая помощь, сортировка раненых. Тяжелых – дальше.

А сам «госпиталь» – большая шведская палатка, освещение – аккумуляторное или там просто фарами автомашины. Спирт, стираные-перестираные бинты. И опять спирт… Скальпель или нож обычный. Под руками пара пинцетов, чтобы выковырнуть застрявшую пулю. Ну и спички, чтобы хотя бы прокалить «инструмент». Самодельные носилки. Всё… А вдобавок одна-две медсестрички. Хорошо, если еще после каких-то ускоренных курсов.

Так и в строй ставили. Так и… хоронили, не отходя от «рабочего стола».

С одной руки скальпель, с другой – винтовка. Если что, ты – уже просто солдат. И за тобой теперь не только твоя жизнь… Потому и ордена боевые – «Красная Звезда», «Красное Знамя». Эти чаще всего…

С обычным гриппом или там с фурункулами к нам и близко не совались.

А «самострел»? И это тоже не прошло мимо. Прямо на месте решали – «самострел» или боевое ранение? К стенке ставили быстро, только так… Хотя на самом деле никакой «стенки» рядом не было. Бесконечное поле…»

Прервав его, я продолжал настаивать: «Так все-таки, за что же орден Ленина?!».

«Деточка, – ответил старик, – это уже после войны. В Казахстане пришлось спасать людей от чумы. Так получилось… Думаешь, мы все время сидели дома? Ты, наверное, знаешь, что в Одессе, как ехать на Черемушки, есть целая гора – Чумка? Это старое чумное кладбище. Так чтобы такая беда больше не повторилась, мы, врачи, и живем…»

Тогда мне, школьнику, эти объяснения не показались столь убедительными. Однако через много лет жизнь снова напомнила мне про Казахстан и борьбу с эпидемией.

Как-то, пробегая мимо, я от нечего делать заскочил к забытой школьной приятельнице. Пару слов еще за ту жизнь, кто, где и с кем… И тут невольно обратил внимание на ее маленького сына, играющего на полу целой грудой различных значков – очевидно, остатков брошенной коллекции. Внезапно среди побря-

кушек мелькнуло что-то очень похожее на орден Ленина (?!). Я не поленился нагнуться… К огромному удивлению, это действительно орден Ленина! Приятельница всплеснула руками: «Нашелся! А мы думали, что его давным-давно украли или дети куда-то насовсем затащили…».

Орден, оказывается, достался от деда ее очередного мужа. Ни дедушки-еврея, однако, ни мужа того давным-давно нет. Возвращать как бы некому… Короче, забрал я на память этот орден, а через какое-то время все-таки показал свою находку «серьезным людям»… на Куликовом поле. «Подойди до того длинного, он как раз стоит на орденах», – сориентировали меня. Прикрыв один глаз от дыма, не выпуская сигареты изо рта, этот длинный выверенным движением сразу же взялся за оборотную сторону ордена: «Значит так – ушко родное золотое, следов запилов нет. Уже хорошо… Теперь что на морде – эмаль как бы в норме, царапин нету. Ну, чуть потертость… Значит, носили не так часто. Видно, скромничали… Номер – шестизначный, двести пятьдесят тысяч с гаком, потом двор – двор монетный, ленинградский. Все вроде на месте…». Резко отбросив сигарету, он продолжал: «Награждали в 48-м году – за борьбу с эпидемией в Казахстане» (!).

Я был поражен мгновенной реакцией «специалиста» с Куликового поля. На прощание мужик подмигнул: «А вообще, орденов таких наклепали что-то пятьсот тысяч с копейками, не больше. И тогда так просто не давали. Просто так давали только в довесок к Золотой Звездочке…».

«Специалист» не унимался: «А думаешь, «за борьбу с эпидемией» легко? Думаешь, чтобы броситься под танк, так надо больше смелости? Там, среди тех дикарей, те врачи умирали пачками! И выжили даже не единицы. Сам прикинь, как войти в тот чумный барак и как оттуда выползти живым!.. Хотя что тебе с этого…». А дальше скороговоркой, уже совсем одесское: «Сейчас они хорошо идут на Испанию… За каждого такого «Ленина» долларов так по 750. Что киваешь? Там у Володи голова из платины! Короче, сегодня так, а что завтра – не знают даже в опергруппе Привоза…».

Урок этот я усвоил…

Другие уроки усваивали другие, а жизнь продолжала знакомить все с новыми людьми.

Был у нас один знакомый. Скромный работник торговли… с характерной внешностью. В самом центре Одессы он держал очень престижный магазин. Буквально на второй день после торжественного открытия точки работники ОБХСС (печально известный в советское время «отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности») тормознули целую машину левых яблок. Директор, однако, вел себя весьма сдержанно. Туда-сюда… прошли в его кабинет дооформить протоколы изъятия. И только тут молодые милиционеры поняли, что к чему.

Над рабочим столом директора висела его застекленная фотография, что-то метр на метр. Лихо сдвинутая на бок кубанка, военная гимнастерка, гвардейский знак «Красная Звезда», стопка нашивок о ранениях да… три ордена Славы.

Хозяин кабинета беспристрастно прокомментировал онемевшим сотрудникам правоохранительных органов: «Здесь мне 21 год. Как раз тогда я был заместителем военного коменданта одного немецкого городка… Уже тогда я мог стать миллионером… Уже тогда! А вы тут с этими яблоками…». И не дождавшись их реакции, сказал как бы в сторону: «Сколько вокруг женщин работает за какие-то копейки? И у всех дети, а мужей вот нет… А детей поднимать как-то надо…».

И в этой ситуации он оставался настоящим Кавалером.

Старые обхссники знали: этот магазин надо обходить стороной. Кроме неприятностей, тут ничего не светит. В среде одесских работников прилавка у этого директора было прозвище *Неподсуден*.

Никогда я не видел его увешанного наградами. Этот Неподсуден носил одну-единственную колодку медали «За Победу над Германией». Как-то на пренебрежительное «Тоже мне награда!» он ответил: «Награда – не награда. Это уже что кому дороже досталось…». Имелась в виду вовсе не медаль, а великая Победа.

При нем никого никогда нельзя было обидеть. Его не могли озадачить приказные звонки из горкома или обкома. Как и в былые времена, он, лихой дивизионный разведчик, всегда был готов к рукопашной.

И такие были.

…Почти рядом со мной, на углу Раскидайловской и тогда Манежной улиц, в частном дворе жил невысокого роста коренастый мужчина. Время от времени он в «домашней одежде» выбегал на угол, чтобы втихаря стрельнуть папиросу у случайного прохожего – дома, очевидно, был введен строжайший запрет на курение. Как-то раз, чтобы прикурить, он остановил моего отца. Мы познакомились.

Сосед слегка прихрамывал. Все это война. Лицо со следами ожогов и шрамов, вставные золотые зубы…

Приходилось буквально вытягивать из него по слову.

Родители, жена и дети погибли в захваченной Одессе, в Слободском гетто. Остался только он и брат. Воевали вместе в дальнобойной артиллерии, на 1-м Белорусском. Воевали до конца. Украина, Белоруссия, Польша, Германия. Он – командир батареи, брат – «по блату», в разведке. Он как он, а брат уходил в глубокий тыл врага с радиопередатчиком за спиной, чтобы вызывать огонь на себя. Так оттуда и не вернулся…

А сам в Одессу попал только в конце 50-х. На Дальнем Востоке, на границе с Китаем дослужился до полковника.

О войне говорил крайне редко, с большой неохотой.

Как-то в День Победы я встретил его «по форме», в орденах и медалях. Один знак, однако, был мне незнаком. Орден Александра Невского – награда, по сути, полководческая. Награжден в январе 45-го, после Висло-Одерской операции, будучи гвардии капитаном, – за исключительные действия, обеспечившие победу над численно превосходящими силами противника. Сосед зло шутил: «До Героя так и не дотянул, отделался «Александром Невским». И это после «Красной Звездочки» и «Красного Знамени».

Во время застолий внезапно вскакивал и, энергично дирижируя сам себе, возбужденно, затягивал:

…Артиллеристы, Сталин дал приказ,
Артиллеристы, зовет Отчизна нас,
Из сотен тысяч батарей –
За слезы наших матерей…

При этом, как когда-то на фронте, он резко давал отмашку рукой. Мол, огонь!..

Через много лет я поинтересовался судьбой не совсем обычного ордена. Родственники давным-давно махнули за океан, чтобы вывезти «Александра Невского», ездили в Москву за специальным разрешением.

А в памяти навсегда застряло, как когда-то сосед, поднимая меня, мальчишку, высоко над головой, приговаривал: «Мы выжили! Мы выжили!..».

…Несколько лет назад, въезжая на 3-е Еврейское кладбище, пожилой водитель притормозил перед закрытыми воротами. Охранник поспешил за очередными «пару рублями». К удивлению, денег он не взял, а наоборот, поклонившись несколько раз, пропустил машину, что-то бормоча себе под нос. Я стал невольным свидетелем произошедшего. Охранник, как бы оправдываясь, обратился ко мне, поясняя руками: «У него аж три (!) медали «За отвагу». И что-то там еще… Ты такое видел?! Это ж минимум надо было хотя бы раза три махнуть на себя и на свою жизнь…».

А кто вообще на войне считал те минимумы? Надо было воевать…

…Кажется, всю жизнь передо мной мелькали люди с наградами – сначала в военной форме, потом в полувоенной, потом – в гражданской, но с неизменными орденскими колодками на груди.

Какое-то время награды носили даже охотно, потом стало как-то неудобно, потом незаметно ушло целое поколение победителей.

Остались кричащие наградные документы, которые каждый читает по-своему.

Разве *эти* воевали?!

Эти воевали.

С оружием в руках или со скальпелем, у чертежной доски или у торпедного аппарата, у токарного станка или за штурвалом истребителя, за дирижерским пультом или за пультом «Катюши»…

Они нашли свое место на войне.

Они не занимали очереди за наградами.

Они всегда (при жизни и после смерти) оказывались в самом конце этой очереди.

Сотням тысяч награды все же достались.

Миллионам досталась пуля за колючей проволокой оккупации. И это в лучшем случае… Не было б этого, быть может, медалей «За оборону Сталинграда» на всех и не хватило бы.

А так до наградных листов не дошло.

Обошлись без похоронок, почетных караулов и трех прощальных выстрелов в воздух.

Вот такая арифметика.

Олег Губарь

Улица пробует голос

Речь пойдет о первичной застройке улицы Новосельского.

Согласно разработанной схеме, новый город состоял из двух основных блоков – форштатов, Военного и Греческого, граница меж которыми проходила по будущему Александровскому проспекту. Вскоре было принято уже деление не по форштатам, а по административным (полицейским) частям, и будущая улица Преображенская отчленяла 3-ю часть Одессы от 1-й и 2-й. Получилась так, что 3-я часть почти полностью захватила всю первичную «косую планировку» Греческого форштата, а прямоугольная осталась за двумя первыми, граница меж которыми пролегала по улице Троицкой. Таким образом, будущая улица Новосельского фактически становилась продолжением Троицкой, приобретала особый статус. Она служила важной транспортной артерией, связывающей порт с одной из двух основных дорог – Тираспольской.

«Косая планировка» основной части сетки кварталов Греческого форштата Одессы в общих чертах предусматривалась проектом Ф. Де Волана и его модификациями в исполнении П. Харламова конца XVIII столетия. Тогда же на этом форштате запланировали две большие площади – храмовую и торговую. Более четко эта идея воплощена в плане Е. Ферстера, составленном в 1802-м и высочайше утвержденном в 1803 году. Окончательное оформление градостроительство получило после коррекции этого плана тем же Ферстером (1811), отвечающей военно-стратегическим задачам. Если ранее предполагалось продолжать городские кварталы Военного и Греческого форштатов дальше в степь, то теперь жилая застройка ограничивалась линией оборонитель-

ных казарм, вскоре совпавшей со второй чертой порто-франко. Таким образом, все улицы косой планировки, в том числе и будущая улица Новосельского, вели к оборонительным сооружениям, провиантским магазинам и широкой эспланаде (незастроенному простреливаемому пространству) в пределах нынешней улицы Старопортофранковской. И живем мы с вами, заметьте, именно в этой самой патриархальной системе координат, катастрофически внедряясь в старую застройку, но все равно не меняя первичной «реперной системы».

Изначально (1794) места по будущей улице Новосельского отводились, как и в других кварталах, преимущественно военным, составлявшим подавляющую часть первых одесских поселенцев. Однако застроиться сумели немногие, что и понятно. Острейший дефицит и невероятная дороговизна строительных материалов, воды, продовольствия, топлива, рабочей и тягловой силы, отсутствие хотя бы временных построек, потребных для разме-

План города 1811 г. Е.Х. Ферстера, на переднем плане – линия оборонительных казарм

щения строителей, несостоятельность большинства застройщиков, да еще и непредсказуемые переводы по службе – все это приводило к интенсивной ротации городского гражданства, сильно тормозило темпы градостроительства. Так, на плане 1802 года в кварталах будущей Новосельской улицы показано всего-навсего шесть домов, точнее, домиков, по нечетной стороне. Три из них – меж Преображенской и Тираспольской, и еще три – меж последней и Спиридоновской.

Занимательно, что некоторые из первых домишек в этих кварталах возводились, по сути, самовольно, а закреплялись за хозяевами постфактум. Так, «одесская гражданка вдова Василиса Петрова дочь Хрущова» получила владельческие документы более 15 лет спустя, на основании свидетельских показаний соседей – купцов Федора Трубина и Апостоли Карантино, мещанина Мирона Кузьмина и мещанки Марьи Крысиной.

Ситуация стала оживляться как раз начиная с 1802 года, после приезда на поселение в юную Одессу выходцев из германских государств. Это были «ремесленные колонисты», в которых здесь ощущалась крайняя нужда. Известен анекдотический случай: когда весной 1803 года герцог Ришелье прибыл в Одессу, то не сумел сыскать полдюжины пристойных стульев для своего «офиса» и был вынужден выписывать мебель их Херсона. Вообще говоря, ремесленные цеха в городе стали создаваться еще в конце XVIII века, и, тем не менее, не нашлось ни одного умелого столяра, мебельщика. Та же история со слесарями, токарями, каретниками, кузнецами, седельщиками и проч. По этой причине администрация принимала переселенцев, насколько позволяли возможности, приветливо.

Из архивных документов явствует, что в 1805 году в Одессе началось сооружение домов специально для немецких колонистов, инициированное Ришелье и высочайше утвержденное 20 февраля 1804 года по докладу министра внутренних дел. Единообразные скромные дома по подряду строили одесские купцы братья Василий и Петр Ефремовы, надорвавшие пупок на этом контракте и угодившие в неисправные должники. Как видно из плана, составленного городским архитектором Ф. Франполли в 1807 году, сказанные постройки занимали целый квартал по будущей Но-

восельской улице, примыкающий к одной из намеченных предыдущими схемами площадей. Ныне это квартал, ограниченный улицами Дворянской, Нежинской и Торговой, где угловое место занимает музыкальное училище. Он заключал в себе 20 мест и столько же однотипных домов, из коих собственно по будущей Новосельской располагалось восемь, а всего на всем протяжении улицы мы видим уже 30 сооружений.

Уточняю. Строительство колонистских домов осуществлялось в 1805 году за казенный счет, однако фактически это была очень мягкая долгосрочная ссуда, подлежащая возврату. Ссуженная сумма раскладывалась равномерно на всех колонистов и таким же образом компенсировалась. До определенного момента колонистские дома были коллективной собственностью. Вскоре вновь прибывающими из-за рубежа или отпущенными из окрестных колоний более состоятельными или стремившимися к независимости колонистами осуществлялось, конечно, и приватное домостроительство в районе той же площади, получившей название Немецкой, или Лютеранской. Так и возникла Верхняя Немецкая колония (народный топоним) – средоточие домовладений и заведений высококвалифицированных немецких ремесленников. Синхронно формировалась и менее пространная Нижняя Немецкая колония – в окрестностях улицы Ремесленной. Здесь, однако, было свое отличие, не столько профессиональное, сколько топографическое. Поскольку улица фактически служила продолжением Карантинной балки, постольку примыкающие в неудобьях места отводились под садоводство.

В самом начале 1810-х годов назрела необходимость реализовать проект обустройства другой площади, зарезервированной на Греческом форштате. Началась застройка частным порядком, по выпавшему застройщикам жребию мест, пяти отделений Херсонской площади, так называемого Нового базара (Нового Вольного рынка, Нового Привоза). Катастрофическая чумная эпидемия нанесла Одессе очень серьезный моральный и материальный урон, однако тотчас после ее ликвидации новый рынок и его окрестности стали быстро застраиваться. К 1814 году на будущей Новосельской улице было уже 40 домов.

Судя по всему, названия Колонистская, Немецкая применительно к ней были в ходу уже тогда. Точных известий мы пока не имеем, ибо поименно в тот период известны лишь единичные улицы – скажем, Гимназская (Рибасова) и Театральная (Ланжеронова). В официальных документах помимо исключительных случаев встречается лишь деление города и соответственно домовладельческих бумаг сперва по форштатам, кварталам и местам, а затем по частям, кварталам и местам, нередко – некий гибрид того и другого. Однако, по крайней мере, 20 января 1817 года одесской соборной церкви протоиерей Иоанн Воронич в официальном обращении в Строительный комитет пишет: «Имею я надобность сделать к дому моему по *Немецкой улице* пристройку…».

Есть возможность при желании в деталях проследить буквально поименную застройку Немецкой площади по архивным данным. Скажем, летом 1808 года колонист Корнелиус Эбервейн просит об отводе под застройку мест № 568-569 в L квартале Греческого форштата. Ныне это пятно застройки домов № 3 и 5 в Лютеранском переулке. При этом товарищ (заместитель) главного судьи Конторы опекунства иностранных поселенцев надворный советник Розенкампф подтверждает состоятельность Эбервейна и его компаньона, которые имеют наличность по 150 рублей. Проситель – мастер высокого класса, и уже в январе 1809 года заключил контракт на устройство башенных часов для здешнего католического храма, по сути, первых часов такого рода в Одессе. Аналогичные сюжеты связаны со всем «кустом улиц» – Новосельского, Кузнечной, Дегтярной, Каретным переулком.

Ретроспектива насыщена теми же событиями на уровне быта, что и сегодня: новости дня принципиально мало отличаются. Где-то пожары, война, мор и глад, а где-то ссорятся, пьянствуют, предаются разврату соседи, создаются и распадаются семьи. Кто-то строит, кто-то ломает. Для конкретного, отдельно взятого за грудки человечка масштабность личной потери значимее отдаленного зарева. Сколько разных судеб уже на стадии первичного формирования вмещает улица Новосельского! Один пример.

1 августа 1810 года протоиерей Одесской соборной церкви Федор Огинский получил в Строительном комитете значительную беспроцентную (!) ссуду – 3.500 рублей, для постройки приличного дома. С этой целью ему отвели четыре места, два из которых находятся в пятне застройки домов № 67, частью № 69/71 нынешней улицы Новосельского, а два других примыкали с тыла и выходили на Нежинскую. В Одессе Огинский служил с осени 1809 года, в 1811-1812 преподавал Закон Божий и российскую словесность в Одесском благородном институте. Был он человеком широко образованным, ибо еще до рукоположения преподавал целый ряд дисциплин в Екатеринославской духовной семинарии, которую прежде окончил. Женат он был на дочери священника Феодосии Прохоровне Горонович.

Что-то в этом благочестивом семействе не заладилось. В 1814 году или чуть раньше Огинский, оставив супругу и малолетних детей, вернулся в Екатеринослав, где служил законоучителем в тамошней гимназии. 14 апреля 1815-го он почтой уведомил Одесский строительный комитет о том, что уступил жене свой дом и четыре упомянутых места, но с тем чтобы она собственными силами вернула взятую крупную ссуду. Понятно, что деньги были одолжены конкретно на обустройство и что дом переходил в собственность ей и детям, однако для возврата такого долга дом пришлось бы продать, оставшись с детьми на улице. Чем так допекла жена своего высокообразованного супруга, сказать трудно, но явно не без того.

Как бы то ни было, а Феодосия Прохоровна принялась «решать вопросы» в одиночку. Оставив за собой два места и готовые постройки по Нежинской, она уступила два других с «незавершенкой» и заготовленными материалами по Немецкой улице сотруднику Одесского коммерческого суда титулярному советнику Ивану Крицкому. Проданные материалы позволили ей компенсировать Комитету 906 рублей с полтиной, да еще 600 рублей она сумела внести наличными. Со своей стороны, Комитет уважил ее и малолетних детей (пока конкретная информация имеется только о дочери Марфе, родившейся в августе 1810-го) затруднительное положение и дал отсрочку для пополнения долга, попрежнему не взимая проценты.

Из более поздних архивных документов я с неистребимым для бывшего советского гражданина чувством глубокого удовлетворения узнал, что «протоиерейша» выкрутилась: в пушкинское время она не просто владела тем же домом, оцененным в 10.000 рублей, но получала от частичной сдачи его в аренду 700 рублей годового дохода, что примерно соответствовало годовому же окладу чиновника ранга Пушкина. Хэппи энд, однако, вовсе не типичен в практике такого рода. Множество первых застройщиков как раз потеряло места и «незавершенки». Что касается упомянутого юриста Ивана Крицкого, он тоже из разряда удачливых, и прожил на Немецкой улице много лет.

А вот немецкому колонисту Гиссу повезло меньше, хотя времени у него было вдоволь, да и особого понуждения к застройке не наблюдается. Место на Немецкой площади ему отвели еще 1 июня 1808 года. Прошло без малого 11 лет, и в марте 1819-го архитектор Дигби нашел внутри двора около 60 фруктовых деревьев, а по площади – заложенный вскоре после отвода места дом: собственно, «одни лицевые стены высотой по окошкам», причем обветшавшие и разваленные. У другого застройщика место отобрали бы без церемоний, но колонистов уважали, и потому Комитет распорядился вызвать Гисса и спросить, может и хочет ли он застраиваться. И только после этого участок передали сыну соборного протоиерея, учителю Городского девичьего училища губернскому секретарю Петру Ивановичу Вороничу. При этом он, разумеется, должен был компенсировать колонисту оценочную стоимость деревьев и строительных материалов.

Целых десять лет строился в том же квартале колонист Христофор Мерк, получивший места в 1809 году: ныне пятно застройки домами по Новосельского, № 58, угол Торговой, № 49. Впрочем, ему удалось возвести здесь сразу два дома. В 1850-м они принадлежали уже наследникам его и представительницы другой известной немецкой фамилии, Марии Фис, и были капитально перестроены по утвержденному в Комитете новому фасаду.

К началу 1820-х Немецкая улица уже относительно хорошо застроена. Так, на углу будущей Спиридоновской находил-

ся довольно солидный дом правителя канцелярии Одесского строительного комитета Андрея Михайловича Богдановича, на совесть прослужившего в этой должности много лет. Имея сравнительно малый чин 9 класса, то есть титулярного советника (выше штатное расписание не позволяло), он удостоился орденов Святой Анны 2-й степени и Святого Владимира 4-й степени. Мало того, 7 марта 1821 года Комитет сподобился на беспрецедентный шаг: на пятилетку ссудил Богдановича 6.000 рублей без взимания процентов, «уважая долговременность службы, большое семейство и по недостаточному его состоянию». Это была целевая ссуда – на реконструкцию и увеличение сказанного дома по Ямской улице.

Впрочем, застройка в те годы не была сплошной: даже длина плановых домов по фасаду составляла шесть саженей (строения «без плана», случалось, имели протяженность в три-пять сажен). При домах складывали флигеля и постройки хозяйственного назначения, без которых невозможно было обойтись, – каретные и дровяные сараи, конюшни, ледники, погреба и проч., при некоторых – магазины (амбары). Кое-где находились «незавершенки». Во дворах устраивались садики и огороды, нередко держали коров, которых наемные пастухи ежедневно «этапировали» прямо по улицам на городской выгон, за линию оборонительных казарм. Как принято говорить, большая деревня. Площадь, задуманная де Ришелье как локальный социальный центр, много лет оставалась грязным пустырем, сельским майданом и, по тогдашней терминологии, безобразила весь район. Для построения же и оформления благолепного храма требовалось значительное материальное участие представителей немецкой колонии.

Вообще говоря, еще на исходе 1811 года для сооружения храма правительством формально резервировалась довольно значительная казенная сумма, и вскоре Ришелье назначил место на площади под его сооружение. Однако война изменила планы, все проекты, намеченные за казенный счет, заморозили. И только 12 февраля 1820 года в Одесский строительный комитет поступило прошение суперинтенданта всех евангелических церквей в Южном крае России об отводе мест для по-

строения церкви и пастората евангелической колонии Одессы. Возможно, как следствие именного указа от 29 января того же года об учреждении Комиссии для рассмотрения проекта устройства и образования в Саратове и Одессе евангелических консисторий.

7 февраля 1821-го Комитет получил прошение Совета Одесской евангелической церкви. Поскольку совет и прихожане, сообщалось в нем, собираются готовить материалы на построение Евангелической церкви, то и просят назначенное Ришелье в 1812 году место, «что на площади близ Верхней колонии, под построение упомянутой церкви кому следует предписать отвести и об отводе снабдить надлежащим свидетельством». В числе подписавшихся – тесть Ланжерона полковник Адольф Бриммер, сотрудник портовой таможни надворный советник Карл Вейс, городской полицмейстер Василий Гельмерсен, один из содержателей питейного откупа, одесский первой гильдии купец Егор Гари и другие – сплошь лица весьма авторитетные.

Едва ли кто знает, какую резолюцию наложил на это прошение 14 февраля градоначальник Н.Я. Трегубов, во всех отношениях достойнейший человек, ныне совершенно забытый, но реально сделавший для градостроительства и становления Одессы куда больше тогдашнего военного губернатора, вполне заслуженно почивавшего на лаврах и ведшего жизнь, в общем, довольно праздную. Храбрый, умелый, интеллектуальный военачальник, кавалер высших орденов, Трегубов выказал себя и выдающимся администратором, педагогом, занимался организацией торгового мореплавания по Азовскому морю, был председателем Одесского коммерческого суда, перевел знаменитую книгу Шарля Сикара «Письма об Одессе», в комментариях к которой впервые предложил идею необходимости устройства Приморского бульвара, а затем воплощал ее в жизнь. Так вот Николай Яковлевич в сердцах жирно перечеркнул фразу «на площади близ Верхней колонии» и написал: «Есть закон, что, кроме православных церквей, на площадях строить нельзя».

18 апреля в Строительном комитете рассматривалась повторная просьба Совета, причем Комитет не нашел в своем архиве

никаких следов соответствующего распоряжения Ришелье 1812 года. Надо полагать, оно было словесным. Человек самоотверженный, требовательный, но добрый и толерантный, Трегубов, выпустив пар, смирился с особыми одесскими обстоятельствами. Тем паче, задолго до этого случая уже был подобный прецедент, когда не без участия Ришелье фактически на площади целого квартала был построен католический храм, и лишь впоследствии окружение постепенно застроили.

Поэтому в определении Комитета сказано буквально следующее: «Для церкви и при ней двора назначить место на площади у среднего шлагбаума, ведущего к Городскому саду Германа, расположив оное по Колонистской улице (еще одно, или – синхронное название Немецкой улицы. – **О. Г.**)». К этому определению сделана собственноручная приписка Трегубова: «Срединою против Дворянской, двор же позади ее к шлагбауму, до кургана». О наличии на территории Одессы, по крайней мере, двух курганов сообщают и другие источники. Насколько можно судить, оные не исследовались археологически и были срыты в процессе застройки города, так что неизвестно, к какой эпохе относились. Городскому архитектору Ивану Франполли поручили вынести отвод на городской план и представить на утверждение.

16 мая 1821 года Франполли передал в Комитет скопировку места для Евангелической церкви и при ней двора «на площади к шлагбауму, ведущему к плантации, заведенной Германом». 27 мая Комитет определил: скопировку утвердить и выдать документ Евангелическому обществу на построение церкви и при нем строения, надобного для церкви. Член Комитета, военный инженер Иван Круг, предписал архитектору Франполли назначить общине место в натуре, согласно этой скопировке. Наконец, 31 мая 1821 года лютеранская община получила из Комитета «Скопировку для построения одесской Евангелической церкви на площади возле Верхней Колонии и Тираспольского шлагбаума», утвержденную лично Н.Я. Трегубовым.

Из этого плана видно: на Немецкой площади в тот момент было построено в общей сложности 14 небольших домов и флигелей: три – по нечетной стороне одноименной улицы, два, наиболее значительных, – по будущему Инвалидному переулку,

восемь – по будущему Лютеранскому переулку, включая угловые по Кузнечной улице. Здесь надо пояснить, что «Тираспольская рогатка» и деревянный мост находились сразу за площадью и называлась так по упоминавшейся дороге, ведущей мимо городской плантации и в целом Молдаванской слободки в направлении Тирасполя. Что до плантации (прообраз ботанического сада, о чем мало кто знает), заведенной казенным садовником Яковом Германом по указанию герцога Ришелье, то она занимала всю правую сторону нынешней Градоначальницкой улицы в направлении Водяной балки.

Реализация плана сооружения кирхи, составленного молодым Ф.К. Боффо, началась далеко не тотчас. Закладка осуществлена лишь в самом конце лета 1824-го (место более четко назначено Комитетом 20 февраля), строительство продолжалось примерно до октября 1827-го, а отделка и того дольше. В ходе строительства Боффо допустил серьезные инженерные просчеты, что на протяжении его одесской карьеры случалось неоднократно, в результате произошли обрушения, обошедшиеся в кругленькую сумму. К слову, 30.000 рублей на строительство храма были выделены в январе 1825-го из городских доходов, причем без взимания процентов. Более 35 тысяч поступили, наконец, в следующем году из столицы.

Все это время, начиная с самого водворения немецких колонистов, евангелическо-лютеранский храм функционировал во временных съемных помещениях типа хлебных магазинов (амбаров). Занимательно, что именно в таком временном храме произошло венчание графа Александра Федоровича Ланжерона с девицей Елисаветой Адольфовной фон Бриммер, о которой бы надобен разговор особый. Первичный план церковной ограды утвержден в 1832-м. Позднее, в 1839 году, к храму прирезали землю из прилегающей улицы, переулков, и в ограду вошла Лютеранская богадельня (проект того же Боффо), служебные помещения, фасады на сооружение каковых утверждены в 1841-м. В 1857-м была сделана еще одна прибавка к церкви и ближайшей приватной немецкой недвижимости (солидные дома Шмидта и Гешеля) из городской земли в переулках. Но все эти детали касаются собственно истории кирхи.

Во второй половине 1820-х Немецкая (Лютеранская) площадь и одноименная улица действительно стали одним из очагов городской деловой и культурной жизни. Сама улица была еще преимущественно одноэтажной, однако на площади близ кирхи существовало уже пять двухэтажных зданий. С одной стороны набирал обороты второй крупнейший рынок Одессы – Новый базар, с другой – к площади примыкали Кузнечный и Дегтярный ряды, в свою очередь, граничившие с Овсяным рядом и орбитой Старого базара. Эти ряды, конечно, цивилизовались далеко не сразу. Даже в мае 1815-го, когда «кузнечный квартал» соединился с ближайшими к центру, городской архитектор нашел здесь землянки, лачуги, хижины кузнецов, которые занимались своим ремеслом прямо под открытым небом. Только вообразите, что происходило впритык к площади, меж казармами и кузнями: поистине «людская молвь и конский топ», нечто из фильмов о Средневековье. Поэтому кузнецам дали полтора года, чтобы устроить приличное жилье по плану, поместив кузницы в нижних этажах, «под сводами». Более или менее приличное щебеночное «шоссе», да и то лишь по главной улице Верхней Немецкой колонии, было устроено лишь в 1836 году ввиду функционирования здесь Ремесленной управы.

Высокая концентрация лучших мастеров своего дела привела к формированию обособленных немецких ремесленных цехов и оседлости на Немецкой улице на многие десятилетия Городской ремесленной управы – ныне это место по Новосельского, № 86 (по прежней нумерации – № 82). Место и строения на нем, сперва довольно скромные, с давних пор были коллективной собственностью ремесленного общества. Здесь ремесленные головы выдавали соответствующие свидетельства на право работы мастерам, фиксировали наличие подмастерьев и учеников, устраивали ремесленные школы и т. п. Многие цеха были преимущественно немецкими на протяжении большей части всего позапрошлого столетия, например, слесарный, токарный, каретный, колбасный, трубочистов и др. Сочетание ремесленного мастерства с духовными запросами общины дало очень интересные результаты, связанные, например, с развитием музыкальной культуры в этом районе и в целом в Одессе.

Оказывается, именно здесь, «в собственном доме близ Лютеранской церкви», обосновался первый в городе фортепьянных дел мастер – Карл Гааз, который более чем успешно работал много лет, воспитав достойного преемника в лице собственного сына Карла Карловича. Трудились тут и многие другие «музыкальных инструментов делатели». В кирхе и окрестных домах упражнялись евангелическо-лютеранские певчие, обитали музыканты, в том числе учителя. Другая, уже православная певческая капелла, финансируемая непосредственно Одесским строительным комитетом, собиралась в упоминавшемся доме соборного протоиерея Воронича. Я мог бы продолжать в том же духе применительно и к более близким к нам эпохам, однако и без того ясно: «музыкальный центр» – училище, консерватория – родился именно здесь вовсе не случайно.

К слову, едва ли кому известно, что идея консерватории в Одессе и ее первичное воплощение связаны с отцом выдающегося пианиста-одессита Владимира фон Пахмана (1848-1933), преподавателем Ришельевского лицея Винсеном фон Пахманом (Викентием Пахманом). Известный как региональный цензор и специалист по римскому праву, Викентий Пахман (1793-1878) начинал свою одесскую карьеру в 1816 году учителем музыки (!) в Благородном институте, а затем в лицее. 20 октября 1819 года он сформулировал, а 20 мая 1821 года повторно изложил свои соображения Одесскому строительному комитету относительно обучения теории и практике инструментальной музыки. «Желая, сколько возможно, споспешествовать образованию Одесской консерватории, – записано в комитетском журнале, – он согласен довольствоваться положенным от Комитета жалованьем», но просит назначить ему помощника со скромным окладом, столом и квартирой. Проект Пахмана был реализован в возможном на тот момент формате, но это отдельный пространный сюжет.

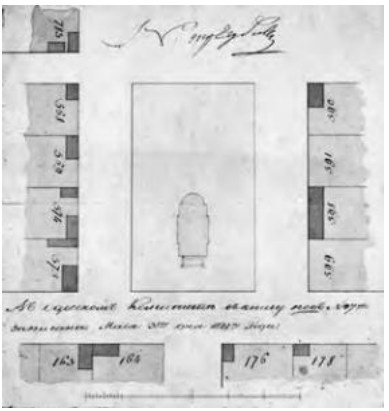
Однако вернемся к ремесленникам, и не только немецким. Вблизи Лютеранской площади находились дома и мастерские специалистов на все руки. Скажем, в 1830-х кроме музыкальных дел мастеров мы находим тут слесаря Риппа, «пятновыводителя» Роше, медников и лудильщиков Кецнера и Шнипа,

обойщиков Коломбена, Бирера, Гагештоца, каретников Шварца, Шмидта, часовщика Марибо и т. д. и т. п. Обитали на нашей улице и площади ювелиры, оптики, граверы, часовщики, переплетчики, перчаточники, шорники, бандажники, башмачники и проч. Была даже «Фабрика золоченых букв для вывесок Карла Энгельманна», помещавшаяся, между прочим, в доме того же фортепьянщика Гааза.

В целом во второй четверти XIX века при изрядной доле одесситов немецкого происхождения на улице фиксируется и весомая доля недвижимости других «одеколонов». На Ямской (в то время было в ходу и такое название, обусловленное упомянутой выше важнейшей транспортной, «обозной» функцией улицы) мы видим, например, греков Москули и Янопуло, караима Мангуби, евреев Вургафта и Ротгольца. 10 февраля 1819 года часть дома вблизи Немецкой площади, в пятне застройки нынешнего большого здания по Новосельского, № 69/71, приобрел одесский купец-караим Шелеме Исакович. По крайней мере, в 1812-м, а затем и далее на углу нынешних улиц Новосельского, № 101, и Преображенской, № 37, обитали соседи мещанин Шмуль Бовзи и купец Мендель Цвибак, причем второй лихо оттяпал у первого кусок земли. Обиженный вызвал сочувствие архитектора Александра Дигби, который без предписания Комитета зафиксировал недостачу территории, однако ж сам получил внушение от начальства за самовольные действия.

В разные годы мы видим на нашей улице представителей польской, французской, других общин и, разумеется, русских, украинцев. Расположение на этой улице немалых магазинов (амбаров) сопровождалось жительством комиссионеров по хлебной торговле (Березовский и др.). Здесь обитали и представители интеллигенции (педагоги, врачи, фармацевты, юристы, инженеры, механики), включая известного зодчего Л.Л. Влодека, построившего на Ямской собственный дом (ныне № 79), а кроме того, причт Лютеранской церкви, в том числе пробста 1-го округа. Забавны фамилии некоторых колонистов, скажем, Якова Рислинга и Карла Киллера.

Нелишне отметить, что еще со второй половины 1810-х стали отводиться и понемногу застраиваться кварталы за Но-

План местоположения евангелическо-лютеранской церкви от 31 мая 1821 г., завизированный градоначальником Н.Я. Трегубовым

вым базаром – XXIV, XXV, XXVI и др., – примыкавшие как бы к продолжению нечетной стороны Немецкой улицы, идущему под углом в соответствии с экспозицией линии оборонительных казарм. Оные кварталы прорезались формирующимися постепенно улицами Торговой, Конной, Ольгиевской, Рождественской. Так, в треугольном квартале 26, ограниченном улицами Немецкой, Коблевской и Ольгиевской, уже ранее июня 1819-го стоял дом одесского мещанина Ивана Филатова (пятно застройки нынешнего дома по улице Новосельского, № 17), просившего о присоединении и праве застроить смежное место. Летом того же года в XXVI-м квартале, на углу Конной и нынешнего дома по улице Новосельского, № 31, строился чиновник немецкого происхождения Иосиф Меер. Позднее, в 1845-м, он возвел здесь и солидный хлебный магазин.

В 1827-1828 годах в XXIV-XXV-м кварталах было пять строений по улице, а в 1830-м – уже с десяток, на всех же остальных кварталах – порядка 60-ти. Внутри кварталов к тому времени развели немало садиков, самые значительные из которых украшали как раз XVI, где изначально находилась коллективная колонистская собственность. Этот квартал окаймляли улицы Немецкая, Дворянская, Нежинская и Торговая. В ином из здешних дворов и теперь можно наткнуться на живописные исполинские пни помнящих юность Одессы тополей, а то и на архаичный флигелек, каким-то чудом переживший лихолетье. На четной же стороне улицы довольно долго находились исключительно строения военного назначения, но это тема отдельного обстоятельного разговора. Сегодня ар-

хаическую застройку репрезентуют единичные «камешки», вкрапленные в обновленную мозаику домостроения. Это, например, одноэтажные фасадные флигеля домов № 45, 49 и 99, дающие некоторое представление о картинке улицы в пушкинские времена.

В застройке улицы и площади в разные годы принимали участие многие видные одесские архитекторы: Фраполли (например, 1808 год, первичная застройка в упоминавшемся L квартале к площади), Боффо (1831 год, в том же квартале), Козлов, Влодек, Меснер, Скведер, Клейн, Кюнер, Токарев, Чернигов, Шейнс, Шевремброндт, Прохаска и др. В реестре объектов культурного наследия – более двух десятков наименований по этой улице. О доме гимназии С.И. Видинской (ныне общеобразовательная школа № 50), что на углу Новосельского и Конной, я уже рассказывал в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская». Позволю себе напомнить: здание построено по проекту авторитетного зодчего В.М. Кабиольского в 1908-1909 годах для предводителя губернского дворянства Н.Ф. Сухомлинова. Благороднейший человек, член попечительского совета гимназии, он и предоставил дом в распоряжение этого учебного заведения со славными традициями. Женская гимназия основана в 1891 году на базе «частного учебного заведения первого разряда» Гауэншильд-Кларк, в свою очередь, учрежденного в 1864-м и отличавшегося от прочих изучением экзотического в ту пору английского.

Гимназия считалась одной из наиболее престижных в городе и в целом на Юге. В разные годы здесь преподавал весь цвет интеллектуальной Одессы. Достаточно назвать таких поистине выдающихся людей своего времени, как крупный математик, физик, космограф Борис Федорович Цомакион, словесник Сергей Григорьевич Вилинский (не только известный педагог, но и авторитетный литературовед, автор работ по пушкиноведению, преподаватель Императорского Новороссийского университета), блестящий историк Петр Михайлович Бицилли, любимый несколькими поколениями одесситов преподаватель иностранных языков Август Альфредович Шапеллон. Рисование и чистописание в старших классах преподавал

Николай Иванович Скроцкий – представитель укорененного одесского семейства, а в младших классах – выдающий художник Павел Гаврилович Волокидин, один из самых ярких сотрудников Товарищества южнорусских художников (ТЮРХ). Математику читала представительница знаменитого рода баронесса Мария Федоровна Мейендорф, хорошая знакомая Л.Н. Толстого, проведшая жизнь подвижницы и много претерпевшая в Одессе в «смутное время». С гимназией Видинской также тесно связана судьба замечательного семейства Гамовых: мать гениального астрофизика, автора теорий горячей вселенной и генетического кода Георгия Антоновича Гамова (1904-1968) Александра Арсеньевна четверть века (!) преподавала здесь историю и географию, а в 1906 году была удостоена тут золотой медали за успехи в педагогической деятельности. Будущий мэтр тогда еще пешком под стол ходил.

Из ранней застройки нашей улицы лично мне интересен, к примеру, двухэтажный дом со службами титулярного советника К.И. Бодаревского. Корнелий Иванович служил еще при градоначальнике Н.Я. Трегубове, в 1821 году, а далее при графе А.Д. Гурьеве. Вполне возможно, пушкинский знакомец. Один из его сыновей, Иван, известен подвигом, совершенным в очень юные года во время бомбардирования города англо-французским флотом. Тогда под горячим неприятельским обстрелом подросток снабжал водой и провизией героическую батарею А.П. Щеголева. Впоследствии Иван Корнельевич дослужился до полковника и состоял старшим адъютантом командующего Одесским военным округом. Другой сын Бодаревского, Николай, – замечательный художник, академик живописи, один из видных представителей южнорусской школы, трагически погибший в 1921-м.

Недвижимость Бодаревского находилась по четной стороне нынешней улицы Новосельского, прямо на углу площади и Инвалидного переулка, сдавалась в аренду целиком и по частям. Теперь это пятно застройки трехэтажным домом – Новосельского, № 66, и переулок Топольского, № 2. Участок «возле строящейся Немецкой кирхи» Бодаревскому отвели 10 июля 1824 года, однако у этого отвода долгая предыстория. Еще

Лютеранская церковь в Одессе. Литография 1877 г. по рисунку Р. Лангенса

в 1808-м здесь начал самочинно застраиваться немецкий колонист Иван (Иоганн) Розе (Рози), которому официально отвели соседние участки, в пределах нынешних домов по улице Новосельского, № 64-60. Колонист очень широко размахнулся, но дело не пошло дальше «начатых стен в одном углу». Ему четырежды предоставляли отсрочки для окончания домостроительства, причем 15 июля 1818 года даже передавали угловое место «для построения дома лютеранскому пастору» (очевидно, Карлу-Августу Беттигеру), но затем все-таки уважили Розе. В конце концов, терпение Комитета лопнуло, и участок передали Бодаревскому, а тот запланировал 2-этажный дом габаритами девять с половиной на пять сажен, «могущий доставить некоторое украшение площади, на которой строится уже значительное здание для Лютеранской кирхи». 4 декабря того же года плановое здание было готово и освидетельствовано Ф.К. Боффо. Занимательно, что в 1830-м наследники помянутого Розе получили-таки владельческие

бумаги на соседний дом, то есть частично, но его первичный проект был реализован.

Позднее Корнелий Иванович Бодаревский продал свой угловой по площади дом, оставив за собой другие, престижные домостроения в Воронцовском переулке, неподалеку от усадьбы знаменитого генерал-губернатора. Сохранившийся дом по улице Новосельского, № 66, построен на месте прежнего в 1890-е годы и связан с судьбой незабвенного Петра Лещенко, а для меня – скорее с памятью о недавно ушедшем из жизни талантливом художнике и керамисте Александре Дмитриеве. Здесь, во дворе, помещалась его мастерская со множеством симпатичных «гаджетов» и раритетов. Саша мечтал об установке мемориальной доски любимому Лещенко. Мечта не сбылась.

Упомянув вскользь о пребывании в Одессе Пушкина, хочу познакомить читателя с одним свежим сюжетом. Как известно, в числе одесских знакомых поэта был и знаменитый боевой генерал от инфантерии Иван Васильевич Сабанеев (1770-1829). Тот самый, что в качестве маскарадного костюма использовал собственный мундир, но при одних только иностранных орденах. Карнавал был в резиденции Воронцова, и здорово насмешившая Пушкина выходка бравого вояки пришлась не по вкусу присутствующим зарубежным дипломатам. Кто-то настучал монарху, и генералу поставили на вид.

Да, так вот известно также, что до покупки второго своего дома по улице Надежной (почему и прилежащий мост назван Сабанеевым), ранее, в пушкинское время, Сабанеевы владели другим, местоположение которого совершенно не локализуется. А ведь именно этот дом – один из неопознанных до сих пор пушкинских адресов в Одессе. Занимаясь этим вопросом в течение многих лет, я уже значительно продвинулся в его решении.

Так, мне удалось надежно установить тот факт, что хорошо известный библиофилам книгопродавец Николай Клочков ранее января 1830 года купил как раз интересующий нас дом Сабанеева «вблизи Лютеранской церкви», в котором открыл частную библиотеку для чтения, одну из старейших в городе. Похоже, Клочков познакомился с Иваном Васильевичем на поч-

ве библиофильства: библиотека Сабанеева считалась одной из лучших не только в Одессе, но и во всем регионе. Остается более точно локализовать местоположение дома и флигеля Клочкова (книгопродавец ушел из жизни в 1848-м или несколько ранее), но уже сейчас можно сказать, что находился он напротив кирхи, по Дворянской, в квартале меж улицами Новосельского и Нежинской. Не исключено, и на углу Новосельского и Дворянской.

Думаю, рано или поздно добью эту локализацию. Важно другое: выходит, Пушкин наверняка бывал в Верхней Немецкой колонии, ступал по нашей улице, наблюдал быт колонистов и, кто знает, может быть, слушал, как здешние музыкальные мастера настраивают только что сработанные инструменты, а юные певчие пробуют трепетные голоса.

Юрий Дикий

Новосельского угол Дворянской*

Занятия в новом помещении на Ямской угол Дворянской начались с 1 сентября, а его торжественное открытие и освящение произошло 18 ноября.

К 1913 году музыкальная Одесса наряду с Саратовом и Киевом была готова к открытию высшего музыкального заведения – консерватории, на чем и можно было бы окончить в целом хрестоматийные данные «топонимного образа» улиц Новосельского угол Дворянской. Однако, в отличие от учебных хрестоматий и статей, становление высшего и среднего музыкального образования в России не протекало столь гладко, как это подано в распространенных изданиях, поскольку развитие профессионального образования особая отрасль культуры в целом, пути которой не всегда зависимы от административных усилий власти и ее бюрократического ресурса.

«Вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской, да с колокольчиком…»

Творческая биография Антона Григорьевича Рубинштейна – основателя отечественного профессионального музыкального образования, начиная с Петербурга второй половины XIX века, тесно связана с Одессой не только родственными привязанностями, но и принципиальными воззрениями на музыкальное искусство в целом и образование, в частности, в Одессе. Противо-

* Окончание. Начало в кн. 52.

А.Г. Рубинштейн
Портрет работы И. Репина. 1895 г.

стояние в подходах к культуре – «западничество и почвенничество» – дополнялось противоречиями художественного и ремесленного, системно продуманного и амбициозного, рудименты которых продолжают проявлять себя и в наши дни.

«Перекресток двух эпох», питерские 50-е – времена столичных столкновений, противоречий, неприятий, гулко отдававшиеся по всей России. Ощущала это и Одесса, пребывавшая в зоне крымских военных действий. Завершение царствования Николая I, поражение в Крымской войне, серьезными последствиями во всех сферах общества грозили накопившиеся кризисные проблемы, решение которых стало неотвратимым требованием для нового монарха Александра II. Этот весьма драматический период в силу специфики русского крепостничества (по существу, рабства) полон противоречиями не однобоко политического, экономического и социального свойства – это был кризис государственности и культуры в их идеологическом единстве. Он стал предпосылкой смерти Николая I, официально умершего от воспаления легких после военного парада. Однако существует версия самоубийства царя, вынужденного убедиться в полном провале своей 25-летней государственной политики и крымском поражении. Концепция «официальной народности», провозглашенная графом С.С. Уваровым, товарищем министра просвещения, после ревизии Московского университета в декабре 1832 г. как основная идеологическая доктрина терпела сокрушительное фиаско.

В эти же 50-е годы созрел кризис «любительской», «дворянской», «барской» музыкальной среды, предваривший зарождение «профессиональной» (а по сути, современно-европейской)

музыкальной эпохи. Специфика культурного дилетантизма русского барства несла в себе неразрешимое противоречие между эстетическими и социальными идеалами («чумазый не может»), чем максимально ограничивала профессиональный уровень и художественную коммуникацию широкого круга отечественных профессионалов-музыкантов, вынужденных приобретать навыки музыканта в европейской системе «упорядоченного профессионального образования».

Да и само русское «барство» являлось уж очень разнородным классом по национальным, религиозным, имущественным, образовательным и прочим признакам. Исконно русская проблема «столичности» (сохраняемая поныне в странах СНГ) – центрирующая не только все основные государственные функции, но и всю культурную жизнь, была доведена Николаем I до абсурда, проявив весь спектр противоречий, обостренных еще к декабрю 1825 года. Исключение в Российской империи и составила Одесса, максимально устремленная к культурной демократии и образованию (второй в России – Ришельевский лицей), трансформируя русское «барство», прежде всего, в аристократической среде.

«Нам из европейского сада никуда не уйти!» – утверждал впоследствии П.И. Чайковский, программируя пути отечественной культуры. По словам профессора Л. Гаккеля, «драматическая проблема школы в связи с «доконсерваторским» поколением русских композиторов» обнаруживает себя в «тоске по ученичеству» у Антона Рубинштейна: «с 13 лет прекратил всякое учение», говорил он «без всякой горделивой интонации, напротив, с горечью».*

Находясь в 50-е годы достаточно много времени рядом с Ф. Листом, 25-летний Рубинштейн не только обретал у него мастер-класс как пианист и композитор, он вживался в суть его педагогических концепций, существенно отличавшихся от формально академической европейско-консерваторской педагогики. В недалеком прошлом реформированные высшие школы Европы во всей полноте своих различий обладали (и по сей день обладают) синтезом позитива и негатива, с гениальной иронией переданным в гетевском «Фаусте»:

* Л. Гаккель. Масштаб Рубинштейна. В сб.: А.Г. Рубинштейн. С.-Петербург, 1997, с. 11.

Начнут дрессировать ваш ум
Как бы в сапог испанский зашнурован,
Чтоб тихо он, без лишних дум
И без пустого нетерпенья,
Вползал по лестнице мышленья…

И кому как не Ф. Листу и А. Рубинштейну предназначалось осуществлять веление романтического времени, исповедуя объективную необходимость политического, социального и, прежде всего, художественного переустройства? Фигура артиста-профессионала в новом для европейской культуры качестве рождалась по образу и подобию подвижничества этих двух титанических фигур, концептуальность которых роднилась в важнейших принципах, и прежде всего, в атрибуте «свободный художник».

Несмотря на все трудности веймарского периода Ф. Листа, его статус «свободного художника» был упрочен в ином гражданском аспекте, чем у А.Г. Рубинштейна в крепостнической России. В Берлине (декабрь 1855 г.) после блестящего концерта на банкете в его честь Лист заявил: «*Артистом-властелином* покинул я этот город и возвращаюсь в него как *слуга искусства*» (выделено мной. – **Ю. Д.**).

Спустя месяц в статье «Моцарт. К столетию со дня рождения» Ф. Лист развивает свои программные идеи «музыки будущего», социального искусства и единства искусств. (А всего за год до триумфа в Берлине в Веймаре прошел скандальный судебный процесс по поводу огульного листовского заявления, что «здешняя местная власть – или власти – постыдны. …Здесь господствуют ограниченность, глупость и филистерство: все веймарцы – ослы».)

Могло ли что-либо подобное произойти в России Николая I, где само отличительное определение – «артист, свободный художник» – было почти крамольным для власти. Но и для весьма авторитетной части русских музыкантов листовские идеи, которые исповедовал А.Г. Рубинштейн, ничего не значили, кроме необузданного честолюбия, высокопарности и чуть ли не «антигосударственности».

Исполины «Могучей кучки» В. Стасов, а за ним М. Мусоргский и Ц. Кюи определили место А.Г. Рубинштейну в «немецкой партии», чьи идеи музыкального образования «ничего общего ни с нашею народностью, ни с нашим искусством» не имеют.

А.Г. Рубинштейн часто повторял: «Грустна моя судьба, нигде меня не признают своим. На родине я – жид, в Германии – русский, в Англии – Herr Rubinstein, везде чужой».

Язвительная реплика М. Мусоргского на программную статью А. Рубинштейна «О музыке в России» (1861), якобы «прерогативы ограниченности Рубинштейна – слава и деньги, и количество, а не качество… О, Океан, о, лужа!», оборачивалась выводом – «сколько вредны высшие школы – академии и консерватории – рассадники бездарностей».

Сопоставляя европейские тенденции музыкального образования и условия для него в российской монархии 50-х, можно в полной мере оценить определение Б.В. Асафьева относительно учреждения Петербургской консерватории в 1862 г. – «Петрово дело» Рубинштейна.

Длилось оно целое десятилетие с 1852 года, когда А.Г. Рубинштейн писал своей матери К.Х. Рубинштейн в Одессу: «Я занят сейчас одним делом, которое может иметь большие последствия, а именно: планом музыкальной академии. План готов, и я передаю его сегодня великой княгине, которая отдаст его царю. Это может иметь большие последствия – для музыки в России, также для меня». В этот же день план был передан великой княгине Елене Павловне Романовой для царя, у которого А.Г. Рубинштейн состоял придворным музыкантом.

«Когда подумаешь, сколь богато природа одарила славянский народ, – писал Рубинштейн, – особенно русскую нацию в музыкальном отношении, то удивляешься тому, что музыкальное искусство здесь так мало развито, а Россия не дает больше замечательных музыкантов. Объяснение и причину этого явления можно увидеть, быть может, в том факте, что правительство не предоставляет гражданских прав тем, кто хотел бы заняться исключительно этим искусством. Музыка, как всякое другое искусство или наука, требует от того, кто ею занимается, всю его личность, все его время и всю его жизнь».

23-летний музыкант убеждает императора в том, что основание консерватории «способствовало в значительной мере развитию и распространению в стране музыкального искусства, побуждая основывать и организовывать многочисленные музыкальные общества на всей территории империи…».

Великая княгиня Елена Павловна, покровительница и учредитель ИРМО

Разочарование молодого артиста не заставило себя ждать – 3 февраля 1853 года в Одессу отправлено очередное письмо к матери, в котором читаем: «План академии спит сном праведника, так как по многим причинам это теперь трудно осуществить».

В это же время у императора вынашивался план закрытия университетов «во избежание крамолы».

Только к 1859 году Рубинштейну удалось при содействии и покровительстве княгини Елены Павловны осуществить идею создания русского музыкального общества в Питере, передав эстафету брату Николаю в Москву (1860 год).

Личность покровительницы и основательницы ИРМО великой княгини Елены Павловны (жены сына Павла I) в советском музыкознании обрела классово негативный образ: «Тщеславная до мозга костей аристократка, иностранка, либеральное обличье которой прикрывало ее реакционное существо»; «архиреакционная великая княгиня, немка, ненавидевшая русскую национальную культуру».*

«Классовые пассажи» обязательной идеологической предвзятости обнаруживали свои корни в далеких 50-х XIX века, ибо «достойная ученица царя» (Николая I. – **Ю. Д.**) оказала всяческое

* Л. Баренбойм. А.Г. Рубинштейн: в 2-х т. Т. 1, с. 98, 236.

содействие карьере еврея А.Г. Рубинштейна, обеспечив его материально. Содействовала постановке его первой оперы «Дмитрий Донской», предоставила свой дворец (ныне здание Русского музея) для занятий Певческой академии (первое общественное детище А.Г. Рубинштейна). В результате стала основательницей и покровительницей Русского музыкального общества и питерской консерватории, для существования которых, по свидетельству А.Ф. Кони, она продала свои бриллианты. Помимо этого она, первой освободив крестьян своего имения в Полтавской губернии от крепостной повинности, прослыла «республиканкой» и участвовала в подготовке реформы отмены крепостного права, содействовала Н.И. Пирогову в создании Российского общества Красного Креста.

Прямолинейное сопоставление одесской просвещенной власти и высшей бюрократии северных столиц, упрощенно интерпретируемое историками, сохранялось длительное время, вне рассмотрения всей сложной картины жизни императорской семьи, впрочем, как и непростых погодных условий в салонах высшей знати. В полной мере властный Олимп сотрясали противоречия западничества и почвенничества на ниве культуры и образования. Однозначно отрицательные характеристики в адрес всего императорского, великосветского, произраставшего из разночинной среды и откристаллизовавшегося в советской эстетике, отличают порой весьма солидные и, безусловно, интересные работы отечественных искусствоведов.

Как и значительная женская часть семьи Романовых, великие княгини, не будучи по происхождению русскими, осуществляли наиболее европейски просвещенные деяния во благо России своей благотворительностью, преданностью искусству и его развитию, особенно в сфере образования, привнося в империю традиции немецких музыкально-общественных и образовательных структур.

Масштаб деяний А.Г. Рубинштейна в музыкальной культуре России, в 33-летнем возрасте (!) осуществившего прорыв в будущее высшего музыкального образования, добившись основания первой в России консерватории, к сожалению, остался недооценен соотечественниками. До сей поры не возданы ему по-

чести не только как основателю отечественной профессиональной музыкальной культуры и музыкального образования, но и как преобразователю академического типа европейских консерваторий XIX века, воплотившего идею музыкального вуза, программные требования которого актуальны до сего дня в мировой музыкальной педагогике.

«Гений чистой красоты» – Александра Федоровна Романова (принцесса Шарлотта)

Открытие Н.Г. Рубинштейном (братом А.Г. Рубинштейна) Московской консерватории (1866) невдалеке от Тверской (на Воздвиженке, а затем на Большой Никитской. – **Ю. Д.**) на художественных принципах питерской консерватории – закономерное следствие окрепших европейских тенденций в империи, ставшей на путь тотального реформирования. В этот период помимо отмены крепостного права (1861) были осуществлены реформы: университетская (1863), судебная и земельная (1864), печати (1865), самоуправления в городах (1870), военная (1874).

Культурная специфика Одессы с ее «просвещенной властью» в интернациональной среде населения в первой половине XIX века и влияние европейской культуры через часть высшего слоя российского общества на государственную власть той поры следовало бы проецировать через гендерную политику женской половины царской семьи и высшей знати, о которой весьма редко упоминают.

Воспитание Александра II (освободителя и покровителя – так его именовали до революций 1917 года) мало соответствовало устремлениям отца – Николая I.

Несмотря на военное, в целом, воспитание, его «план учения» на 12 лет составлял В.А. Жуковский. Основой плана являлось

Императрица Александра Федоровна с детьми (справа наследник Александр II)

«образование для добродетели», в результате чего Александр II знал историю, статистику, математику, логику и естествознание, владел пятью языками. Его обучали, помимо Жуковского, М.М. Сперанский, министр финансов Канкрин и ряд других известных государственных деятелей. Исключить влияние матери было бы неосмотрительно. Урожденная принцесса Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгемина была третьим ребенком в семье прусского короля Фридриха Вильгельма III из династии Гогенцоллернов и его супруги королевы Луизы, весьма неординарной личности. Проявляя реформаторские наклонности, в отличие от мужа, Луиза сумела не только интриговать против Наполеона, но и вскружить голову императору Александру I.

Шарлотта Прусская после брака с Николаем Павловичем стала именоваться великой княгиней Александрой Федоровной, не подозревая о своем императорском будущем. Одна из самых красивых женщин Европы, будущая царица писала портреты, неплохо рисовала, занималась чеканкой и даже резьбой по камню, проявляя творческие наклонности. Обожая праздники, балы, она блистала в Европе, получив в свою честь поэтические опусы и псевдоним Белая роза. Строки «гений чистой красоты» посвящены ей В.А. Жуковским, а впоследствии воспроизведены А.С. Пушкиным, испытывавшим к царице искренние чувства.

План В.А. Жуковского предполагал «его высочеству быть не ученым, а просвещенным».

Сергей Лущик

«Одиночество» художника Нилуса

Петр Александрович Нилус (1869-1943) – один из ведущих мастеров одесского «Товарищества южнорусских художников» (1890-1919)*, далее – ТЮРХ. Состоял также в столичном «Товариществе передвижных художественных выставок» (1870-1923), далее – ТПХВ: экспонентом с 1891, членом – с 1899 года**. В 1883-1889 гг. учился в Одесской рисовальной школе, затем короткое время в Петербургской Академии художеств.

Был одним из организаторов и активным участником одесского «Литературно-артистического общества» (1897-1904), позднее (1912-1919) – одноименного клуба. Регулярно печатался в местной периодике, издал в Одессе и в Москве несколько сборников рассказов. Дружил с будущим нобелевским лауреатом И.А. Буниным. Вообще, принадлежал к интеллектуальной элите города.

Произведения П. Нилуса хранятся во многих музеях и частных собраниях Одессы, Украины, России, Европы. В каталогах Одесского художественного музея описаны 34 его работы, преимущественно масло, а также пастель, акварель***.

* Товарищество южнорусских художников: Биобиблиографический справочник / Сост. О.М. Барковская, В.А. Афанасьев. – Одесса, 2000, с. 182-184;

Петр Александрович Нилус. 1869-1943: Жизнь и творчество / Авт.-сост. Л.А. Еремина. – Киев, 2007. – 107 с.: илл.

** Бурова Г., Гапонова О., Румянцева В. Товарищество передвижных художественных выставок. – Т. 1. – М., 1952, с. 275-278.

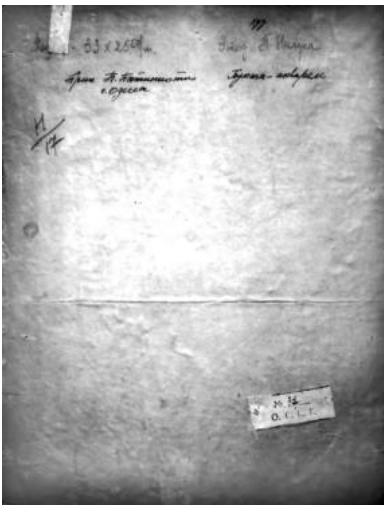
*** Одесский художественный музей. Живопись XVI – начала XX вв.: каталог / Сост. Л.Н. Калмановская, Л.Н. Гурова. – Одесса, 1997, с. 106-110;

Одесский художественный музей. Графика. скульптура: каталог / Сост. Л.Н. Калмановская. – Киев, 1974, с. 62.

Илл. 1. Акварель П. Нилуса [эскиз к картине «Одиночество»]

В конце гражданской войны, в последних числах декабря 1919 года, художник эмигрировал пароходом в Варну. Несколько лет скитался по городам балканских государств, участвовал в местных

Илл. 2. Надписи на обратной стороне картона

выставках. С 1924 года обосновался в Париже, получил в Европе определенную известность и признание, закончил здесь свой жизненный путь.

В июле 1966 года на распродаже работ из собрания недавно скончавшегося одесского коллекционера Петра Эммануиловича Патиниоти (1880-1965) была приобретена акварель размерами 32,8×24,7 см, без авторской подписи и даты: осенний пейзаж, у берега некоего водоема сидит на скамье согбенная женская фигура под черной шалью. Работа производит впечатление первичного наброска, замысла, эскиза будущей композиции: лицо модели лишь намечено, детали фигуры и пейзажа даны обобщенно, не проработаны. Но именно в этой незавершенности ощущается рука незаурядного мастера (Илл. 1, собр. авт.).

Примятый лист бумаги с акварелью был когда-то давно наклеен на картон, на обратной стороне которого сохранились последующие надписи владельца, чернилами и карандашом:

Раз[мер] 33×22⅝ с/м
Этюд худ. П. Нилуса
Прин[адлежит] П. Патиниоти
г. Одесса
Бумага – акварель
Н / 17

Ниже пометок владельца приклеен кустарный бумажный ярлычок, отпечатанный на пишущей машинке:

№ 37. О.Г.К.Г.

Наклейка свидетельствует, что экспонат побывал на временном хранении (быть может, на выставке) в Одесской гос. картинной галерее, как назывался в послевоенные годы нынешний Художественный музей на ул. Софиевской (Короленко), № 5-а.

Предыдущий владелец неподписанной акварели назвал ее автором художника П. Нилуса. Но на каком основании, насколько достоверно? – оставалось без доказательств, снижало радость от приобретения.

Недолгий поиск привел к каталогу одесской выставки 1961 года, вышедшему из печати с некоторым опозданием, годом позднее:

Жінка замислилась.

К., акв. 33,5×25.

З колекції П.Є. Патініоті[*].

Лет через тридцать после описываемых событий удалось приобрести рукописный каталог бывшего собрания Патиниоти. Там было зарегистрировано 14 работ Нилуса, в их числе и рассматриваемая:

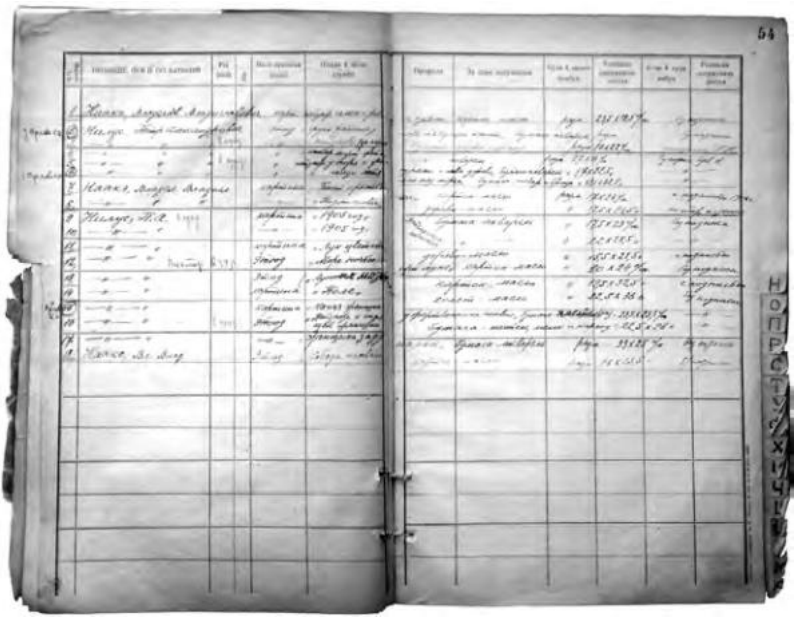

Илл. 3. Каталог коллекции П.Э. Патиниоти

17. Нилус П.А. Этюд «Женщина задумалась»

бумага – акварель разм. 33×25 с/м. без подписи (Илл. 3)

Каталог был начат бывшим владельцем в январе 1960 года и отразил состав коллекции к концу деятельности собирателя.

* Каталог виставки творів художників Г.С. Головкова, П.О. Нілуса, П.Г. Волокидіна, що належать музеям СРСР та приватним колекціонерам. – Одеса, 1962. – С. 29.

Илл. 3а. Разворот рукописного каталога коллекции П.Э. Патиниоти на букву «Н»

Стала объяснима рукописная пометка на обратной стороне акварели:

Н / 17

Это 17-я позиция записи на страницах каталога, отведенных для художников, чьи фамилии начинались буквой «Н»: Нааке и Нилус.

* * *

Кто-то когда-то провозгласил шутливый Закон парных случаев, популярный и поныне среди собирателей. Автору этих строк случилось проверить его действенность на себе… Летом того же 1966 года, когда была приобретена акварель, приписываемая Нилусу, в местном букинистическом магазине предложили за 1 руб. 50 коп. (такие были тогда цены!) достаточно редкую книгу: «Литературно-художествен-

ОДЕССКОЕ
Литературно-Артистическое Общество.

НАШИ ВЕЧЕРА

Литературно-Художественный Сборникъ

Выпускъ I-й

ОДЕССА.
1903.

Илл. 4. Титульный лист сборника «Наши вечера»

ОДИНОЧЕСТВО. Рисун. П. А. Нилуса.

Илл. 5. Репродукция рисунка Нилуса в сборнике

ный сборник «Наши вечера» Одесского Литературно-артистического общества»*, изданный в Одессе в 1903 году (цензурное разрешение от 19 окт. 1902 г.). Здесь были опубликованы рассказы, стихи, статьи столичных и одесских писателей, поэтов, критиков: Ив. Бунина, А. Федорова, К. Бальмонта, Л. Андреева, В. Жаботинского (под псевдонимом Altalena) и др. Украшали издание десять репродукций рисунков одесских художников: Н. Алексомати, П. Нилуса, Н. Лепетича, В. Коренева, Н. Кузнецова, Б. Эгиза, В. Заузе, Т. Дворникова, Е. Буковецкого, С. Кишиневского.

Вернувшись домой с покупкой, новый владелец обнаружил в ней репродукцию рисунка Нилуса** – композицию, аналогичную акварели из собрания Патиниоти на стене собственной комнаты. Реакцию начинающего собирателя графики нетрудно себе представить!

* Наши вечера: литературно-художественный сборник Одесского Литературно-артистического общества. – Вып. 1. – Одесса, 1903. – [8] с.; 137 с.: илл. – Тираж не указан. – Собр. авт.

** Наши вечера <…> – С. [19].

В отличие от эскизной акварели, рисунок в книге (также без авторской подписи) был разработан значительно подробнее: появились черты лица сидящей и ее рука, поддерживающая голову, больше внимания уделено окружающему пейзажу (Илл. 5).

Главное же – подтвердилось *авторство Нилуса*, определилось название работы – «Одиночество», а также ориентировочное время ее создания, не позднее 1902 года (по дате цензурного разрешения на книге).

Очевидно, ни предыдущий владелец акварели – П. Патинioти, ни сотрудники картинной галереи, организовавшие выставку 1961 года и составившие ее каталог, не знали о существовании упомянутой репродукции под названием «Одиночество». Неведение Патиниоти не удивляет, но для работников галереи такой промах вряд ли простителен. Ведь незадолго перед выставкой этот же рисунок из «Наших вечеров» был повторно воспроизведен в напечатанной здесь же, в Одессе, летом 1960 года книжке «Майстри пензля» (см. далее примеч. 2 на стр. 236), автором которой был недавний их коллега из той же галереи В. Афанасьев. О нем нужно непременно вспомнить, ведь он был первым серьезным историографом южнорусской художественной школы.

* * *

Афанасьев Василий Андреевич (1920-2002) – в 1957 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Товарищество южнорусских художников (1890-1922)». С 1985 года – доктор искусствоведения. В 1950-х годах был сотрудником Одесской картинной галереи, затем жил и работал в Киеве. Автор многих публикаций об одесских художниках, в том числе: Афанасьєв В.А. «Товариство південноросійських художників». – Київ, 1961. – 130 с.; 47 л. іл. – 1000 прим.

К сожалению, многие накопленные Афанасьевым материалы по теме исследования оказались тогда не востребованы, так как жесткая официальная идеология 1950-х годов была ориентирована преимущественно на реализм передвижников, с подозрением относилась к новым веяниям в искусстве. К тому же, некоторые ведущие представители одесского «Товарищества» оказались после гражданской войны в эмиграции (вспомним Н. Кузнецова,

того же П. Нилуса, С. Колесникова, Б. Эгиза, Б. Эдуардса...). Лишь через сорок лет собранная Афанасьевым информация нашла применение в одесском издании: Товарищество южнорусских художников: Биобиблиографический справочник / Сост. О.М. Барковская, В.А. Афанасьев. – Одесса, 2000. – 302 с.: илл. – 300 экз.

В преклонных годах Афанасьев с горечью вспоминал свою работу над монографией 1961 года о Товариществе южнорусских художников:

«Книга <...> была отпечатана со словарем членов ТЮРХ, списком экспонентов, именным указателем.

А потом ее кастрировали как рассадник крамолы»*.

В устной же беседе (при встрече в Одессе) Афанасьев добавил, что сохраняет в домашнем архиве экземпляр из того «кастрированного» тиража.

Но вернемся к упомянутому ранее изданию Афанасьева «Майстри пензля». В текстовой части – очерк о пяти южнорусских мастерах, в конце книги – репродукции (9 листов, 18 страниц без пагинации). В главе о Нилусе – беглое упоминание интересующего нас «Одиночества»: «Глубоким сумом сповнена фігура молодої жінки («Самотність», 1902)»**, а среди репродукций в конце книги – воспроизведение известного рисунка из сборника «Наши вечера», но с ошибочной подписью: «П.О. Нілус. Відпочинок. 1896», нужная же подпись «Самотність. 1902» обнаружилась на обороте того же листа, при другом рисунке. Налицо банальная неряшливость издательства.

В капитальном труде В. Афанасьева 1961 года по истории ТЮРХ (см. с. 11) много внимания было уделено, в частности, и П. Нилусу, но конкретного описания «Одиночества» не встретилось.

Спустя два года, в 1963-м, вышла из печати новая книга (точнее сказать – популярная брошюра) Афанасьева, посвященная специально жизни и творчеству Нилуса. Картина «Одиночество» особо не рассматривалась, не репродуцирована, учтена лишь од-

* Письмо В. Афанасьева к С. Лущику от 5.01.2000. – Машинопись, 2 с. – Архив адресата.

** Афанасьєв В. Майстри пензля: (нариси про одеських художників К.К. Костанді, П.О. Нілуса, Б.В. Едуардса, Г.О. Ладиженського, М.Д. Кузнєцова). – Одеса, 1960, с. 37, илл. [6] в конце книги. – Собр. авт., с дарственной надписью Афанасьева художнику Л.Е. Мучнику, 25.VIII.60, г. Киев.

нажды в перечне основных работ: «Перелік основних творів <…> 1902 Самотність. Олія»*.

* * *

В те далекие времена, в конце XIX – начале XX столетий, многие одесские живописцы и скульпторы, члены местного Товарищества южнорусских художников, стремились быть принятыми также и в престижное столичное Товарищество передвижных художественных выставок, получить доступ на их ежегодные выставки в Петербурге и Москве, попытаться завоевать всероссийскую известность. При этом сложилась неписаная традиция: авторы демонстрировали свои новые работы, прежде всего, в столицах, а затем уже дома в Одессе.

Так произошло и с «Одиночеством». Весной 1902-го Нилус представил эту картину в числе нескольких других на жюри очередной выставки передвижников, она была принята, репродуцирована в типографских каталогах, демонстрировалась сперва в Петербурге (в феврале – апреле), затем в Москве (в апреле – мае). Петербургское издание каталога осталось нам недоступным, располагаем лишь московским вариантом**. Во вступительном тексте на с. XI:

П.А. Нилус.

** 96. Одиночество. 64.* <…>;

в альбоме репродукций на с. 64:

64. Нилус, П.А. Одиночество. 160×135.

Техника экспонатов в каталогах не обозначалась. По мнению Афанасьева (см. с. 12) – олія (то есть масло). Впечатляют большие размеры картины, 160×135 см, редко встречающиеся в наследии Нилуса. Репродукция в каталоге, увы, крайне неудачна (видимо, с плохой фотографии): затемнена, дает лишь общее впечатле-

* Афанасьєв В. Петро Олександрович Нілус. – Київ, 1963, с. 38.

** Иллюстрированный каталог XXX выставки ТПХВ: 1902 г. – М., 1902, с. XI, 64. – Собр. авт.

Из текста на с. VII: <…> (Картины, воспроизведения коих помещены в каталоге, помечены *). (Цифры под фототипиями обозначают размер картин в сантиметрах).

ние о композиции, повторяющей в основных чертах и акварельный эскиз, и рисунок в книгах 1903 и 1960 годов, но с отклонениями в подробностях окрестного пейзажа.

В позднейшей литературе о передвижниках зафиксированы три упоминания «Одиночества» в петербургской и московской периодике 1902 года[***].

В ноябре 1902-го XXX выставка ТПХВ прибыла в Одессу на месяц (с 6 ноября по 6 декабря)[****], местные любители искусства познакомились, в частности, и с «Одиночеством». Среди многочисленных одесских рецензий особо интересна одна, где именно этой картине уделено преобладающее внимание:

64

189 × 135.

Одиночество.

Илл. 6. Репродукция картины Нилуса «Одиночество» в каталоге московской выставки ТПХВ 1902 г.

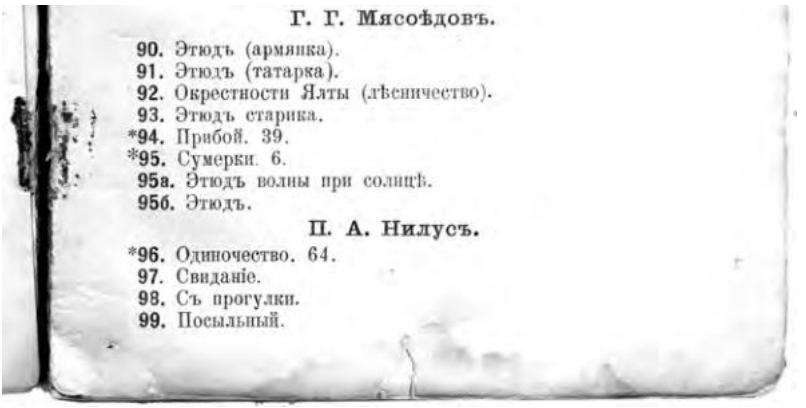
Н. Вучетич. Два слова о XXX-й выставке картин передвижников.

<…> Наши южнорусские художники-одесситы занимают в выставке очень видные места и безусловно обращают на себя внимание своими талантливыми произведениями. <…>

П.А. Нилус дал несколько вещей, из которых мы можем указать в этом беглом очерке лишь на самую интересную из них – на «Одиночество». Картина не лишена разных декадентских и символических новаторств и заблуждений, но в ней тем не менее есть нечто такое, что говорит вам о несомненном таланте художника, способного выразить то, что он задумал даже и при довольно фаль-

*** Бурова Г., Гапонова О., Румянцева В. Товарищество передвижных художественных выставок. – Т. 2. Обзоры выставок в периодической печати. – М., 1959, с. 262-264.

**** Барковская О. Одесса, 1901-1941: выставки, зрелища, концерты // Черный квадрат над Черным морем: материалы к истории авангардного искусства Одессы. XX век. – Одесса, 2001, с. 17.

Г. Г. Мясоѣдовъ.

90. Этюдъ (армянка).
91. Этюдъ (татарка).
92. Окрестности Ялты (лѣсничество).
93. Этюдъ старика.
*94. Прибой. 39.
*95. Сумерки. 6.
95а. Этюдъ волны при солнцѣ.
95б. Этюдъ.

П. А. Нилусъ.

*96. Одиночество. 64.
97. Свиданіе.
98. Съ прогулки.
99. Посыльный.

Илл. 7. Перечень работ Нилуса в каталоге московской выставки 1902 г.

шивых средствах и условностях *нового* [выделено в оригинале] искусства. Уберите из картины все эти условности – символические деревья (до известной степени à la Нестеров), декадентские краски воздуха, облаков, далей и прочего – и вы получите очень поэтичное, чисто элегическое изображение одиночества, так интенсивно ощущаемого среди природы, которой у г. Нилуса в картине довольно и которую он прекрасно чувствует <…>*

Любопытнейший текст! Рецензент, человек зрелого возраста, взгляды которого сформировались еще в XIX столетии, поклонник реализма передвижников. Он бесцеремонно упрекает Нилуса в *разных декадентских и символических новаторствах и заблуждениях, в фальшивых средствах и условностях нового искусства*, но одновременно искренне восхищается картиной «Одиночество» в целом – конечным результатом этих *новаторств и заблуждений*! Парадоксально!

* Театр: газета, посвященная изящным искусствам и спорту. – Одесса, 1902. – 10 дек., вторник. – № 248, с. 1-2.

Вучетич Николай Гаврилович (1845-1912). Писатель, журналист, художественный критик, художник-любитель. Редактор одесской газеты «Театр» в 1896-1902.

Искренняя благодарность Ольге Барковской, предоставившей сведения об этой публикации и ее авторе.

Подобная полемика вокруг постепенной эволюции творчества художника от ортодоксального реализма в сторону *южнорусского импрессионизма* (такой термин появился недавно у современных авторов) не утихала многие годы, вплоть до 1970-х, эпохи советской «борьбы с космополитизмом». Печальный пример тому – упомянутые труды В. Афанасьева.

Тяготение Нилуса к новому стилю зародилось на рубеже столетий. «Одиночество», созданное в 1901 году (XXX выставка передвижников, напомним, открылась в Петербурге в феврале 1902-го), можно считать одним из первых его проявлений. По времени это четко согласуется с приходом эпохи русского Серебряного века: «Яркий период в развитии русской культуры – Серебряный век – продолжался немногим более 20 лет: от зарождения объединения «Мир искусства» в 1898 году и начала его активной деятельности до отплытия из России в 1922 году «философского» парохода, на котором были высланы из страны наиболее известные носители этой культуры»[**].

* * *

На одной из последующих выставок передвижников, XXXII-й, в 1904 году, Нилус демонстрировал в Петербурге и Москве группу новых картин. Как и в предыдущем случае, располагаем только московским изданием каталога[***].

Во вступительном тексте на с. XIII:

П.А. Нилус.

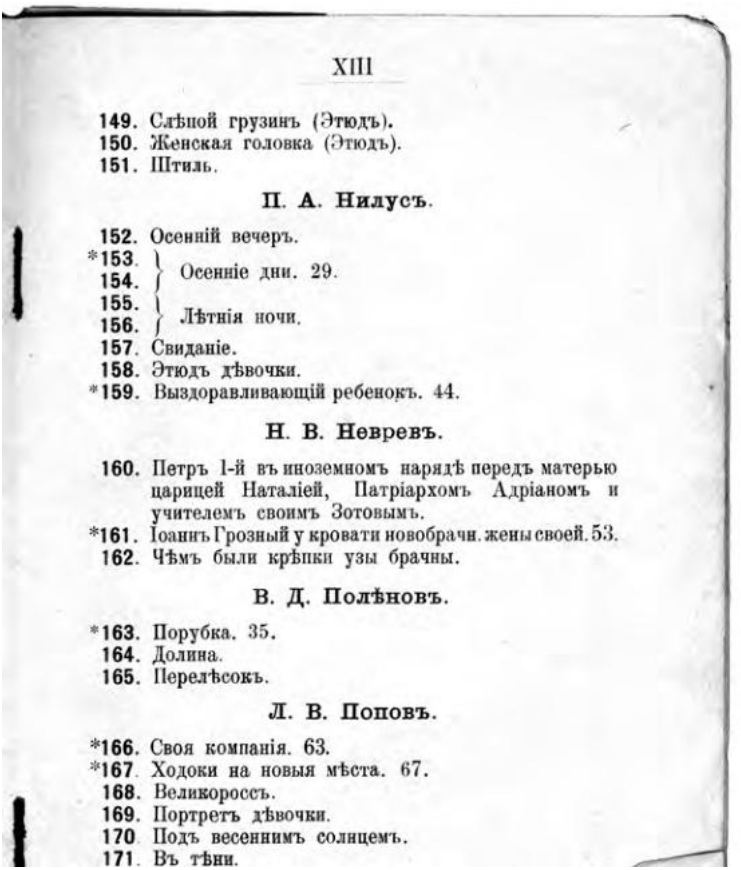
152.		Осенний вечер
* 153.	}	Осенние дни. 29
154.		
155.	}	Летние ночи
156.		

** Злочевский Г.Д. Наследие Серебряного века: Избранные страницы. – М., 2006, с. 23.

*** Иллюстрированный каталог XXXII выставки Товарищества передвижных художественных выставок: 1904 г. – М., 1904, с. XIII; 29: илл. – Собр. авт.

157.	Свидание
158.	Этюд девочки
* 159.	Выздоравливающий ребенок. 44

В альбоме репродукции даны на с. 29 и 44:
29. Нилус П. А. Осенний день. 66×58.
44. Нилус П. А. Выздоравливающий ребенок. 48×44.

XIII

149. Слѣпой грузинъ (Этюдъ).
150. Женская головка (Этюдъ).
151. Штиль.

П. А. Нилусъ.

152. Осенній вечеръ.
***153.** }
154. } Осенніе дни. 29.
155. }
156. } Лѣтнія ночи.
157. Свиданіе.
158. Этюдъ дѣвочки.
***159.** Выздоравливающій ребенокъ. 44.

Н. В. Невревъ.

160. Петръ I-й въ иноземномъ нарядѣ передъ матерью царицей Наталіей, Патріархомъ Адріаномъ и учителемъ своимъ Зотовымъ.
***161.** Іоаннъ Грозный у кровати новобрачн. жены своей. 53.
162. Чѣмъ были крѣпки узы брачны.

В. Д. Полѣновъ.

***163.** Порубка. 35.
164. Долина.
165. Перелѣсокъ.

Л. В. Поповъ.

***166.** Своя компанія. 63.
***167.** Ходоки на новыя мѣста. 67.
168. Великороссъ.
169. Портретъ дѣвочки.
170. Подъ весеннимъ солнцемъ.
171. Въ тѣни.

Илл. 8. Перечень работ Нилуса в каталоге московской выставки 1904 г.

Обратим особое внимание на первые пять работ, отражающих новые стороны творчества художника. На репродукции одной из двух картин с одинаковым названием «Осенние дни» (№ 153 и 154 каталога) обнаружились, к удивлению, знакомые берега того же водоема, что ранее был воспроизведен в «Одиночестве», даже с той же скамейкой. Отличие – в облике стоящей женщины (не исключено, той же, что грустно позировала три года тому в «Одиночестве»).

Илл. 9. Репродукция картины Нилуса «Осенний день» в каталоге московской выставки 1904 г.

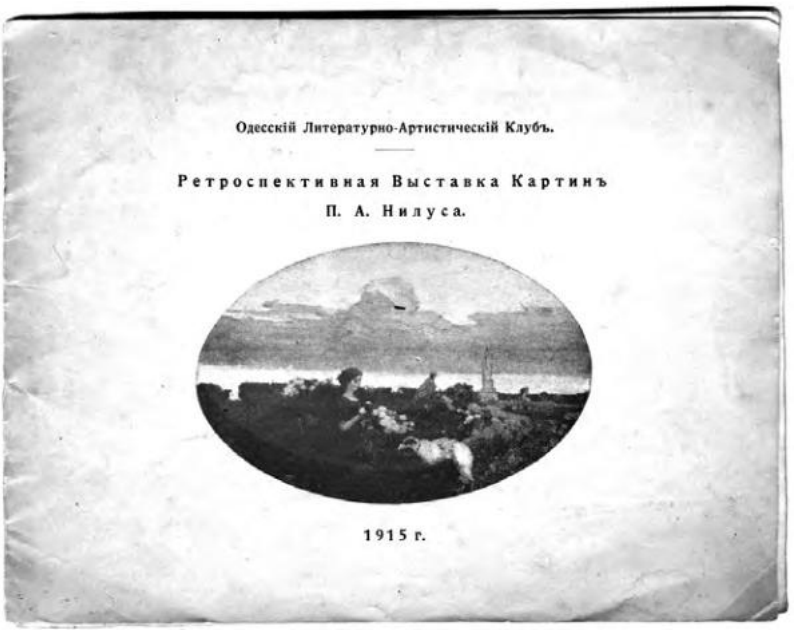
Увы, не удалось нигде разыскать репродукции соседних позиций каталога, № 154-156. Вполне возможно, что мог быть показан единый цикл, вариации одного сюжета при разном состоянии природы.

* * *

В последний раз «Одиночество» демонстрировалось одесской публике летом 1915 года. Обстановка в стране заметно ухудшалась, приближалась первая годовщина с начала мировой войны, до революции оставалось менее двух лет…

12 июня в помещении Литературно-артистического клуба на Садовой, № 18, вблизи Соборной площади, открылась «Юбилейная выставка картин П.А. Нилуса» по случаю 25-летия его художественной деятельности*. В газетах писали: «чистый сбор поступит в пользу беженцев западного края». Художник выразил в печати благодарность за поздравления с юбилеем и отметил:

* Юбилейная выставка картин П.А. Нилуса // Одес. листок. – 1915. – 12 июня, с. 1; 2-3. – без подп.

Илл. 10. Ретроспективная выставка картин П.А. Нилуса: [Каталог]. – [Одесса], 1915. – Обл. – Собр. авт.

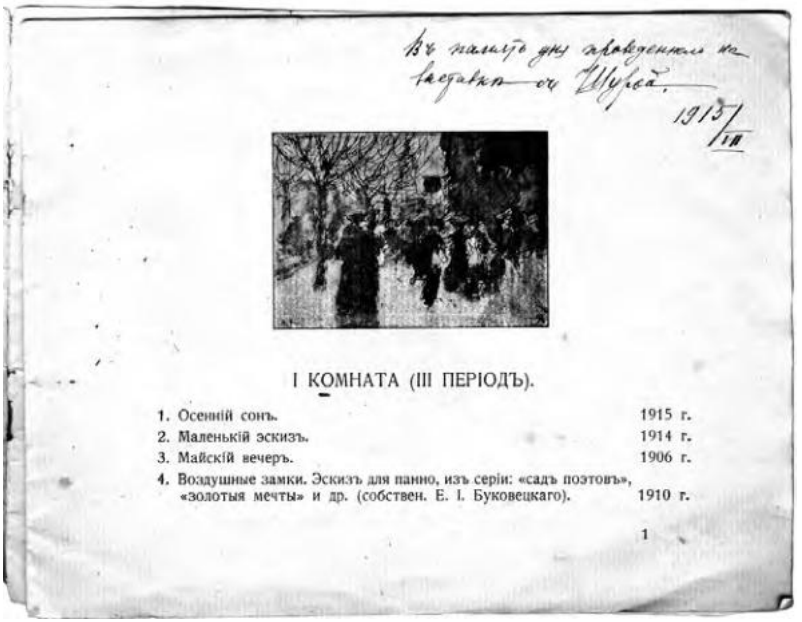
«<...> что же касается до празднования – такового не будет»*. О том же пресса предупреждала и ранее: «От чествования юбиляр уклоняется»** (реакция на военное положение).

К юбилейной выставке отпечатали каталог: изящный буклет на хорошей бумаге, с тремя иллюстрациями, в обложке: Одесский литературно-артистический клуб. Ретроспективная выставка картин П.А. Нилуса. – [Одесса], 1915. – 8 с.: илл.; обл. – на с. 4 обл.: Цена 15 коп. – Дозволено военной цензурой [без даты]. – Тип. С.О. Розенштрауха, ул. Кондратенко, 16. – Собр. авт.

На с. 1 каталога – запись чернилами по старой орфографии: «В память дня, проведенного на выставке с Шурой. 1915/VII» (Илл. 11). Автора записи и персонаж «Шура» расшифровать не удалось.

* Нилус П. Письмо в редакцию // Там же. – 23 июня, с. 4.

** Юбилейная выставка картин П.А. Нилуса // Там же. – 31 мая, с. 3. – без подп.

В память дня проведенного на
выставке — оч Шуся.
1913/
III

I КОМНАТА (III ПЕРІОДЪ).

1. Осенній сонъ.	1915 г.
2. Маленькій эскизъ.	1914 г.
3. Майскій вечеръ.	1906 г.
4. Воздушные замки. Эскизъ для панно, изъ серіи: «садъ поэтовъ», «золотыя мечты» и др. (собствен. Е. І. Буковецкаго).	1910 г.

1

55. Лебеди. Хаджибейскій паркъ (собств. А. В. Васьковскаго).	1906 г.
56. Хаджибейскій паркъ. Этюдъ туй.	1906 г.
57. Яхта. Свѣжій день. Этюдъ.	1898 г.
58. Облака надъ моремъ. Этюдъ.	1905 г.
59. La dent du Midi. Французская Швейцарія.	1908 г.
60. На бульварѣ. Туманный день (собств. А. П. Васьковскаго).	1901 г.
61. Одиночество.	1900—1902 г.
62. Ожиданіе. Эскизъ, пастель (собств. Л. О. Константиновскаго).	1912 г.
63. Іюльскій день (собств. А. А. Руссова).	1898 г.
64. Апрѣль. Садъ въ долинѣ.	1903 г.
65. Ночью въ туманѣ (собств. Л. О. Константиновскаго).	1906 г.
66. Поле и огородъ. Окрестности Одессы.	1913 г.
67. Сумерки. Въ окрестностяхъ Люстдорфа.	1906 г.
68. На берегу моря. Дѣвушки съ лайкой (соб. Е. І. Буковецкаго).	1907 г.
69. Бонна (неоконченная картина).	1904 г.
70. Ночныя облака въ полѣ.	1909 г.
71. Телеграммы.	1904 г.
72. Церковь въ Ботаническомъ саду. Этюдъ.	1903 г.

5

Илл. 11. Там же, с. 1, 5.

Судя по ряду признаков, это чуть ли не единственный сохранившийся в Одессе экземпляр, в ОГНБ пришлось подарить ксерокопию с него.

Учитывая труднодоступность издания, проанализируем его возможно подробнее.

В каталоге описаны 104 произведения, почти все снабжены авторскими названиями (одно исключение – «2. Маленький эскиз»). Почти везде проставлены годы создания: от 1886 до 1915 (без даты – лишь два экспоната: «11. Ночью. Осень в парке»; «21. Луковичное поле. Этюд»). Обратим внимание – текущим, 1915-м, отмечены пять номеров, хотя прошла лишь первая половина года.

Размеры работ нигде не обозначены. Техника названа только изредка, у акварелей и пастели, а основной массив экспозиции (без указания техники), очевидно, – масло.

Упомянуты 16 *этюдов* и 12 *эскизов*, автор посчитал важным включить их в свой юбилейный отчет.

При 33-х экспонатах раскрыты их владельцы из 13-ти частных собраний города, в их числе: Е.И. Буковецкий (шесть номеров), аноним N.N. (пять, все с ранними датами 1886-1889 гг.), А.П. Васьковский (четыре), иные – по три, две, одной картине. Прочие же, без имени владельца, следует думать, – из мастерской автора.

На протяжении выставки время от времени в прессе сообщалось: «Ряд полотен <...> уже приобретены любителями («Майский вечер», «Порыв ветра», «Александровский проспект», «В ботаническом саду», «В Маразлиевском парке», «Туча над морем», «Дремлющий официант» и др.)*; Выставка картин П.А. Нилуса привлекает много публики <...> приобретены еще (г-жой Л.Ф. Анатра) картины: «Ночью», «Осень в парке» и «Апрель, сад в долине». Выставка заканчивается 9 августа»**.

Судя по всему, художник пребывал в расцвете творческих сил, популярность его нарастала (о чем свидетельствует и уровень закупок). Два года подряд (1914 и 1915) он не посылал новые работы на столичные выставки передвижников (43-ю и 44-ю), берег к юбилею.

* Выставка П.А. Нилуса // Одес. листок. – 1915. – 20 июля, с. 4. – без подп.

** [в рубрике Дневник] // Там же. – 30 июля, с. 4. – без подп.

Невзирая на мнение иных современников, критиков и даже коллег-художников, упрекавших Нилуса в измене реализму[***], автор гордился своими живописными достижениями и находками: «<…> был правоверным передвижником целых 13 лет. Затем началась эволюция от крайнего реализма к индивидуализму. Этот период еще не закончился»[****].

В подтверждение сказанному юбилейная экспозиция 1915 года в пяти комнатах Литературно-артистического клуба была выстроена отнюдь не в хронологической последовательности! В первой и второй комнатах, откуда посетители начинали обзор, сосредоточены преимущественно плоды *эволюции к индивидуализму*, вплоть до текущего 1915-го. В каталоге это назвали «III периодом». Старые работы передвижнического толка разместили в четвертой и пятой комнатах, обозначенных как «I период». А в средней третьей комнате оказались свидетельства постепенной *эволюции* («II период»).

Таким образом, 104 экспоната выставки сознательно представлены с нарушением хронологии, по творческим периодам: сперва показывали *третий*, самый современный и самый эффектный, гордость автора (38 номеров); за ним – *второй*, переходный (36); а в конце (как некая биографическая справка) – ранний *первый* (30). Такую особенность тотчас же по открытии выставки подметил один из газетных рецензентов: «Матерьял систематизирован, расположен по периодам творчества <…> Настоящий Нилус не в начальном передвижническом его периоде: Нилус отнюдь не добросовестный рассказчик жизненной суеты, отнюдь не протоколист мелких происшествий. Его «Встреча» или «Перед отъездом на родину» вовсе не характерны для него <…> Нилус не протоколист в стиле старых передвижников, он – поэт, для которого важны не литературные, а чисто художественные сюжеты <…> самый поэтический и интересный – третий период (комнаты I и II). Здесь собраны подлинные художественные богатства»[*****].

*** Соответствующие негативные цитаты из газетных рецензий и писем друзей были целеустремленно подобраны в упоминавшихся ранее книгах В. Афанасьева начала 1960-х годов.

**** Нилус П. Автобиографическая заметка // Одес. листок. – 1915. – 13 июня, с. 2.

***** Райский Б. Ретроспективная выставка картин П.А. Нилуса // Одес. листок – 1915. – 13 июня, с. 2.

В тексте Б. Райского красной нитью проходит противопоставление творчества позднего *настоящего Нилуса* раннему передвижническому. Перед нами скрытая, без отсылок, полемика с рецензией Корнея Чуковского, опубликованной в Одессе осенью 1904 года, где Чуковский декларировал обратное: Нилус, дескать, оставался *настоящим* как передвижник, но позднее, к 1904-му, стал *ненастоящим*. К точке зрения Чуковского активно присоединился в 1963 году В. Афанасьев, обильно его цитируя*.

Внутри каждого из периодов каталога также не ощущаем никакой хронологической последовательности, произведения распределены в экспозиции, можно думать, по эстетическим соображениям. Так, в первой же от входа комнате рядом с двумя новейшими картинами текущего 1915 года обнаруживаются: «3. Майский вечер. 1906 г.», десятилетней давности, затем «Воздушные замки. Эскиз для панно <…> 1910 г.»… Возможно, они гармонировали по своим живописным решениям.

Всего к новейшему III периоду отнесено художником 36 экспонатов 1903-1915 годов и два недатированных. Основной массив – 31 картина за 1910-1915 годы (1910 – 5 номеров, 1911 – 4, 1912 – 5, 1913 – 2, 1914 – 10, 1915 – 5). К ним добавлены еще пять за предыдущие годы, 1903-1909 (по одной за 1903, 1904, 1905, 1906 и 1909), основная же продукция оставлена во *II периоде, в комнате III.* Таким образом, декларированный самим мастером III период оформился, по сути, с 1910 года.

Под второй, переходной этап – *эволюцию от крайнего реализма к индивидуализму* – отвели третью комнату, собрав здесь 36 номеров: одну работу 1896 года, затем четыре 1898-го, а с 1900-го – регулярно каждый год от одной до девяти (в 1906), вплоть до одной в текущем 1915-м. Как видим, даже накануне юбилейной выставки Нилус все еще отдавал дань своему давнишнему реализму.

Наконец, в последних двух комнатах выставки оставили 30 сюжетов *первого периода – крайнего реализма*, завершив его 1902 годом.

Любопытно ощутить, даже заочно, почти через столетие, личное отношение художника к перипетиям собственного творчества.

Картина Нилуса «Одиночество», объект данных разысканий, фигурирует в юбилейном каталоге 1915 года среди работ *второго периода* творчества: «61. Одиночество. 1900-1902 г.»**.

* Афанасьєв В. Петро Олександрович Нілус. – Київ, 1963, с. 18.

** Ретроспективная выставка картин П.А. Нилуса. – [Одесса], 1915, с. 5.

Очевидно, она продолжала оставаться во владении автора: то ли не нашлось покупателя, то ли была чем-то дорога художнику – как важная веха в эволюции мастерства(?) или как портрет близкого человека(?).

Обращает внимание необычная, растянутая на три года датировка: *1900-1902* (в каталоге всего два подобных случая). Поскольку произведение впервые демонстрировалось публике в Петербурге в начале 1902 года (открытие – 24 февраля) было бы вернее предположить завершение ее *в конце 1901-го* (с учетом времени на упаковку, транспортировку из Одессы в Петербург, изготовление рамы). Весь же 1902 год «Одиночество» провело в переездах и на выставках: в Петербурге, затем в Москве, а в ноябре – в Одессе. А к 1900-му году относится, возможно, начало работы, в том числе подготовительные наброски: рисунок в сборнике «Наши вечера» (см. Илл. 5) и акварельный эскиз, публикуемый ныне (Илл. 1).

Дальнейшую, после 1915 года, судьбу «Одиночества» проследить не удалось. Можно предположить – после юбилейной выставки работа вернулась в мастерскую автора. А через два года – революции, гражданская война, смена властей, эмиграция Нилуса, советская власть с террором и экспроприациями, вторая мировая война, оккупация Одессы румынскими войсками (1941-1944), снова советский террор, распад государства. Всякое могло случиться с бесхозной картиной за последующее почти столетие… В доступной нам литературе никаких дополнительных упоминаний об «Одиночестве» не обнаружилось, хотя интерес к творчеству Нилуса возрос за последние годы необычайно.

* * *

В 1973 году в Одесском художественном музее прошла выставка новых поступлений за 1965-1972 годы. В изданном каталоге упомянута одна работа П. Нилуса:

Поле. 1914. Б., пастель. 50×65,2.
Приобр. в 1969 г. у Н.Г. Никипровецкого. Одесса[***]

*** Выставка дореволюционного украинского, русского и советского искусства из новых поступлений 1965-1972 гг.: каталог / Сост. А.Н. Шистер; Од. худ. музей. – Одесса, 1973, с. 18. – Работа описана также в каталоге музея 1997 г. – см. ранее, примеч. 3 на стр. 228.

Вскоре случилось познакомиться с бывшим ее владельцем. Пожилой, интеллигентный, как тогда характеризовали – «из бывших», Николай Георгиевич (или Григорьевич?) Никипровецкий разговаривал сдержанно, о себе не распространялся. Пояснил, что картина ранее принадлежала его тетке, Татьяне Михайловне Быстрицкой, которая до революции занималась перепечаткой на пишущей машинке рукописей разных одесских литераторов, в их числе и Нилуса, оставалась много лет в дружеских отношениях с художником, позировала для его картины «Одиночество».

Упоминание об «Одиночестве» натолкнуло на дальнейшие расспросы. Было сказано, что Татьяна Михайловна – вдова офицера русской армии, погибшего в годы первой мировой войны [1914-1918], год ее рождения – «примерно» 1866-й, а умерла она «от голода» в период оккупации Одессы румынскими войсками [16 октября 1941 – 10 апреля 1944]. Жила на Садовой улице в доме № 5. Девичья фамилия Татьяны Михайловны в разговоре не была названа, о дальнейшей судьбе «Одиночества» речь не зашла…*

Н. Никипровецкий подарил небольшую фотографию тети: в зрелом возрасте, форматом 6,7×4,2 см, по-видимому, заказанную для какого-то документа. На обратной стороне просматривается слабый оттиск чернилами круглой печати: «Фотографія Садовая 7»** [в соседнем доме!]. Судя по всему, ее можно датировать послереволюционными 1920-ми годами.

Спустя год-другой Н. Никипровецкий уступил автору этих строк сохранявшийся у него каталог юбилейной выставки Нилуса 1915 года (см. Илл. 10-11).

Прошло немного лет, на кладбище была обнаружена свежая могила со скромной табличкой:

Никипровецкий Николай Георгиевич
Ск. 5.1.1980***.

* Запись разговоров с Н.Г. Никипровецким. Январь 1975 г.

** См. илл. 12. Собр. авт.

*** Второе кладбище. 1-й участок, слева от главных ворот: несколько погребений в одной ограде. Позднее рядом с Н. Никипровецким появилась могила его жены: Никипровецкая Лидия Николаевна <…> 1994.

Илл. 12. Фото Т.М. Быстрицкой. Одесса, [1920-е]. Лицо, надпись на обороте. – Собр. авт.

В местных печатных источниках встретилось немало упоминаний о жителях с фамилией Быстрицкие. К примеру, в медицинских справочниках 1914 и 1922 годов фигурирует врач-терапевт Быстрицкий Я.Л. Успенская, 16[****].

Многие репрессированные Быстрицкие названы в публикациях Одесского мемориала:

<…> Василий Авксентьевич 1902 [г. рожд.]. 3 года ссылки.

<…> Иван Самсонович 1883. 3 года ИТЛ.

<…> Петр Самсонович 1881. 5 лет ИТЛ.

<…> Степан Аксентьевич 1904. 4 года ИТЛ[*****].

**** Медицинский справочник г. Одессы / Сост. М.Н. Гольденберг. – Одесса, 1922, с. 39.

***** Одесский мартиролог. – Т. 1. – Одесса, 1997, с. 87.

<…> Владислав Иванович 1903. Освобожден*.

<…> Авксентий Тимофеевич – [Номер дела] 23921.

<…> Василий Тимофеевич – <…> 23927**.

<…> Герш Янкелевич, 25 [лет], Леккерта 121, без особых занятий.

<…> Бина Ароновна, 24, Леккерта 121, жена***.

Соотнести конкретно кого-либо из упомянутых с Татьяной Михайловной либо ее семьей нет никаких оснований, хотя по возрасту сыном ее мог бы оказаться, скажем, врач Я.Л. Быстрицкий, который, в свою очередь, судя по возрасту и инициалам, мог бы быть отцом «лишенца» Герша Янкелевича… Но это всего лишь беспочвенные предположения без доказательств. Не забудем, что фамилия Быстрицких широко распространена и в Одессе, и за ее пределами (в Интернете насчитывается ныне порядка двухсот подобных однофамильцев).

* * *

В последнее время стараниями В.А. Абрамова**** введено в научный оборот свыше сотни личных писем П. Нилуса, хранящихся с 1950-х годов в киевских музеях и архивах.

Первая из публикаций вышла из печати в декабре 2007 года: В.А. Абрамов. Письма П.А. Нилуса Е.И. Буковецкому: 1908-1917*****.

---

* Одесский мартиролог. – Т. 2. – Одесса, 1999, с. 57.

** Одесский мартиролог. – Т. 4. – Одесса, 2006, с. 67-281. Алфавитный список спецпоселенцев. – С. 163.

*** Так начиналось. Раскулаченные и лишенные права голоса на Одесщине, 1920-1926 / Сост. С.Г. Матвеева. – Одесса, 2007, с. 609-669. Список лиц, лишенных избирательных прав голоса и не занесенных в черный список № 1 – выявленных районами милиции по г. Одессе в 1925-1926 годах. – С. 641, 642.

**** Абрамов Виталий Алексеевич (рожд. 1946 г.) – директор по научной работе (с 2012 г. – директор) Одесского художественного музея, автор многих работ по истории местной художественной жизни двадцатого столетия.

***** Дом князя Гагарина: сборник научных статей и публикаций. – Вып. 4. – Одесса, 2007, с. 105-140: илл.

Буковецкий Евгений Иосифович [Осипович] (1866-1948) – одесский художник, член ТЮРХ, близкий друг Нилуса, который многие годы жительствовал в особняке Буковецкого, имел здесь свою мастерскую.

Даны тексты 38 писем и почтовых открыток Нилуса в Одессу из разных поездок и путешествий по России и за рубежом (Петербург/Петроград, Москва, дача на Большом Фонтане, Смирна, Катанья, Рим, Мессина, Амстердам, Кельн, Париж).

Письма переполнены интереснейшей информацией обо всем увиденном и услышанном: выставки, посещения музеев, театров, литературных вечеров, встречи с художниками и литераторами, поиски и покупки антиквариата, памятники истории в зарубежных местах… И все сопровождается личными высказываниями и характеристиками – ведь Нилус был не только художником, но и литератором, критиком, с собственными вкусами и пристрастиями.

В феврале 1917 года Нилус отправился в Петроград, отвез свои работы и заказал рамы к предстоящему открытию очередной, 45-й, выставки передвижников. Провел в столице, судя по датам писем, свыше 20 дней, опубликовано десять его обстоятельных писем и кратких почтовых открыток с информацией о проведенных в столице днях.

В одном из писем, от 16.II.1917, обнаружилось поручение Нилуса Буковецкому, имеющее непосредственное отношение к теме наших изысканий: «Будь добр, тотчас позвони к моей приятельнице Татьяне Михайловне Быстрицкой, меблированные комнаты Диаманта, и спроси, получила ли она мои письма и отчего не отвечает. Сообщи адрес: Передвижная выставка. Она меня ревнует к Лике»[******].

В следующем письме, от 18.II.1917, встретилось еще одно беглое упоминание о неизвестной Лике: «Сегодня с большим наслаждением смотрел французов в Эрмитаже <…> А вчера смотрел голландцев, и, как нарочно вечером с Ликой в институте гр. Зубова, где назначена лекция как раз о голландцах».[*******]

Отъезд Нилуса из Петрограда совпал с началом Февральской революции и крушением императорской власти России, но в опубликованных письмах это событие не отражено.

Оригиналы писем хранятся в Киеве в отделе рукописных фондов Национального музея Украины с 1956 года, поступили от вдовы Е. Буковецкого (фонд № 13).

****** Абрамов В.А. Письма П.А. Нилуса Е.И. Буковецкому: 1908-1917 // Дом князя Гагарина: сборник научных статей и публикаций. – Вып. 4. – Одесса, 2007, с. 136.

В комментарии В. Абрамова – ремарка: «4. Лика – личность не установлена».

******* Там же, с. 137.

В январе 2009 года появилось, наконец, долгожданное многострадальное издание Одесского художественного музея: Петр Нилус. Письма из эмиграции, 1920-1937*, со вступительными статьями и обстоятельными комментариями.

Нилус, как известно, покинул Одессу навсегда на пароходе «Витязь» 24 декабря 1919 года (по старому летосчислению, что соответствует 6-му января 1920-го по современному). Прибыл в болгарский порт Варну, вскоре переехал в столицу Болгарии Софию**. Там были им написаны два письма, адресованные Буковецкому, условно датированные апрелем-маем 1920-го. Оба послания попали в большевистскую Одессу окольными путями, с оказией:

Пишу эти строки на всякий случай – чтобы не быть захваченным врасплох, когда явится возможность доставить письмо в Одессу;***

<…> сейчас нужно отдать письмо едущему в Россию, хотя и не верю, чтобы оно дошло.****

В обоих письмах упомянута вскользь одна и та же личность, некто Т. М.:

<…> никому, исключая тебя и Т. М., писем я не писал.*****

В. Абрамов резонно предположил, что в письмах под «Т. М.» зашифрована Татьяна Михайловна Быстрицкая******, уже фигурировавшая ранее в письме 1917 года в предыдущей публикации того же Абрамова*******.

О возможных письмах Нилуса за 1921 и 1922 годы в цитируемой книге не упоминается, то ли он не писал тогда вовсе, то ли почта не доходила до Одессы. А начиная с февраля 1923-го идет многолетний регулярный обмен информацией. В письме Буко-

* Петр Нилус. Письма из эмиграции: 1920-1937 / Сост. В.А. Абрамов, Л.А. Еремина ; отв. ред. О.М. Барковская ; Одес. худож. музей. – Одесса: Изд-во «Optimum», 2008. – 296 с.: илл. – Тираж 300 экз.

** Там же, с. 36-37.

*** Там же, с. 44.

**** Там же, с. 52.

***** Там же, с. 44, 52.

****** Там же, с. 47-48; примеч. 5. Дана ссылка на информацию С. Лущика. Но дата рождения в примеч. 5 приведена неточно: <…> Быстрицкая (1866-?), а в записях разговора С. Лущика с Никипровецким (янв. 1975) сформулировано осторожнее: год рождения – примерно 1866 (см. ранее).

******* Абрамов В.А. Письма П.А. Нилуса Е.И. Буковецкому: 1908-1917 // Дом князя Гагарина : сборник научных статей и публикаций. – Вып. 4. – Одесса, 2007, с. 136.

вецкому от 5 марта 1923-го из Югославии снова возникает Татьяна Михайловна: «Будь добр, дай Татьяне Михайловне кардиган, да выбери получше <…> Если разживусь деньгами, тотчас же пошлю посылки: Прасковье Осиповне и тебе»[********].

Судя по этому и последующим письмам, Нилус время от времени помогал бедствующим одесским друзьям одеждой и продуктами питания.

В начале 1924 года Нилус прибыл в Париж, остался здесь навсегда. Приведем фрагмент одного из его писем Буковецкому, от 12 октября 1924-го: «Ты получишь из Москвы акварель и кое-какие вещи для Прасковьи Осиповны, которую поцелуй за меня. Узнай, пожалуйста, про Татьяну Михайловну (Садовая 5, кв. 6), побывай у нее и расскажи обо мне все, исключая женитьбу, которая, по выражению Семена: «на крейдочку», т. к. мы не венчаны. Будь здоров, целую крепко. П. Нилус»[********].

Обратим внимание: указанный Нилусом одесский адрес Татьяны Михайловны (Садовая, 5) совпадает с адресом, названным при разговоре Н. Никипровецким!

Это было последнее из опубликованных писем Нилуса, где упомянута Т.М. Быстрицкая. Переписка же Нилуса с Буковецким продолжалась до середины мая 1937 года, когда резко оборвалась. В Одессу пришла полоса страшного террора, печально известной «ежовщины».

Казалось бы, беглые бытовые упоминания имени Т. Быстрицкой в переписке Нилуса на протяжении восьми лет никак не связаны с творчеством художника и не должны представлять интереса для современного исследователя. Но они подтвердили безусловную достоверность рассказа Н. Никипровецкого о причастности Татьяны Михайловны к созданию картины «Одиночество», о которой идет речь в данной статье.

Июнь 2009

******** Петр Нилус. Письма из эмиграции. – Одесса, 2008. – С. 60 (см. примеч. 42).

Прасковья Осиповна – сестра Е. Буковецкого.

******** Там же, с. 96.

Семен – писатель Семен Соломонович Юшкевич (1868-1927), один из близких приятелей Нилуса.

Людмила Сауленко

Возвращение к «Святому Луке»

Адриан ван дер Верф. «Снятие с креста»

«Habent liberi sua fatum» – «книги имеют свою судьбу», утверждали древние. Можно смело утверждать: и картины тоже. У каждой из них свой фатум, своя история, своя предыстория. Оказавшись в некий счастливый (именно счастливый – утверждаю со всей ответственностью) момент своего бытия в музейном собрании, картина обретает новое качество: она становится экспонатом. А стать экспонатом означает внесение в книги учета, фиксацию в раз и навсегда утвержденных документах, которые требуют однозначных ответов на задаваемые каждому «постоянному жильцу» музея вопросы. Вопросы эти составляют нечто вроде приснопамятного личного листка по учету кадров, где не может быть утаена никакая информация, кою должно подтвердить документально. Когда и где родилось произведение, кто «родитель» (автор), а главное – как складывалась его дальнейшая судьба до поступления в коллекцию музея. Каждая информационная лакуна таит угрозу: а вдруг в этот период с произведением что-то произошло?! Что именно? Да что угодно, вплоть до замены подделкой, а чаще всего – по-

тери имени автора, прежнего названия, предыдущей истории бытования. Недаром Поль Валери назвал когда-то произведения искусства брошенными детьми, у которых умерла мать.

Среди самых известных произведений коллекции Одесского музея западного и восточного искусства всем известны «Святой Лука» и «Святой Матфей» кисти великого голландского живописца XVII века Франса Хальса. Блистательная техника a la prima, предвещающая открытия импрессионистов, новаторская трансформация жанров (религиозного жанра в бытовой, а бытового в портретный) – все это открытия Хальса, оцененные гораздо позже. Но о них легко можно узнать из любого учебника по истории искусств, а о судьбе «одесских Хальсов» прочесть в путеводителе по музею. Путеводители, заметим, отличаются тем, что им, с точки зрения музейного зрителя, известно о произведении все (а что сверх того, то уже от лукавого). Любой путеводитель ОМЗиВИ поведает вам, что картины Хальса попали в нашу коллекцию из Музейного фонда, а в него были переданы в первые советские годы из какой-то церкви на юге бывшей Российской империи. Экскурсовод непременно добавит к этому увлекательный рассказ о том, как в начале 60-х годов прошлого века ленинградский искусствовед, сотрудница Государственного Эрмитажа Ирина Линник обнаружила в эрмитажном рукописном музейном каталоге XVIII века сведения об этих картинах. Оказывается, они были когда-то приобретены на аукционе в Голландии, отправлены в Россию, поступили в Эрмитаж, а оттуда по приказанию императора были отосланы в Новороссию «для украшения католических храмов Херсонской епархии».

Казалось бы, сведения исчерпывающи… но только на первый взгляд. Как и когда картины были отправлены в наши края? Сколько их было – четыре, как указано в каталоге, или же в той «высочайшей посылке» были еще какие-то произведения? Как сложилась их судьба? Картин Хальса четыре, две из них ныне в Одессе. «Святой Марк» предлагается к продаже в Германии, «Святой Иоанн» ныне собственность музея в Лос-Анджелесе. А если в той эрмитажной «посылке» были и другие произведения, не попали ли и они в коллекцию нашего музея? Вопросов много, но ответов на них, увы, нет…

Однако бывают в музейной жизни неожиданные подарки судьбы. Минувший год прошел для меня под знаком архива. Много часов, и замечательно полезных и увлекательных часов, провела я в Одесском областном архиве, что на улице Жуковского. Красивое здание бывшей синагоги в угрожающем состоянии, теснота, многолетние надежды на переезд в более подходящее помещение (пока осуществившиеся лишь частично) – это все наши привычные суровые будни, одинаковые у архива и музея. Но как квалифицированны и внимательны архивисты (молодые! образованные!), какая замечательная Лилия Григорьевна Белоусова, заместитель директора по научной работе, чьей обширной эрудицией я пользуюсь не первый год. Спасибо им сердечное за те крупицы истины, которые удалось выловить и тем самым прояснить некоторые темные места в истории нашей коллекции.

Просматривая путеводители по архивным фондам, всегда отмечаешь, где может быть хоть что-то важное для тебя, хоть какой-то штришок к разыскиваемой информации. Дошла у меня очередь и до фонда 93, опись 1, дело 167 «Одесское общество истории и древностей», 1812 год. Привожу текст (публикуется впервые):

«Милостивый государь мой Эммануил Осипович!

По высочайшему его императорского величества соизволению отпущены в новороссийские католические церкви под расписку визитатора – каноника Николь из Эрмитажа тридцать икон <…>

Извещая о сем Ваше превосходительство и прилагая два реестра отпущенным иконам и материям, я прошу покорнейше Вас, милостивый государь мой, по доставлении вещей сих не оставить меня уведомлением.

Честь имею быть с исполненным почтением Вашего превосходительства покорнейший слуга князь Александр Голицын С.П.бург

№ 231 апреля 13 дня 1812

Его превосходит. е. о. Дюку де Ришелье».

На следующем листе заглавие «Реестр картинам, (отправляемым? – утрачено) государем императором в католические церкви, что в Новороссийских колониях» и названия тридцати

произведений. В большинстве указаны инвентарные номера эрмитажного каталога, материал, техника, проставлены размеры в аршинах и вершках. В том списке и четыре картины Хальса. Номера, легко читаемые на них, – это номера каталога Миниха. В документе упомянуты князь Голицын – главноуправляющий делами иностранных вероисповеданий и каноник Доминик Шарль Николь. Обратим внимание на последнего. Д.Ш. Николь (1758-1875) – аббат, директор Ришельевского лицея, с 1811 года визитатор римско-католических приходов Новороссийского края, то есть лицо, уполномоченное инспектировать означенные приходы, сподвижник и конфидент герцога Ришелье, инициатор преобразования Одесского благородного института в лицей (сведения из книги Олега Губаря «Автографы Одессы», с. 270.). Каноник Николь покинул Одессу в начале 1820 года в связи с запретом функционирования ордена иезуитов в России. Он получил назначение ректором Парижской академии, был духовником короля Карла X. Николь оставил след в истории одесского книгоиздательского дела: первой вышедшей в молодом городе Одессе книгой считается «Начертание правил воспитания в обоих одесских благородных институтах», напечатанная в Одессе в 1814 году, подготовил это издание аббат Николь.

Но вернемся к архивному документу из фонда Одесского общества истории и древностей. Какие имена в том списке! В нем значатся кроме картин Хальса еще и копии с Рафаэля, Рубенса, Ван Дейка, «Венецианской и фломанской (так!) школ». Значится, правда, среди них и некий «Джордано Бруно» – явно писарь так трансформировал Луку Джордано, уж простим ему невежество и рассеянность. Этот список, составленный в начале XIX века, является еще и документом, повествующим о вкусах эпохи. Из царской коллекции (а Эрмитаж был частной коллекцией императорского дома, находился в ведении министерства двора) отобраны для отправки в провинцию копии с великих мастеров и оригиналы, считающиеся работами менее ценными. Значит, Франс Хальс в начале позапрошлого века не входил в категорию великих, и одесский список об этом прямо свидетельствует. Попутно спросим себя: а кто же из голландцев, судя по списку, числился тогда в России великим? В списке всего одна копия с голландского

Архивное дело со списком работ, переданных в Одессу

художника. К сожалению, инвентарный номер не указан (возможно, в хранительских документах Эрмитажа эта работа не значилась, как и еще 8 из списка). Кто же он, голландский живописец, удостоенный чести быть скопированным в одном ряду с Рафаэлем и Ван Дейком? Боюсь, что даже любитель старой европейской живописи не сразу вспомнит это имя. Сегодня он померк не только рядом с Рембрандтом, но и с Хальсом. Адриан ван дер Верф, голландский живописец, родился в 1654 г., умер в 1722. Блестящий академист, высоко ценимый в восемнадцатом и девятнадцатом веке, – только в коллекции Императорского Эрмитажа было три (!) его картины «Положение во гроб». Мастер, несчетное количество раз копированный как истинный пример для академических штудий. Вот почему его работа оказалась в столь престижном соседстве.

Впрочем, блистать ван дер Верфу осталось недолго (в масштабах истории, конечно). Ровно через 90 лет в путеводителе «Картинная галерея Императорского Эрмитажа с объяснительным текстом П.В. Делярова», изд. М.О. Вольфа, СПб., 1902 г., на странице 170 читаем о голландской живописи конца XVII – начала XVIII века следующее: «Шаловливая муза Браувера, Адриана ванн Остаде и Стэна попала из веселого уютного кабачка в скучную академию ван дер Верфа и собратий и умерла в ней… от холода и скуки». Новые времена, новые кумиры открылись в голландской живописи двадцатому веку, и он отвернулся

от академического любимца века девятнадцатого, так прилежно копировавшего этого мастера. Одна из копий с его «Положения во гроб» есть и в Одесском музее западного и восточного искусства (см. фото). Живопись маслом на металле (медная доска) сохранилась с утратами, но профессиональный уровень оригинала копия предает, и никак не скажешь, что это «с живой картины список бледный». В музейной документации сведения о картине однозначны: копия с Адриана ван дер Верфа, «Положение во гроб». Однако в списке Голицына тоже указана копия с картины ван дер Верфа с таким же названием (полностью – «Положение во гроб тела Иисусова». Размер картины 14 вершков шириной на 11,5 вершков. В переводе в сантиметры это равняется 62×51 см (погрешность в пределах 1 см). Одесская картина по записи в инвентарной книге имеет размеры 64×51,3 см. Не слишком ли много совпадений? Тот же автор оригинала, тот же сюжет и название, разница лишь в 2 см по одной стороне. Неужели в самом деле нам досталась картина из того самого «списка Голицына», где впервые значатся как перевозимые из Эрмитажа на юг «Святой Лука» и «Святой Матфей» Франса Хальса? Формальных совпадений слишком много, чтобы с ходу отбросить эту версию. Может быть, ее когда-нибудь прояснят архивы Эрмитажа, документы 1812 года. Ведь именно список, составленный в 1812 году, позволил нам получить дополнительные сведения о том, как у нас оказался прославленный ныне «Святой Лука». Значит, надо искать, искать, искать – и да здравствуют архивы!

Алена Яворская

«Вот я и в Париже – первом городе мира…»

В представлении обывателя сатирик – человек худой, желчный, раздражительный и замкнутый. Обитает он то ли в подвале, то ли на чердаке, семейная жизнь у него напрочь отсутствует.

В такую картину Илья Ильф и Евгений Петров никак не вписываются. Да, они были сатириками – замечательными, гениальными, удачливыми. Последнее качество, вообще-то, для советских сатириков не очень характерно (даже для тех, кто активно колебался вместе с линией партии).

Им повезло с местом рождения, как, впрочем, и всем, кто родился в нашем городе. Повезло с соавторами (причем каждому отдельно). Повезло влюбиться – однажды и на всю жизнь.

Их книги издавали и читали – это далеко не всегда совпадает. Ильфа и Петрова переводили на польский, французский, английский, немецкий, японский, испанский, голландский, норвежский и даже китайский – еще при жизни авторов. По мотивам «12 стульев» – опять же еще при жизни – были сняты два фильма: в 1933 совместно Польшей и Чехословакией, в 1938 в Германии (правда, в немецком фильме в титрах не указаны фамилии авторов первоисточника).

Везло им и в том, что они были, как позже скажут, «выездными». Италия, Турция, Греция, Польша, Австрия, США, Мексика – впечатляющий и в наши дни список. А уж в тридцатые!.. Есть одно «но»: они ездили не как частные лица, а как корреспонденты советских газет.

Зарубежную жизнь глазами Ильфа и Петрова увидели читатели «Правды» и «Огонька». Но это написано для всех. А о том, как видели Илья и Евгений улицы Парижа и Нью-Йорка, они писали в частных письмах – любимым женам.

В 1933 после похода кораблей Черноморского флота (с заходом в Турцию, Грецию и Италию) соавторы из Рима через Вену (где рассчитывали получить гонорар за издание «12 стульев» на немецком языке) отправились в Париж. Через десять лет Ильф встретился со своим старшим братом – Сандро Фазини, художником и фотографом, эмигрировавшим во Францию (именно поэтому Ильф «втрое богаче»).

Петров. Фото Ильфа

Оба много и часто писали женам из Франции. Письма Ильфа Марусе Тарасенко опубликованы в книге, составленной Александрой Ильф, «Письма не только о любви». А вот те, что писал Петров Вале Грюнзайд, практически не публиковались, большинство мы читаем впервые.

19/XI 1933
Париж
Дорогая, горячо любимая козочка!

Вот я и в Париже – первом городе мира. Надо тебе сказать, что сидя в этом действительно замечательном городе, я думаю только об одном – о том, что от тебя до сих пор нет писем. Не могу понять, что произошло. Иля все время получает письма и телеграммы от Маруси, а я хоть бы хны! Ведь я просил тебя, коза, послать телеграмму. Сам я не посылаю телеграмм по вполне понятной причине – дорого (Иля – другое дело. Он чуть ли не втрое богаче меня). Если и сегодня ничего от тебя не получу (сейчас я иду в постпредство), тогда просто не буду знать, что и делать, – наверное, выеду в Москву. Впрочем, так или иначе, а к 1-му декабря, по всей вероятности, отправимся домой. Положение может измениться только в том случае, если мы получим

Петров. Фото Лангмана

деньги (на это надежд очень мало). Тогда на неделю поедем в Лондон. Попрактикуюсь в английском языке. Сейчас я его почти позабыл. В голове отчаянная смесь из турецкого, греческого, итальянского, немецкого и французского.

Париж, кошечка, огромен и, тем не менее, прост. В первый же день по приезде мне показалось, что я был в нем уже несколько лет – настолько он известен мне по французской литературе. Если помнишь, нет такого французского писателя (разумеется, из известных нам), который не описывал бы свой Париж.

Деятельность моя здесь заключается главным образом в том, что я брожу по городу пешком, езжу в метро и в автобусе. Хочется все увидеть, ничего не пропустить, все запечатлеть на всю жизнь. И ведь знаешь, что это невозможно, что видение это исчезнет (и очень скоро исчезнет), но не можешь этому поверить.

Итак, нежно и крепко любимая, до скорого свидания. Немедленно по получении письма телеграфируй о здоровье:

Nogarotel 80 Paris Petroff.

Это телеграфный адрес отеля, где я живу. На первом листе отпечатаны все адреса. Писем уже не пиши. Пока дойдет это письмо, и ты соберешься написать, ответ будет уже поздно.

Если в ближайшие дни что-нибудь выяснится с деньгами и я останусь в Париже еще недели на две, я, конечно, напишу.

Крепко поцелуй и обними от моего имени нашего Петьку, скажи ему, что папа в ужасе от того, что никак не может привезти ему костюмчик.

Целую тебя 168 раз и еще несколько – в ушко с родинкой, ручку с родинкой и вообще целую все родинки. Твой всегда и только твой Женя.

Из письма Ильфа, датированного тем же днем: «Нашел Сашу [Фазини]… дела у него не идут, как у всех здесь. Но он живет неплохо совсем. Живопись я его еще не смотрел. Это будет на днях… Вчера мы совершили громадную прогулку от Люксембургского сада через Пантеон, Нотр Дам, плас Конкорд и Елисейские поля к могиле Неизвестного солдата. Было на что вылупить глаза. Я вылупил, конечно». А 24 ноября фраза о «богатом Ильфе» окончательно разъясняется: «Денег у меня достаточно. Я получил от Саши довольно много».

27 ноября в Москву отправлены почти идентичные письма. Ильф: «Вышлите, как только получите это письмо, 150 рублей на станцию Негорелое, до востребования на мое имя. Эти деньги нужны мне на билет в Москву… узнайте, какой дороги станция Негорелое (Западные? Бел-Балт?)».

Евгений Петров:

27 ноября 1933

Париж

Дорогая, любимая козочка!

Получил твою телеграмму и успокоился. У меня тоже все благополучно – жив, здоров и т. д.

Сделай ты, котинька, вот что: сейчас же по получении этого письма вышли телеграфом 150 рублей. Посылай так: ст. Негорелое (узнай, какой дороги) Евгению Петрову.

Очевидно, я буду в Негорелом числа 3-го. Надо, чтоб к тому времени деньги были уже там. До Негорелого (совсем, как чеховский актер Фениксов-Дикообразов II-й) буду ехать в самом что ни на есть третьем классе. А там уже пересяду в самый международный. Сегодня или завтра куплю тебе платьице.

Теперь, кисик, я спешу и кончаю письмо.

Люблю тебя изо всех своих лошадиных сил, обнимаю, нежно целую. Пока условно. А скоро и по-настоящему.

Обними и поцелуй Петеньку.

Кланяйся знакомым и родственникам. Всегда твой Женя

Вернуться поиздержавшиеся соавторы планировали в начале декабря. Очевидно, финансовая ситуация была похожа на поло-

жение упоминавшегося героя рассказа А.П. Чехова «Средство от запоя»: «В город Д., в отдельном купе первого класса, прибыл на гастроли известный чтец и комик г. Фениксов-Дикобразов 2-й. Все встречавшие его на вокзале знали, что билет первого класса был куплен «для форса» лишь на предпоследней станции, а до тех пор знаменитость ехала в третьем».

Но в очередной раз повезло. Они часто встречались с Ильей Эренбургом, в те годы парижским жителем. Скорее всего, именно Эренбург помог с неожиданным заказом – французская кинофирма «Софар» предложила соавторам написать сценарий звукового фильма. Из-за работы Ильфу и Петрову даже продлили визу до января 1934, «чтобы дать им возможность закончить работу согласно контракту, заключенному с кинофирмой «Софар».

Евгений Петров:
7 декабря 1933
Париж
Дорогая, любимая Валинька!

Несколько дней тебе не писал. Думал со дня на день выехать в Москву и перед отъездом послать тебе телеграмму. Однако сейчас выяснились новые обстоятельства. Мы пишем сценарий (для французов) и уже получили под него немного денег. Это дает нам возможность прожить в Париже еще две недели. Примерно к 20-му декабря сценарий будет готов, и если он понравится, мы получим за него 20.000 франков. Это довольно приличная сумма, которая дает возможность съездить на несколько дней в Лондон и еще кое-что купить для тебя и Пети (это будет стоить дорого, так как придется тут же, на месте, платить 100% пошлины). О тебе я не забываю. Скоро ты получишь довольно нарядное шифоновое платьице с чехлом, теплые перчатки и, правда паршивую и очень дешевую, но все же кофточку с шапочкой и шарфиком (красного цвета). Все это уже куплено и на днях к тебе поедет.

Теперь очень важный вопрос – деньги! Я боюсь, что тебе уже не хватает. Сегодня мы посылаем с Илей телеграмму в изд-во «Советская литература», чтобы тебе и Марусе выдали по 1500 р. Сговорись с Марусей и Юрой и пусть Юра вас поведет. Я думаю, что этого хватит до нашего приезда. Если не хватит, устроим

еще. Да! Позвони Валентину и попроси, чтобы он устроил нам новый аванс в оперетте – рублей по 750 на каждого (сообщи это Марусе). Он должен это сделать. Так, смотри, позвони ему и скажи, что я требую братского внимания. Теперь вот что: немедленно телеграфируй о здоровии. (Мы живем все в том же отеле.) И немедленно же напиши большое письмо. Оно еще нас застанет.

Итак: 1) Если сценарий не понравится, мы приедем через две недели. 2) Если понравится, задержимся еще на неделю, но зато получим деньги. Как видишь, и то и другое хорошо!

Плохо только, что давно тебя не видел. Поверь мне, козочка, что люблю я тебя беспредельно. Ты одна моя, единственная, горячо, нежно и страстно любимая. Целую тебя миллионы раз. Целую твои ручки и ножки. Обними Петеньку. Скажи ему, что папа его обожает и, если сможет, привезет ему игрушки. Всегда только твой Женя.

Юрий, который должен отвести Валю и Марусю в издательство, – Олеша. Об этом же пишет и Ильф 7 декабря: «Попроси Юру, чтобы он взялся за это дело, пошел, позвонил, раскопал телеграмму и устроил деньги». А уж Петров на правах брата просит Валентина Катаева об авансе. Речь, скорее всего, идет о совместной пьесе Ильфа, Катаева и Петрова «Под куполом цирка». Правда, премьера в московском Мюзик-холле состоялась лишь через год, 23 декабря 1934.

А настроение у соавторов похожее. Ильф пишет Марусе: «Нам одна французская фирма предложила написать для нее сценарий. Деньги нам дают частью вперед, и мы здесь будем еще две недели, как видно. Между тем, мне немножко уже хочется назад, но упускать такой случай жалко».

Евгений Петров:
11 декабря 1933
Париж
Обожаемая, нежная козанька!

На днях отправил тебе подробное письмо обо всех наших делах. Сегодня ждем денег. Если их не дадут, не знаю даже, как продержимся два дня. А продержаться нам нужно, так как мы ждем де-

нег из Америки. Дело в том, что мы послали нашему нью-йоркскому издателю телеграмму с просьбой выслать 200 долларов. Надежд мало (кризис!). Но кто его знает. Может быть, и пришлет. Через два дня это выяснится. Если ни этих денег, ни очередных денег за сценарий не будет, мы через дня три выедем в Москву. Если же будут и те и другие деньги, мы останемся заграницей примерно до середины января. (Не ужасайся, детеночка! Это и в твоих интересах!) Если же, наконец, будут только американские деньги, мы выедем в Москву очень скоро, так как хватит денег только на покупки, а на жизнь уже не останется.

Думаю купить тебе хороший костюм на весну, франков за 300-400. Придется, правда, заплатить гигантскую пошлину (платить нужно здесь, в торгпредстве, обязательно валютой), но зато это будет настоящая капитальная покупка. Сделаю кое-что и для себя. Сейчас у меня почти ничего нету. Куплю Пете костюмчик (опять пошлина!). Куплю еще тебе замечательные духи и разные собачьи ошейники и цацки. Ну, козанька, не буду фантазировать (тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!), а то ведь денег еще нету, и может случиться так, что ты получишь только одного меня, без новых подарков. Это тоже на худой конец не так-то уж плохо. Верно, Валюнчик? Я тебя нежненько целую в глазы и носы.

Я очень по тебе соскучился, моя любимая. Ты для меня одна, единственная женщина. Я тебя очень, очень люблю. Гораздо больше, чем ты меня. Верно?

Немедленно напиши мне по адресу отеля (на первой странице письма есть и почтовый, и телеграфный адреса). Если после моего последнего письма, то есть на днях, ты мне не телеграфировала, <u>телеграфируй немедленно</u> о здоровии.

Еще раз целую, прижимаю к груди, трусь мордой (бритой!) о твою нежную шейку. Поцелуй и крепко обними Петеньку. Кланяйся родственникам и друзьям. Не забывай тетю. Всегда только твой обожающий тебя муж Женя.

Еще раз напоминаю, что мы с Илей телеграфировали в издательство «Советская литература», чтобы тебе и Марусе выдали по 1500 р. Объединись с Марусей, позвони Юре или, скажем, Валентину, и попроси, чтобы они все это вам устроили. Попроси так-

же Валю, чтобы он устроил аванс в оперетте (если, конечно, там дело на мази).

Кроме того, если мы останемся до середины января (но мало вероятно), Кольцов обещал выплатить вам по 1000 р. (он сейчас здесь, в Париже, но послезавтра едет в Москву). Тогда я напишу тебе особо и сообщу подробно, как тебе поступать.

Коза! Ради бога, сделай все возможное, чтобы установить колонку. Ты и представить себе не можешь, как хочется купаться! Ну вот, целую, целую, целую. Женя

Да! Коньки я тебе не куплю. Они здесь стоят зверские деньги и ничем не лучше наших, московских. Может быть, где-нибудь в других странах есть дешевые коньки. Но не здесь, в Париже. Согласись, что обидно тратить деньги на коньки, когда можно тебе же купить что-нибудь поинтереснее.

Поэтому катайся на московских! Катайся обязательно. Это полезно и освежает.

Сын Петя и Валя ожидают парижские подарки. А отец и муж (вместе с соавтором) – деньги из Америки: *просили 200 долларов, но издатель не прислал*. «Золотой теленок» на английском языке вышел в США в 1932 году, в переводе Чарльза Маламута. Любопытно, что первое книжное издание на русском (после публикации в журнале «30 дней» в 1931) вышло только в 1933 году.

В это же время в Париже был и Михаил Кольцов (еще недавно редактор журнала «Чудак»), как и они, сотрудник газеты «Правда».

Из письма Евгения Петрова от 14 декабря 1933 г.

Париж

<…> Не получаю от тебя писем. Скучаю. Постоянно о тебе думаю. Люблю. Вчера мне приснился Петенька. Снилось, что он здесь, в Париже, я его показываю знакомым («вот, мол, какой у меня сын – Петя») – и вынимаю его из кроватки. А он почему-то маленький, годика на полтора, в рубашечке, сонный, но веселенький. И разговаривает как взрослый. А тебя видел на несколько дней раньше. Утром никак не мог вспомнить, какою ты мне приснилась. Но, во всяком случае, как-то очень хорошо.

Моя нежная, маленькая козанька! Не будь свинкой, напиши, наконец. <…>

Пиши мне подробно и много. <…>

Люби меня, козанька. Смотри! Я тебя очень люблю. Целую нежно, нежно все десять пальчиков, два ушка, два глазика, один носик, один ротик. И шейку, и ножки, и родинки, и животик. Обними Петеньку и расцелуй его хорошенько. <…> Твой, надеюсь, единственный, Женя.

Вчера был день моего рождения. Помнишь, сколько мне лет? Или уже забыла? В связи с этим торжественным «фактом» я угощал обедом (хорошим) Эренбурга с женой (я с ними очень подружился) и Илю. Неожиданно получил подарки. Эренбург подарил мне ящик отличных манильских сигар-регалий, а его жена, Любовь Михайловна, – записную книжечку в красном сафьяновом переплете. Я так давно не получал подарков, что очень удивился.

А ты, козочка, получишь от меня подарки раньше времени, еще до дня рождения. И в день рождения – тоже. Скоро Петькин день. Не забудь! <…>

19 декабря 1933

Париж

Дорогой Валюнчик!

Уезжают Кольцовы. Посылаю с ними (вернее, через одну их приятельницу, которая едет с ними) мой старый чемодан и следующие вещи:

1. Шифоновое платье с черным шелковым чехлом.

2. Красную кофточку, шапочку и шарфик (очень паршивые, но страшно дешевые. Если не понравится, – можешь подарить кому-нибудь).

3. Теплые перчатки с раструбами.

4. Голубой поясок (тоже паршивый. Прости, козлик, но стоит он грош).

5. Стеклянные бусы.

6. Толстые коралловые бусы (синие с белым, из Венеции).

7. Пудреница черная с буквой Р (Петрова!).

8. Маленький синенький портфельчик с принадлежностями для шитья.

9. Чудный автомобиль для Петеньки. С резиновыми шинами.

Есть еще для тебя всякая металлическая «ерунда» (пуговки, застежки и т. д.), но это уже не хотели брать. Много. Не обращай внимания на то, что Иля послал Марусе лучшие вещи. У него было вдвое больше денег.

Это все чепуха! Если мы получим деньги, я накуплю тебе очаровательных вещей. Немедленно телеграфируй о получении вещей.

Целую, люблю, люблю. Твой Женя

Днем ранее Ильф: «Виделась ли ты с Тирановской? <…> Я передал Вам разные подарки. Через несколько дней она уже будет в Москве. …позвоните в «Огонек» и спросите… приехала ли она. Когда это узнаете, позвоните Елизавете Николаевне [жене М. Кольцова] и спросите, когда можно к ней зайти. Она передаст Вам от меня записочку, которую можете там же и прочесть. Там указано, что за подарки».

22 декабря Ильф сообщает последние новости: «Мой день такой. Несколько дней (10) были скучны – утром работа, потом торжественный обед, потом работа, и все. Теперь я уже свободен. С сегодняшнего утра. Доволен, конечно, ужасно. Сценарий вчера сдавали. Он понравился, смеялись очень, падали со стульев… Деньги, по-видимому, дадут. Предлагает эта же фирма «Софар» написать еще сценарий по «12 стульям». Уговаривают нас еще остаться. Сегодня вечером фирма дает нам обед (обедом здесь называется ужин), и на нем будем решать дело с новым сценарием. В общем, имени мы не посрамили… Кольцов уехал в Москву и должен дать тебе с Валей по 1000 рублей».

Евгений Петров:

27 декабря 1933

Париж

Дорогая моя Валенька! Получил твое большое письмо и рад, что дома все хорошо и благополучно, что 1500 р. ты получила и что, следовательно, беспокоиться не о чем. От Кольцова ты и Маруся получите еще по 1000 р. После этого вам, надо

Валя Грюнзайд

полагать, хватит чуть ли не на весь январь. Напиши, как обстоит дело со всеми этими вопросами. Да! Твои соображения насчет туфелек будут мною приняты во внимание. И вообще на этот счет не беспокойся. Пока что наши денежные дела идут прилично. Произошло вот что: сценарий мы закончили, и я его читал. Он очень понравился, и как будто бы нет никаких возражений против его приема. Однако официальный ответ нам не дают и хотят отсрочить его до 2-го или 9-го января. В это время нам в виде компенсации за потерю времени платят суточные, которые дают нам возможность прилично прожить в ожидании официального ответа. Кроме того, нам срочно предложено писать сценарий по «12 стульям». Сегодня мы должны дать ответ и поставить наши условия. В этом случае сценарий заказан, т. е. сумма уплачивается нам полностью – независимо от того, понравился сценарий или не понравился. Таким образом, наша жизнь в Париже превратилась в сплошную работу. Первый сценарий (действительно, очень смешной!) мы написали в две недели. Спали при этом всего по 5-6 часов в сутки. Если возьмемся за «12 стульев», то, значит, на днях засядем за новую, минимум двухнедельную, каторгу. Зато сможем послать денег на Торгсин, сможем привезти разные дамские вещи, оплатя огромную пошлину. Да! Кажется, в Варшаве хотят нам заплатить за «12 стульев» самым серьезным образом. Мы, вероятно, получим эти деньги по дороге домой, заехав в Варшаву.

Видишь, нежная моя, ласковая и любимая, как мы здесь живем! В трудах живем!

Сейчас могу сказать без всякого преувеличения. Я безумно соскучился по тебе, Петьке, Москве, нашей стране, по друзьям и знакомым. Всех хочется видеть, хочется пойти с тобой по снежку в театр или сесть в санки, выехать на ленинградское шоссе и поцеловать тебя в морозный носик. Ну, коза, целую тебя самым нежнейшим образом. Всегда и только твой Женя.

Обязательно подробно напиши, получила ли ты посылку, как понравился Петенькин автомобиль и тебе платье.

Следи, чтобы Петя не поломал автомобиль. Жалко.

Не забудь послать деньги тете.

Спасибо, что послала тете посылку. За этот подарок мне очень тебе благодарен. У моей жены чудный характер. Она у меня добрая.

Если пошлешь еще посылку – не пожалеешь. Я что-то тебе за это привезу.

Жены в Москве должны получить от Кольцова деньги за публикации в «Огоньке», соавторы ожидают денежные поступления из Польши, где к тому времени вышел роман «12 стульев» и идет спектакль «12 стульев». А деньги тете – Елизавете Бачей – Евгений Петрович посылал в Полтаву каждый месяц, до начала войны.

Ильф, 2 января 1934: «Еще не решили, будем ли мы писать «12 стульев»; решим сегодня-завтра. Так что опять насчет приезда не могу еще ничего сказать толком. Потерпи, маленький».

Евгений Петров:

2 января 1934

Париж

С новым годом, дорогая Валинька!

В моем последнем письме я забыл тебя поздравить, а сейчас уже немного поздно. Вчера получил твое ласковое и нежное письмо. Всегда пиши такие хорошие и подробные письма. Я страшно рад, что подарки пришлись по вкусу и тебе и Петеньке. Надеюсь привезти нечто лучшее. В этом смысле всецело положись на меня – были бы деньги! С деньгами же так: пока что нам платят понемногу и не дают окончательного ответа. Однако нет никакого со-

мнения в том, что сценарий они берут. Всю сумму обещали дать до 15 января. Что касается второго сценария (по «12 стульям»), то сегодня все окончательно выяснится. Надо полагать, наши условия будут приняты, и мы засядем за новую работу. А работать так не хочется – ты и представить себе не можешь. Сидеть в нашем небольшом номере на Rue Vaneau и писать с утра до вечера – убийственно трудно. К тому же нас здорово высосала первая работа, которая продвигалась с огромным напряжением. Отказываться же от сценария было бы непростительной глупостью, так как ожидается довольно крупная сумма, которая даст возможность кое-что купить для тебя и Петьки, а для меня – продолжить путешествие. Мы, может быть, на короткий срок съездим в Испанию и Англию, а может быть, и в Америку (все это, конечно, вилами по воде писано, но мне кажется, что наиболее полного и всестороннего путешествия следует исчерпать все возможности. Не забывай, что мы накапливаем огромный материал и по приезде в Москву сейчас же засядем за книгу. Поездка даст также многое и для нового романа, и для пьесы). Однако не буду забегать вперед. Все выяснится в ближайшие дни.

В Париже я сейчас еле сижу. Верь – не верь, но он мне надоел отчаянно. Я хочу в Москву, к моим любимым и самым дорогим на свете. Я тебя очень люблю, моя козочка, и, разумеется, счастье, которое ты пожелала для меня в 1934 году, может быть только с тобой и Петькой. Скоро я приеду, и мы с тобой, золотая моя девочка, будем молодоженами. А у Петьки будет сестричка Валичка. Или ты не хочешь? Ну ладно, пошутил. Будет так, как захочешь ты.

Напиши, получили ли ты деньги от Кольцова? Узнай у Вали, что с нашей опереткой. Дальнейшие деньги (напиши, скоро ли они тебе понадобятся) будешь получать у Сазонова (они по 3-му договору должны нам массу денег) Созвонись и узнай. Целую бесконечно ручки, ножки, губки и всю, всю. Обними Петю. Женя

Ты на конверте неправильно пишешь мое имя. Надо – Eugène.

Позвони от меня Олешам, Собакиным, Саше Козачинскому, Вольпину, Ардову и всем знакомым, и кланяйся им от меня.

Кланяйся Татьяне Петровне, Саше и Леонтию Исидоровичу. Я собираюсь купить для Саши счетную линейку.

Пошли тете 200 рублей за январь.

Узнай, есть ли в Торгсине колонки и почем? Обязательно сделай это и напиши мне.

Ну вот.

Еще раз прижимаю тебя к груди, нежно целую в ушко, которое с родинкой.

Учи английский.

Твой хасбенд

О творческом союзе Ильфа и Петрова писали немало, о том, как они работали вместе, написали сами соавторы, но поразительно, как в частных письмах совпадают не только рассказы о делах и подарках, но и поручения женам. Именно в письмах, написанных 2 января, впервые за все время у обоих длинный список тех, кому следует передать приветы. Ильф: «Что делают наши знакомые, все по порядку, в частности Юра, Оля [жена Ю. Олеши], Вольпин. Им кланяйся. Я их люблю, если они меня любят. Или даже если не любят. Кланяйся: Вите Ардову, Вале Петровой, Лапину, который женился, Габриловичу, Гехту особенно, Росинскому (кажется, сейчас буду писать ему, наконец), Саше Козачинскому, Чекризову. И всем».

У Петрова – приветы семьям Олеши и Катаева («гудковский» псевдоним Валентина Катаева «старик Саббакин» стал шутливым домашним прозвищем), Александру Козачинскому, Михаилу Вольпину – поэту и драматургу, Виктору Ардову – драматургу и киносценаристу.

Отдельной строкой идут приветы тестю и теще. Татьяна Петровна и Леонтий Исидорович – родители Валентины Леонтьевны Грюнзайд. Саша – ее брат.

А требование: «учи английский» становится многозначительным, если сравнить с последней фразой из письма Ильфа «Это ужасно, мы хотим ехать в Америку! Что будет?».

Так закончился первый парижский период. В сентябре 1935 они вновь вернутся в Париж – по дороге в Соединенные Штаты, навстречу «Одноэтажной Америке».

Евгений Голубовский

Открытая дверь к Хрущику

В апреле 1968 года в зале газеты «Комсомольская искра» я открывал первую персональную выставку Валентина Хруща.

Меньше года прошло с «заборной выставки» у Пале-Рояля, где Хрущ и Сычев – хоть на несколько часов – сами развесили свои картины, как бы сломав диктат выставкомов. Это свободное волеизъявление было продолжено в газете – ни парткомов, ни профкомов, ни выставкомов. Художник выбирал свои работы и показывал публике.

24 января 2013 года. У дома, где жил и работал Валентин Хрущ

Удивительное сочетание свойств было в Валике Хруще. Он, может, больше всех других сверстников ощущал прелесть южнорусской школы, был традиционалистом. Но одновременно он больше всех других был внутренне свободен, независим от власти, системы, даже денег, если угодно. Его иронии хватало на то, чтобы создать театр одного художника, где он был и режиссером, и актером, и драматургом («Я не Шекспир, – сказал он как-то мне на Староконном, – я Мольер, но черноморского посола»).

В памяти у многих осталась иронически соленая автобиография Хруща, написанная им в 1980 году для самиздатовских буклетов фотографа Валентина Серова.

«Родился я 24 января 1943 года в Одессе на Пересыпи. Живописи никогда не учился. Работаю самостоятельно. В официальных выставках не участвовал. По профессии печник. Живу на содержании бабушки».

Вряд ли многие понимали, что всего через два десятка лет сместится, перевернется шкала художественных приоритетов. И те, кто в годы застоя мнил себя авторитетами, уйдут в заб-

вение. А В. Хрущ, С. Сычев, Л. Ястреб, О. Соколов (называю тех, кого нет с нами) станут легендой одесской художественной школы.

В январе 2013 Валентину Хрущу исполнилось бы 70 лет. Всемирный клуб одесситов благодарен коллекционерам Сергею и Галине Костиным, предложившим сделать в январе выставку картин Хруща из своего собрания. Затем они расширили круг коллекционеров, пригласив к участию Сергея Боголюбова, и выбор оказался правильным.

И самая главная удача проекта – оформление выставки. Я бы сказал, что вложил в него свою душу художник Стас Жалобнюк.

Встреча с работами В. Хруща – это всегда праздник. И с ранними одесскими, традиционными, и с поздними московскими, авангардными. В них во всех искренность чувств, жест открытого разговора со зрителем и «танец кисти», как когда-то сказал Александр Ройтбурд.

Вначале Стас Жалобнюк хотел хоть на один день повесить на доме, на Чижикова, 18, где жил Валентин Хрущ, мемориальную доску.

Потом волею случая, я бы сказал – провидения, идея Стаса трансформировалась. Жалобнюк увидел во дворе дома Сергея

Костина старинную одесскую дверь, из тех, что вели в «приличные квартиры». Всего на три часа привезли эту дверь, предварительно реставрированную, к воротам бывшего дома Хруща, и она стала Знаком – на ней расписывались друзья художника, рисовали его собратья…

Это и был перформанс. Да еще какой! Трамваи 5 и 28-й в удивлении останавливались, разглядывая, что за праздник на улице Пантелеймоновской, бывшей Чижикова, почему толпа мужчин надела шляпы, кто фетровые, кто ковбойские. И почему все пьют не водку, не пиво или вино, а чай – из старинного самовара, принесенного, раскаленного неутомимым Димой Дульфаном со товарищи.

А ведь в изысканной шляпе запомнился одесситам Хрущ, ведь чаепития на его веранде, она же мастерская, она же жилая комната, собирали сюда. на Чижикова, 18, друзей, поклонников, учеников.

Кого там только не было в этот День рождения! Коллекционеры Анатолий Дымчук и Сергей Костин, элегантный Евгений Лукашев, директор Музея современного искусства Одессы Семен Кантор (в их новое помещение на Белинского, 5, подарена эта дверь в миф Хрущика), художники Юрий Плисс, Александр Лисовский, Виктор Хохленко, Виктор Маринюк, Евгений Рахманин, Олег Волошинов, Татьяна Гончаренко, Василий Рябченко, Валерий Парфененко… Появился и соученик Валентина по Пересыпской школе, который случайно (!) оказался в этот день в этом доме… Прошу прощения, что не упомянул всех, но «нас было много на челне…», как не про нас писал Александр Сергеевич Пушкин.

А потом по инициативе коллекционера, журналиста, просто друга Валика Хруща – Феликса Кохрихта, мы все отправились вновь к себе, во Всемирный клуб одесситов. Можно было еще раз рассмотреть выставку, а среди сорока работ были подлинные шедевры, можно было спуститься в бар и выпить в честь 70-летия Валентина Хруща.

Сколько баек было рассказано за столом! Их на видеокамеру записала Галина Костина. И надеюсь, не только в Москве, но и в Одессе выйдет альбом Валентина Хруща. Думаю, он будет менее помпезный, более теплый, человечный, и в нем наряду с репродукциями будут опубликованы воспоминания друзей. И я еще раз смогу повторить слова, написанные мной на ставшей мемориальной двери:

«Хрущик пришел! И уже не уйдет».

А что до мемориальной доски на улице Пантелеймоновской, то она все же появилась (пусть всего на несколько часов) в этот день на стене дома № 18. Ее с почтением, но и «хрущевской» изобретательностью смастерил художник Сергей Боголюбов.

Несомненно, Валентин Хрущ, так много сделавший для родной Одессы, заслуживает и того, чтобы его память была увековечена не только в истории современного искусства. Верим, что мемориальная доска на доме, где он жил и работал, обязательно появится.

Фото Натальи Евстратовой

Заборная выставка «Сычик + Хрущик». 1967 г.

Всемирный клуб одесситов. 2013 г.

Феликс Кохрихт

Рыбка по имени Хрущик

В этот день мне вспомнилась другая дата – 24 января 1993 года, когда мы готовились ко встрече с Хрущом на его юбилее. Нетрудно подсчитать, что ему исполнилось 50. Была собрана и развернута выставка работ нашего Валика, но он… Он так и не приехал. Причины? Мы не стали их выяснять – Хрущ не любил отвечать на прямые вопросы.

Как тут не вспомнить великого философа Григория Сковороду, однажды промолвившего: «Мир ловил меня, но не поймал…».

Поймать Хрущика… Это была непосильная задача, которая, увы, решилась сама собой.

Тогда, 20 лет назад, я опубликовал в газете «Слово» эти заметки, которые, надеюсь, будут интересны и сегодня.

Что до фотографии, то на ней Валентин запечатлен таким, каким мы его знали. Несомненно, это Одесса и, может быть, вы узнаете место, где он прогуливался, судя по всему, осенью.

Автор снимка мне не известен.

Если вы ждали его, он не приходил. Появлялся же внезапно, не всегда радуя этим, разрушая ритм семейного вечера или рабочего утра своих друзей. До сегодняшнего дня я считал феноменальную непринужденность Валентина Хруща одной из самых досадных его черт. Но вот понял, что за этим стоит не чудаковатость талантливого человека, а полное несовпадение, как говорится в фантастических романах, наших пространственно-временных континуумов. Первым, я думаю, понял это Андрей Тарковский, который в один из приездов в Одессу побывал у Хруща дома и сразу же угадал в нем – жилище Сталкера. А затем многое перенес на экран, создав инте-

рьер и сюрреалистический и, казалось бы, обыденный, полный самых привычных домашних вещей. Впрочем, все это мы видели – и в фильме, и на чаепитиях у Валика…

И в кино, и в жизни, и в живописи эти художники – и Тарковский, и Хрущ – выстраивают кадр с такой тщательностью, как будто бы от этого зависит, по крайней мере, судьба того, что мы привыкли называть Зона, вкладывая в это понятие каждый свой смысл. Приглядитесь, как Хрущик размешивает краски, как ладит холст, как красит, строгает щепочку. Эти мгновения и есть его планетарное время, а все остальное – время относительное.

Но Тарковский – человек Москвы, Хрущик же – Одессы. Поэтому Зона, в которой он шурует, выглядит иначе: в ней светит солнце, шумит теплое море, поют птицы. В ней пьют терпкое бессарабское вино. В ней плавают рыбки. Не аквариумные, изнеженные, а тугие, шустрые, смышленые. Им ничего не стоит сплавать до Босфора… Хрущу, я это знаю, всегда очень хотелось побывать там. Побродить по стамбульскому базару, порыться среди джезвочек, подсвечников, а главное – в старом железе, в столярных инструментах, в которых он знает особый толк. Сегодня Валентин Хрущ вполне может себе это позволить, но, человек гордый, предпочел бы это делать именно тогда, когда его никуда не пускали.

Думаю, именно средиземноморская Рыбка является тотемным, родовым символом Хруща, доставшимся ему от предков. На выставке, посвященной его пятидесятилетию, которая экспонировалась в Одесском музее современного искусства фирмы «Тирс», было немало работ, посвященных рыбкам. Но, конечно же, не ими одними знаменит художник, которому удалось совершить доступное не многим его коллегам, – создать свою манеру и свою школу.

Более того, он, практически отторгнутый от Одессы тогдашним руководством Союза художников, уже в довольно зрелом возрасте не только не затерялся в Москве, но и стал весьма известен. Его работы сегодня экспонируется в музеях Австрии, Швеции, Канады, в культурном центре ЮНЕСКО (Париж), участвуют в знаменитых мировых аукционах.

Искусствоведы рассуждают о феномене Хруща, которому подвластны классический натюрморт и спонтанная абстракция, изысканный портрет и огромное декоративное панно, коллаж и виртуозная резьба по дереву.

На открытие выставки собралось много народа, пришли и те, с кем состоялись одесские годы Хрущика – его друзья, ученики, поклонницы, коллекционеры, журналисты. Все мы ждали, что он приедет на свой юбилей, – ведь обещал, звонил из Москвы… И, конечно же, не приехал. Вот тогда я вздохнул с облегчением: Хрущик в полном порядке.

Фото Натальи Евстратовой

Катя Пименова

«Днем он был демоном, а ночью – ангелом»

Картина Кати Медведевой

Если бы не длинная, неизъяснимая цепочка событий, причин и следствий, не состоялась бы эта замечательная встреча – моя с Катей Медведевой. Той самой – легендарной московской художницей, так хорошо всем известной и в Одессе в связи с именем Валентина Хруща. Того самого – нашего одесского Хрущика, память о котором в этом году, когда ему исполнилось бы 70 лет, вновь побудила открыть выставку его картин, создать перформанс на улице, а меня – снять об этом телефильм.

...Сегодня Екатерина Ивановна Медведева живет и работает в Москве. Ей 76. Она, как и четверть века назад, пишет свои удивительные картины, в стиле, называемом «наив». Ее живопись востребована и популярна и даже используется в создании театральных декораций – в новом спектакле «Космос», поставленном по мотивам рассказов Шукшина в Театре музыки и драмы Стаса Намина в Москве. Где Катя Медведева – художник-постановщик и сценограф. Об этом всем я знала из статей в Интернете. А потом состоялась *встреча*.

Я до последнего опасалась, что меня не примут. И хитро подстраховалась письмами и дисками с картинками от наших добрых друзей – одесских художников Юрия Плисса и Александра Лисовского, которые входили в группу, работавшую и жившую в Москве в конце 80-х – начале 90-х вместе с Валентином Хрущом и Катей Медведевой.

Через Москву я ехала на метро в Марьино, опаздывала, не могла понять, куда идти среди одинаковых многоэтажек в этом многолюдном районе в конце Люблинско-Дмитровской ветки… Но повезло – и неожиданно я оказалась прямо перед нужной дверью.

Екатерина Ивановна приняла меня доброжелательно, и – отлегло! – пригласила присесть на кухне, попить чаю, бутерброды, конфеты! О, Господи! Я же знала, что она терпеть не может журналистов! И не верила собственной удаче.

Небольшая трехкомнатная квартира на первом этаже представляет собой и мастерскую, и жилье для Екатерины Ивановны, ее дочери и внука. Разумеется, там творческий беспорядок. Вместе с хозяйкой живут Филя – маленький терьер, и Принц – белый кот с мистически разноцветными глазами. Голуби прилетают на кухонное окно полакомиться жареными семечками, которые специально для них покупаются. Хозяйка любит всякую живность…

Она села напротив меня – в такой интересной кепке, белой с черным козырьком, закурила; и я заметила, что в ее пальцы въелась краска (как у многих художников) – синяя, того самого любимого цвета, оттенки которого часто встречаются на ее причудливых холстах.

Меня, конечно, интересовало все, что было связано с жизнью и творчеством Валентина Хруща. Но я боялась задавать сразу вопросы. А Катя Медведева рассказывала о нем то, что вспоминалось. А я лишь потихоньку что-то уточняла или удивлялась тому, что слышала. Это был своего рода монолог, из которого следовало, что…

…Они жили в постоянном напряжении, боясь милиции, потому что не было прописки. Жили в высоченном доме без особых удобств. Много работали, много ругались. Валик был талантливым, сложным и противоречивым человеком. Да и Екатерина

Катя Медведева пишет портрет Ивана Бунина

Ивановна – дама с таким крутым характером! Он иногда завидовал ее успеху, иногда пытался что-то доказывать. У меня сложилось впечатление, что этот период в жизни Хруща и Медведевой был каким-то противостоянием – и окружающему миру, и друг другу, и самим себе… Но, должно быть, в этом и было какое-то свое малопонятное со стороны творческое счастье. Вокруг было много друзей. И, кстати, покупателей. Они делали выставки, общались, спорили, куражились, устраивали вечеринки. И много, много писали. Так называемая «беляевская» группа (от станции «Беляево») – это Хрущ, Плисс, Лисовский, Алферов, Соболев, Серов и – Катя Медведева, которая покровительствовала им всем.

Одно из ярких воспоминаний Екатерины Ивановны о том времени – визит Владимира Асриева (кстати, я передала ей каталог «Квартирная выставка Бебеля, 19» – недавний интереснейший проект Анатолия Дымчука и галереи «NT-Art»). В 89-м году Асриев приехал в Москву из Лондона, пришел к нам в подвал. Катя начала писать его портрет. Он был очень расстроен увольнением

из театра, где работал музыкантом. На портрете вдруг стал получаться образ, очень напомнивший Екатерине Ивановне православную икону «Нечаянная радость». Так и вышло – совершенно неожиданно. Вскоре Асриеву предложили новую прекрасную работу в лондонском театре. То есть Медведева как бы предвосхитила это событие в своей картине – она абсолютно в этом уверена…

Катя Медведева позволила мне фотографировать себя, предварительно накрасив губы (!). А потом стала показывать свои картины – одну за другой. Пейзажи, натюрморты, балерины, ангелы и даже написанные по воображению портреты Бунина и Нуриева. Работы последних лет, среди них было множество 2012 и 2013 года! То есть она и сейчас много пишет. А картин Хрущика у нее не осталось. Когда поссорились, она все его добро в сердцах выбрасывала в окно, а случайно присутствовавший коллекционер Э. Багдасарян бегал и подбирал их…

В конце нашей встречи Екатерина сказала, что ей было бы интересно побывать в Одессе, раз уж здесь интересуются и ее творчеством. Но больше всего мне запомнилась фраза, которой Катя охарактеризовала Валю Хруща: «Днем, – сказала она, – он был демоном, а ночью – ангелом!». Мне от этих слов стало и страшно, и счастливо…

С этим чувством я и пошла по снежной Москве, озаренной лучами яркого мартовского солнца.

Фото автора

Одесса – Москва – Одесса

Анатолий Баканурский

Еврейский театр в Одессе

> Евреи – театральный народ, ибо чувствительный народ, причем многовековая история, заставляя еврейский народ приспособляться к разным условиям жизни, развила в нем способность перевоплощения.
>
> Александр Кугель

Учитывая своеобразие этнического состава горожан, проживавших в Одессе на рубеже XIX-XX столетий, было бы весьма соблазнительным связать начальный период истории еврейского театра на территории Юга Российской империи непосредственно с Южной Пальмирой [1]. Однако театр на языке идиш, прежде чем получить одесскую прописку, проложил немало европейских маршрутов, постепенно меняя содержательность и формы: от традиционных фольклорно-драматических жанров – пуримшпилей [2] – по направлению к формированию профессиональных трупп. Это был период эмансипации от талмудических и раввинистических запретов, преодоления календарно-ритуального характера зрелищной культуры и осторожных попыток достижения сопричастности общеевропейскому театральному процессу [3]. Пройдя сложный путь по ряду европейских стран от Голландии и Германии через Австро-Венгрию и Румынию до Польши, Галиции и Западной Украины, еврейский театр, совершенствуя и усложняя репертуар и выразительность, разнообразие действующих лиц и исполнителей, приблизился к знаковой дате своей истории – профессиональному периоду развития. Несложно предположить, что это событие не могло быть не свя-

зано с Одессой, для которой актуальный характер организации идишеязычного театра был несомненен. О пользе и значении театра для литературы и вообще общественной жизни евреев мы находим излишним говорить как о предмете, ясном без рассуждений [4, 466].

География первого этапа истории еврейского театра в Российской империи и творческих биографий большинства его фигурантов традиционно берет начало в Одессе, а завершается на Американском континенте [5]. Хронологические же границы этого периода – 1878-1883 годы. До этого времени исключительно иудаизм и синагога были институтами сохранения еврейской самоидентификации. Теперь же к ним прибавилось сценическое искусство. Марк Ривесман – литератор, журналист и переводчик, один из основателей Петроградской театральной студии, говорил своим ученикам (цитата передается в записи Соломона Михоэлса): «Театр ли это только для евреев? Театр ли это еврейских пьес? Театр ли это на еврейском языке? Ни то, ни другое, ни третье. Это театр народной души. Театр, улавливающий особый ритм народа».

Сам же театр родился несколько ранее, в 1876 году. Одним из его основателей стал поэт, журналист, драматург, режиссер и антрепренер Авраам Гольдфаден – человек, которому удалось кардинально изменить консервативный культурный облик «затхлого мирка еврейского местечка» (А. Дейч). Нижний временной рубеж первого этапа становления профессиональной еврейской сцены в Одессе – сентябрь 1883 года, когда на территории всей империи было запрещено играть спектакли на идиш [6].

Еврейскому театру этот унизительный запрет нанес вред, по своим культурным последствиям сравнимый разве что с разрушительными украинофобским Валуевским (1863 г.) и Эмским (1876 г.) циркулярами, ограничившими публичное исполнение «различных сценических представлений и чтений на ополяченных наречиях».

Первые попытки Гольдфадена организации еврейской труппы относятся к румынскому периоду его творчества [7]. Одно из ранних свидетельств на этот счет принадлежит классику румынской и молдавской литературы Михаю Эминеску: «В парке (имеется в виду город Яссы. – **А. Б.**)… открылся небольшой летний театр, в котором идут спектакли на еврейском языке» [7]. Судя по ряду ис-

точников, писатель присутствовал на спектакле «Ди бобэ мит дем эйнкил» («Бабушка и внучек»), которым в октябре 1876 года открыла свой ясский сезон первая в истории еврейского театра труппа Гольдфадена. А неизменным его единомышленником и партнером был Авраам Фишзон – актер и антрепренер, чья бердичевская группа актеров-любителей, созданная в октябре 1875 года, была приглашена в гольдфаденский коллектив. В своих мемуарах Фишзон приводит состав труппы, игравшей в Румынии: Анета Гроднер, Исруэль Гроднер, Давид Блюменталь, Хаим Тайх, Роза Фридман, Яков Спиваковский, Янкев Кулиш (Зильберт) и другие [8, 59-60]. В Румынии объединенный состав Гольдфадена – Фишзона играл до середины января 1878 года, после чего часть исполнителей перебралась в Одессу. Некоторое время спустя к ним присоединился и сам Гольдфаден. Эта дата стала отправной точкой, с которой начинается летоисчисление еврейского театра в Одессе.

Труппа арендовала сцену Мариинского театра, расположенного в самом центре рядом с Городским театром и Пале-Роялем. Театр этот, второй в городе по вместимости зрителей, являлся переоборудованным французским цирком Гютемана, и хотя не отапливался, но для представления драматических спектаклей был удобен: «круглый зал, открытые ложи, амфитеатр, галерка… Публика сидела на ступенях амфитеатра, подобно римлянам» [9, 101].

Фишзон «сотоварищи» шли на немалый риск: ибо одесская публика в театральных кругах была известна своей взыскательностью. Польская оперная певица Петрушевская, гастролировавшая в Одессе, призналась в интервью корреспонденту одной из городских газет: «Одесса стоит очень высоко в театральном мире… Вот почему дать в Одессе не все, что можешь дать, является прямо-таки невыгодным» [10].

Несомненно, и Фишзон, и присоединившийся вскоре к труппе Гольдфаден во многом полагались не столько на художественный уровень своих спектаклей, сколько на энтузиазм одесских евреев, для которых театр, играющий на идиш, явился бы художественным открытием. Эти их ожидания оправдались почти сразу: «Невозможно передать, что тогда творилось в Одессе. Играли не только по субботам, но ежедневно. Люди ночевали у кассы, чтобы достать билеты, по крайней мере, на пятый день» [11, 17].

Успех труппы несколько преувеличен. Действительно, среди большей части одесских евреев появление «своего» театра вызвало ажиотаж, но пресса заняла выжидательную позицию, и восторгов самого Фишзона разделять не торопилась.

Лишь в начале 1879 года появилась первая значительная публикация, в которой шла речь о перспективах городской еврейской труппы. Это был отзыв на вокальный концерт, устроенный ведущими ее исполнителями: «Зал был битком набит публикой, которая по достоинству наградила некоторых актеров аплодисментами и неоднократными вызовами. Особенно мастерски исполнили свое дело гг. Розенберг и Спиваковский, которые… на своих плечах вынесли весь этот вечер, из которого мы вынесли убеждение, что еврейский театр в Одессе мог бы иметь успех. Мы полагали, что еврейский театр интересен только для еврея-простолюдина, но оказалось, что этот вечер посетили и представители высших классов евреев, абонированные в Мариинском и Русском театрах [12].

Афиша была незамысловатой, хотя и пестрела разнообразными названиями: от оперетты и бытовой комедии до слезной мелодрамы. Впрочем, доминирование в ней инсценировок и оригинальных пьес, автором которых, в основном, являлся Гольдфаден, свидетельствовало о смене концертного вектора еврейской труппы музыкально-драматическим [13]. Репертуарной «фишкой» неизменно оставалась «оперетта-мелодрама» «Ди Кишефмахерин» («Колдунья»), премьера которой была сыграна 7 апреля 1879 года.

И хотя Гольдфадену не удастся достигнуть своим спектаклем успеха, аналогичного триумфу «Колдуньи», поставленной Алексеем Грановским в Камерном еврейском театре в 1922 году, однако в целом в одесском спектакле, как и в его авторе, живо ощущался «порыв к красоте» еврейской «народной театральности» [14, 58]. «Колдунья» же и далее неизменно присутствовала в репертуаре любой еврейской труппы, став шлягером национального репертуара.

В январе 1880 года во время одесских гастролей «Колдунью» своим присутствием почтил Томмазо Сальвини. «Знаменитый артист следил все время с сосредоточенным вниманием за ходом пьесы, которая, видимо, его интересовала своей… оригинальнос-

тью. Театр по обыкновению был почти полон, и в аплодисментах не было недостатка» [15].

Молва об одесском еврейском театре быстро докатилась до Петербурга. В Цензурное управление был вызван Гольдфаден, который представил перечень играемых пьес на предмет их благонадежности. Весь репертуар был разрешен к постановке, а столичный вояж навел руководителя труппы на мысль о необходимости выхода за пределы Одессы и расширения географии театра. В 1880 году была предпринята полуторагодичная гастрольная поездка сначала по Югу Украины, затем Минск, Ковно, Бобруйск, Москва, Ростов, Вильно, Динабург (Даугавпилс) и, наконец, Петербург, где театр играл с июля 1881 по конец апреля 1882 года.

Московская критика сдержано приняла гастролеров, обратив внимание на полезность знакомства местного зрителя с еврейским фольклором, а из исполнителей рецензент «Московского листка» выделил лишь Якова Гартенштейна, а остальных сравнил с любителями. Другой журналист посетовал на отсутствие в репертуаре европейской классики [16]. Часть петербургских изданий, отличавшаяся антисемитскими настроениями, вообще приняла в штыки появление еврейских актеров на столичных подмостках: «…к нам приехали «жиды»… Двадцать-тридцать поклонников чесноку расселись по краю в ожидании начала еврейской оперетки… которую исполнил безголосый состав труппы в ободранных костюмах и обтрепанных декорациях» [17].

Свято место не пустует. В период отсутствия гольдфаденской труппы в Одессе возник ряд новых еврейских театральных коллективов, тем более что на гастроли поехали далеко не все артисты, а часть оставшихся в Одессе организовала собственные антрепризы.

27 марта 1880 года на сцену Мариинского театра впервые вышла труппа Зелика (Зигмунда) Могулеско (Могилевского).

Биография одного из крупнейших фигурантов еврейской сцены (1858-1914), как и многих его коллег по искусству, началась в синагогальном хоре местечка Калараш в Бессарабии, откуда его пригласили солистом в большую хоральную синагогу Бухареста. Затем он организовал передвижной коллектив, называвшийся «Еврейский хор». Кроме обладания хорошим вокалом Могулеско проявил себя как одаренный имитатор и мим. В 1877 году он был

принят в труппу Гольдфадена, который специально для молодого исполнителя написал оперетту «Шмендрик». Затем служил актером в труппах Фишзона, Гроднера, Шайкевича (в ней он и принял псевдоним – Могулеско). В конце 1879 года организовал собственную труппу, с которой до 1883 года проработал на различных сценических площадках Одессы, соединив амплуа режиссера, антрепренера и премьера актерского состава труппы. А в последней были уже не вчерашние любители, а исполнители, достигшие заметного уровня профессионализма: Хаим Тайх, Мойше Зильберман, Мойше Финкель [18], Анетта Шварц (жена Финкеля), Аба Шейнгольд. Из труппы Гольдфадена к Могулеско перешел кантор Гиршнфельд (дед композитора Исаака Дунаевского), ставший хормейстером.

Репертуар коллектива, руководимого Могулеско, мало чем отличался от афиши труппы Гольдфадена: «Фанатик», «Колдунья», «Бар Кохба». Особо выделялись гоголевский «Сам себя наказал» – так называлась обработка Н. Шайкевичем сюжета «Ревизора» (в нем Могулеско сыграл Хлестакова), «Менахем, сын Израиля» одесского драматурга Ш. Каценеленбогена и литературный дебют Могулеско – «Фальшивое чудо». Таким образом, драматургическая монополия Гольдфадена в еврейском театре была нарушена. Серьезным его конкурентом стал выходец из Ясс Иосиф Латайнер – автор пьес «Одержимый бесом», «Сапожник Аншл», «Польский богомолец», «Любовь Иерусалима» и других, игравшихся актерами труппы Могулеско перед одесской публикой и во время гастрольных поездок.

Одно время Могулеско и Лернер даже возглавляли различные еврейские труппы в Одессе (впрочем, скорее, это были две группы внутри одного коллектива), причем, по свидетельству Фишзона, задачу свою Лернер видел в том, чтобы поднять еврейский театр на уровень европейской сценической культуры. Он был убежденным приверженцем классики, достаточно сказать, что при его активном участии впервые еврейская аудитория познакомилась с «Уриэлем Акостой» К. Гуцкова (1881 г.). Через год эта трагедия была поставлена труппой Гольдфадена. Трагедия Карла Гуцкова стала репертуарным прорывом в истории одесских еврейских трупп: до ее постановок их репертуар, в основном, ограничивался домо-

рощенной драматургией, в большей степени связанной с песенно-фольклорной традицией и местечковыми бытовыми сюжетами.

Впрочем, обращение к классическим образцам иногда не обходилось и без провалов: спектакль «Сам себя наказал», по мнению рецензента, «потерпел громадное фиаско» по той причине, что его авторы, не исключая и «канканирующего и паясничающего» Могулеско, создали «несносную арлекинаду на потеху райку» [19].

Как свидетельствует исторический опыт еврейства, неудачи оно переносит стойко, однако то, что случится в 1883 году, молодым театральным труппам пережить будет непросто. Упоминавшийся запрет помимо всего прочего подорвал экономические устои становящегося национального сценического искусства евреев. Актеры попросту лишились средств к существованию. Многие из них подались в эмиграцию [20].

В конце 80-х – начале 90-х годов XIX века был предпринят ряд попыток реанимации еврейской сцены в Одессе. Труппа Якова Спиваковского совершила ряд гастрольных поездок, рискнув включить в маршрут Ростов, Харьков, Симферополь и Киев. В репертуаре были «Жидовка» Э. Скриба, «Бранделе Козак» А. Гольдфадена и «Уриель Акоста» с самим Спиваковским в главной роли. Роль Юдифи сыграла Хана Брагинская – одна из ведущих актрис, к тому же обладавшая прекрасными вокальными данными. Впрочем, одаренных актрис было несколько: В. Заславская, начинавшая актерскую карьеру в труппе Марко Кропивницкого, Ида Гроссман, Софья Бертиль. Вскоре в коллективе появился еще один постановщик, обладавший к тому же немалым организаторским опытом, – Фишзон, после чего актеры продолжили выступления под другим названием: «Труппа немецко-опереточных артистов под управлением Я.М. Спиваковского и под главным режиссерством А.Ф. Фишзона». Сам Фишзон был одаренным комиком, которого рецензент одной из провинциальных газет назвал «первым бытовым артистом еврейской сцены» [21].

В 1898 году в труппу Спиваковского-Фишзона вступил Яков Адлер, начинавший карьеру еще у Гольдфадена и Могулеско, затем уехавший в Англию и Америку и вновь возвратившийся в родной город, который он покинет снова, но уже чтобы стать вместе со своей знаменитой дочерью, Стеллой Адлер, актрисой

и педагогом (достаточно назвать только нескольких ее учеников – Марлона Брандо и Стивена Спилберга), звездами американской сцены и кинематографа. Вместе с Адлером стала играть и его жена Сара Адлер (урожденная Левицкая). Позднее в труппу был принят Яков Гузик, который в 1928 году стал единственным еврейским артистом, удостоенным звания «Герой труда».

В этом же году в город возвращается еще одно «блуждающее созвездие» – труппа Эстер и Авраама Каминских (во время пребывания в Одессе у них родилась дочь, в будущем знаменитая польская еврейская актриса театра и кино Ида Каминская) [22].

Каминские оставили в истории одесского еврейского театра заметный след. Это было связано с их гастрольной поездкой в Одессу в 1913 году. Хотя тогда в афише труппы супругов Каминских было в избытке беспроигрышных комедийных и опереточных названий: «Колдунья», «Шмендрик», «Европейцы в Америке», «Капризная дочь», они открыли свои гастроли пьесой Якова Гордина «Мирале Эфрос». Это было новое имя в еврейской драматургии. Гордин, под влиянием Адлера и Могулеско занявшийся сочинением пьес, тяготел к европейской натуралистической и сентименталистской драме, пытаясь вытеснить с современной ему национальной сцены местечковость, лубочный фольклоризм, опереточность. Главное место в его пьесах (а их было более семидесяти) занимали проблемы еврейской семьи, к анализу которых драматург подходил с нравственных позиций Льва Толстого, активным пропагандистом идей которого он являлся [23].

С 1902 года немалой зрительской популярностью пользуются спектакли «немецкой опереточно-драматической» антрепризы Давида Сабсая, рассчитанные на невзыскательных театралов-неофитов, представлявших ту часть населения, которая лишь начинала знакомство с феноменом еврейской сценической культуры. Репертуар, в основном, включал развлекательные спектакли и мелодрамы: «Кете, или Жизнь в Нью-Йорке» Е. Майора, «Раскаявшийся грешник» А. Шмассова, «Две сироты» Э. Шайкевича, и конечно же, «хиты» – «Колдунья» и «Уриэль Акоста». «Труппа не блещет талантами… Сносных исполнителей имеется в ней только два: комик г. Лагер (он же и режиссер) и каскадная певица г-жа Медведева, обладающая довольно хорошим голосом и наружностью. Хора нет…» [24].

Начальный период истории еврейских трупп в Одессе можно рассматривать как «накопительный». Он подтвердил правоту известного российского критика Александра Кугеля: «Еврейский театр нужен и интересен постольку, поскольку он отражает еврейский быт, еврейскую культуру, еврейскую психологию и создает или пытается создать еврейскую театральную школу и традицию».

* * *

Каким наш театр будет?
Каким богам он будет служить?
На этот вопрос мы ответить не можем.
Мы не знаем наших богов… Мы ищем их.
Алексей Грановский

Второй этап развития еврейского театра в Одессе начинается с обнародованных в 1905 году апрельского указа об укреплении начал веротерпимости, а также октябрьского монаршего манифеста об «основах гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», и длится до первых государственных мероприятий по ликвидации правовых ограничений по признакам вероисповедания и этнической принадлежности, проводившихся в 1917-1918 гг.

В 1905 году Шолом-Алейхем договорился со Спиваковским и Адлером относительно организации постоянно действующего в Одессе еврейского театра наподобие открытого во Львове шестью годами ранее стационарного коллектива Якоба Гимпеля, игравшего на идиш.

Еврейский театр в Одессе открылся в 1908 году стараниями драматурга Переца Гиршбейна (1880-1948). Как автор пьес он эволюционировал от локальной проблематики, связанной с физиологией городского еврейства, до символистической и экзистенциалистской драматургии («Одинокие миры», «Могильные цветы», «Сумерки», «В темноте»), продолжавшей традиции Стриндберга, Л. Андреева и Метерлинка.

К этому времени уже не было нужды маскироваться под немецкоязычные труппы, поскольку запрет на исполнение спектак-

лей на идиш был ликвидирован. В известном смысле оказался прав журналист и театральный критик Г. Аграев, так оценивший ситуацию: «Страдальческий период еврейского театра кончился!» [25, 150].

Открытию еврейского театра предшествовали два успешных спектакля: «По ту сторону реки» по пьесе самого Гиршбейна, поставленного Константином Марджановым на сцене Городского театра. Не менее благосклонно отнеслась театральная аудитория и к показанной труппой Я. Спиваковского в ноябре 1908 года другой пьесе этого же драматурга – «Падаль» («Ди Нейвеле»). Изначально стационарный театр планировал открыть Спиваковский. Был даже заключен договор между ним и Шолом-Алейхемом, по которому писатель должен был стать художественным руководителем и ответственным за репертуар, театру же отдавалось право первой постановки всех его новых пьес. «Я уже заключил договор с дирекциею театра Спиваковского и Адлера, которые сняли большой театр в Одессе на зимний сезон. Я также передал им в исключительное пользование мои пьесы на целый год» [26, 23].

Успех этих спектаклей плюс авторитетная поддержка Хаима-Нахмана Бялика стали причиной того, что 26 января 1909 года был открыт «Литературно-художественный театр Переца Гиршбейна», познакомивший зрителей с его пьесой «Обручение». В труппу были приглашены Бетти Дальская, позднее перешедшая в знаменитую труппу Клары Юнг, Яков Бен-Ами, Лин Ноэми (Рогова), Исаак Веритэ (Вайсблат), Вильгельм Зильберберг, Сарра Фибих, Илья Корик, Леонид Брестовицкий и ряд молодых исполнителей, выпускников одесской драматической студии Марии Морской.

Творческое кредо еврейского театра периода его профессионального становления сформулировал известный театральный деятель Михаил Рафальский (Моше Ахарон): «Еврейский театр, идя по общим законам постепенной и нормальной эволюции театрального творчества, должен стать в настоящем – театром реалистически-бытовым, но не может и не должен прекращать своей жизни до накопления новых сил, для этого и должен пойти по пути систематического и коренного переустройства». Рафальский был одним из первых еврейских сценических деятелей, который еще до Грановского почувствовал настоятельную

потребность преодоления ориентации на воспроизведение быта в национальном театре.

После «Обручения» была сыграна «Падаль», а в конце февраля состоялась премьера пьесы Шолома Аша «С волной», которая, по словам рецензента «Одесских новостей» Бориса Флита, «вызвала бурные восторги переполненного зала и захватила всех пылкостью языка и глубиной самой темы».

Однако Гиршбейн не решался выйти за рамки национальной проблематики в театральной афише, и последующие премьеры: «Женские сердца» Д. Розенблита, «Гетто» Г. Гейерманса, «Вразброд» Шолом-Алейхема, «Янкель кузнец» Д. Пинского – не преодолели ни известной ограниченности в демонстрации на сцене еврейского быта в драматургической тематике, ни черты оседлости – в географии. Приведу показательный пример: когда труппе Фишзона цензура разрешила в 1907 году к постановке «Детей Ванюшина» Сергея Найденова, то спектакль вышел на сцену под невнятным названием «Срул Гершон Шниткреймер» [27, 9]. В конечном счете, подобная практика привела к заметному упадку зрительского интереса к деятельности Литературно-художественного театра [28]. Театр не смог воспитать собственного зрителя, а, как правило, вынужден был потакать вкусам невзыскательной публики: «Мы пробовали увлечь, звать, увлечь за собой массу, но… вынуждены пойти за нею. Это еще не значит, что судьба еврейского театра предрешена. Я глубоко убеждена, что и в данный момент, если бы дело поставить на практическую почву, составить крупное «акционерное» или «паевое» общество, то и теперь можно было бы бороться с засильем оперетты» [29].

Среди постановок, осуществленных Бен-Ами, можно выделить «Сатану» Я. Гордина (это был его бенефисный спектакль) и две пьесы Шолом-Алейхема – «Доктора» и одноактовку «Люди». Одесское еврейство, словно предчувствуя, что эти спектакли – заключительный аккорд в биографии первого еврейского стационарного театра, до отказа заполнило зрительный зал: «Казалось, вся еврейская интеллигенция спешила выразить свои симпатии труппе, оправдываясь и извиняясь за индифферентизм, проявляющийся ею по отношению к еврейскому художественному театру. Игра артистов в этот вечер была так хороша, что, несомненно, у многих оста-

нется добрая память об этом вечере и искреннее сожаление о том, что труппа покинула город. В прошлом году это были талантливые любители, теперь – прекрасно спевшаяся труппа с артистами, подающими большие надежды, от которых ждут обновления и возрождения еврейского театра», – заявила артистка В. Заславская [30].

Завершился первый сезон гастрольной поездкой в Минск и Варшаву. Воспользовавшись отдаленностью от одесской городской администрации, Гиршбейн воссоединился с театром. Приезд одесских еврейских артистов польская пресса назвала «событием дня».

На фоне успешного приема варшавской публикой совершенно неожиданным стало заявление основателя и руководителя первого одесского еврейского стационарного театра о его самороспуске. Гиршбейна можно понять: он устал физически и морально, ведь его пьесы составляли основу афиши, театр же, испытывая острую финансовую недостаточность, так и не обрел богатых покровителей.

С началом первой мировой войны деятельность еврейских театров вновь подверглась ограничениям. Теперь это касалось спектаклей, исполняемых на идиш, поскольку он напоминал немецкий язык. Ряду трупп, прежде всего столичных, разрешалось исполнять спектакли на русском языке. Сложилась ситуация, когда часть еврейской театральной аудитории просто стала бойкотировать эти представления, а русскоязычные зрители изначально не испытывали к ним интереса.

Знаковая дата, конец 1915 – начало 1916 года, когда в Москве состоялся 1-й Всероссийский съезд деятелей народного театра. С докладом о положении еврейского театра выступил драматург и этнограф Семен Ан-ский (Раппопорт), автор знаменитой пьесы «Диббук», поставленной Евгением Вахтанговым в студии «Габима» в 1922 году. Речь шла о необходимости возрождения стационарной национальной сцены, еврейской театральной школы, а шире – о развитии еврейского театрального искусства по всей империи.

Практическое воплощение поставленных задач было половинчатым: если в Петрограде действительно начало функционировать Еврейское театральное общество, открыта национальная

студия, то дело с организацией стационарных театров в столице и крупных еврейских центрах не продвинулось.

Картина, да и то не в провинции, а в Москве и Петрограде, несколько изменилась после революции. Одесса же, переживавшая с 1918 по начало 1920 года интенсивнейший интеллектуально-культурный бум, связанный с притоком эмиграции из обеих российских столиц, предшествовавший так называемому «распылению», еврейского театра так и не получила.

Из относительно значительных событий, связанных с еврейским театром, можно отметить состоявшиеся в 1923 году гастроли труппы Рудольфа Заславского – первого инсценировщика «Тевье-молочника», и регулярные выступления в Одессе коллектива Евмуздрамкомедии, возглавляемого Я. Гузиком, у которого были давние творческие связи с городом. Культурными событиями, стимулировавшими организацию профессионального стационарного еврейского театра, стали одесские гастроли Московского ГОСЕТа в 1924 и 1927 годах, прошедшие с феноменальным успехом.

Третий, качественно новый этап развития еврейского театра начался с открытия Одесского ГОСЕТа в 1930 году.

* * *

> ГОСЕТ… – театр до мозга костей национальный, еврейский. Что бы он ни ставил, какую бы постановочную проблему ни разрешал, – он кладет в основу спектакля материал, почерпнутый из еврейского быта, и этот национальный материал (жанровые сцены, народные песни, пляски, жесты, интонации, костюмы) разрабатывается и стилизуется согласно принципам, выработанным… для создания нового еврейского театра.
>
> Стефан Мокульский

«Второму пришествию» еврейского театра в Одессу предшествовал период студийности. Основу ряда национальных театральных студий составляли энтузиасты и безработные артисты. Об одной из таких полулюбительских трупп писал местный теат-

ральный журнал: «Небольшая труппа еврейских артистов составила коллектив, задачею которого является обслуживание трудовой еврейской массы. Труппа ставит спектакли на окраинах, выбирая пьесы социального характера. Режиссирует спектакли артист Басманов. Уполномоченным состоит т. Котлерман. С пополнением труппы новыми силами труппа обоснуется в одном из центральных театров [31, 8.].

В 1922 году на состоявшемся собрании одесских театральных деятелей было предложено открыть в городе постоянно действующие украинский и еврейский стационарные театры, поскольку «недопустимо отсутствие в таком крупном театральном центре, как Одесса, украинской и еврейской театральных трупп» [31, 10].

Украинский театр открылся в Одессе менее чем через три года, еврейского стационара пришлось ждать дольше. Правда, в том же 1922 году труппе Басманова было предоставлено помещение кинотеатра «Зеркало жизни», однако на ее основе настоящий профессиональный коллектив не возник. Причин тому было немало, а главная – то, что неопытные артисты стали тиражировать набор традиционных для еврейского провинциального театра тем и штампов: «Труппа не блещет крупными именами и талантами… Пьесы несерьезные, безыдейные, мещанского содержания. Новых еврейских пьес нет. Правда, режиссер Басманов всеми силами пытается сгладить острые углы, уменьшить количество крови, выстрелов, облагородить персонаж, но все же плесень остается плесенью» [32, 3].

Примерно в том же русле развивалась деятельность организованного в Одессе Первого государственного еврейского театра, руководимого Иехошуа (Евсеем) Бертоновым – будущим премьером израильской «Габимы», лауреатом Государственной премии Израиля 1959 года, прошедшим еще в России школу Павла Орленева и Ивритской драматической труппы в Белостоке («Халахака-ха-драматит ха-иврит»), образованной в 1919 году. Помогали Бертонову писатель Аврум Коган и видный в будущем деятель еврейской сцены Владимир (Биньомин) Шварцер. Несмотря на громкое название, театр просуществовал совсем недолго. Голодное время вынудило собранную труппу заняться поисками

хлеба насущного более приземленными, чем театральная сценическая деятельность, средствами. Сведений об этом коллективе почти не сохранилось, кроме резолюции городского наробраза: «Постановка фарсов и пьес, по своему содержанию приближающихся к фарсам, воспрещается. Воспрещаются также сольные представления легкого жанра, действующие разлагающе на пролетарские массы». Сказанное не касается только характерной для репертуара многих еврейских гастрольных трупп оперетты. Так, в 1923 году Главрепертком запретил оперу Моше Мильнера «Пылающие небеса» («Ди гимели бренен»), созданную на основе пьесы С. Ан-ского «Диббук», как произведение «клерикальное и вредное».

Отчасти театральный вакуум у местной еврейской аудитории заполняли артисты Харьковского государственного еврейского театра, поочередно игравшие спектакли в тогдашней столице УССР и Одессе. Театр этот возглавлял Наум (Нахум) Лойтер, творческая биография которого одно время тоже была связана с Одесским ГОСЕТом (как и его брата Эфраима Лойтера, сотрудника Соломона Михоэлса, являвшегося с 1935 по 1949 годы художественным руководителем еврейского театра в Одессе).

Было еще одно знаковое событие, связанное с еврейским театром. В 1926 году вахтанговская студия «Габима» под официальным предлогом проведения длительных европейских гастролей покинула Россию. В ожидании парохода (а оно заняло около десяти дней) студийцы провели на одесской квартире фольклориста и литератора Залмана Шнеера (Окуня), в будущем ставшего заведующим литературной частью театра Михоэлса и автором знаменитой пьесы «Фрейлехс», ряд открытых репетиций, активно посещавшихся молодыми людьми, интересовавшимися сценическим искусством. Для многих из них увиденное стало запомнившимся театральным мастер-классом.

В 20-х годах начала функционировать Одесская молодежная еврейская театральная студия, организованная учеником Вахтангова Марком Рубинштейном [33], ставшая одним из коллективов, на основе которых в середине 30-х годов будет образован Одесский ГОСЕТ.

Наконец, 17 декабря 1930 года был открыт Одесский государственный еврейский театр-студия, начавший свой первый сезон пьесой Александра Безыменского «Выстрел». Театру было предоставлено помещение в самом центре города, в квартале от Дерибасовской, на Греческой улице (там сегодня размещается ТЮЗ). Возглавил театр М. Рубинштейн, который привел в новый коллектив ряд своих студийцев.

Еврейский театр сразу же попал в идеологический капкан: «Цей театр новий, пролетарський… Цей театр третій в Україні, що власною студійною роботою зумів притягнути до себе увагу пролетарської громадськості міста. Його подальша робота вимагає широкої участі від партійних, комсомольських організацій пролетарської громадськості Одеси» [34]. ГОСЕТ был ориентирован властью на определенную аудиторию, состоящую, в основном, из зрителей-неофитов, со сценическим искусством практически не знакомых. Это, в свою очередь, предопределило основную направленность репертуара [35].

О «Выстреле» пресса отозвалась вполне доброжелательно: «П'єса актуальна, гостра… Головна заслуга постановника Рубінштейна – він виявив не тільки велике вміння працювати з молодими акторами, їх сценічно навчати та треньювати, але й показав добру театральну культуру і режисерську вигадку. Постановка його оригінальна, динамічна, міцно зв'язана з оформленням… Постановка «Пострілу» була для державного єврейського театру іспитом політичним й художнім, і його він склав успішно» [36].

Одесский ГОСЕТ не оправдал возлагавшихся на него идеологических надежд, поскольку труппа его ориентировалась на реализацию формалистических сценических идей, что шло вразрез с государственными цензурно-политическими требованиями.

В 1934 году была предпринята вторая попытка формирования профессионального театрального еврейского стационара в Одессе. На базе части труппы Винницкого передвижного еврейского театра [37], состоящей, в основном, из молодежи, был создан новый Одесский ГОСЕТ, колектив которого возглавил Евгений Венгре. В труппе был опытнейший Марк Меерсон, начавший артистическую карьеру в 1876 году еще в антрепризе Николая Милославского (Фридебурга), а в 1906 году создавший варшав-

ский Драматический ансамбль, в репертуаре которого значились Шекспир, Шиллер, пьесы Шолом-Алейхема и Гордина. Особую роль в творческой судьбе актера сыграл знаменитый киевский театр Анатолия (Тевье) Люксинбурга «Кунст винкл» («Уголок искусства»), собравший в 1924 году лучших на тот период представителей еврейского актерского цеха – Бугову, Иву Вин, Мириам Лившиц, Шнейдл Стрельскую, Софью Эдельман, Лазаря Колмановича, Владимира Коралли (Кемпера), Исаака Ракитина. Кроме того, Меерсон был известен как драматург (пьесы «Молот жизни», «Два отца», «Каторжник», «Жертва за жертву» и другие) и переводчик.

Театр открылся «Оптимистической трагедией» Всеволода Вишневского. Для Венгре это была уже вторая постановка этой пьесы, которой он 1 декабря 1934 года открыл Русский драмтеатр в Николаеве [38]. В одесском спектакле, премьера которого совпала с официальным началом деятельности нового ГОСЕТа, этот режиссер поручил роль Комиссара Лие Буговой – будущей ведущей исполнительнице не только еврейской, но с 1939 года и русской одесских трупп.

Будущая народная артистка Украины (это звание Бугова получила в 1946 году) имела немалый опыт работы на идишеязычной сцене. С юности она играла в полулюбительских труппах, затем окончила школу при театре «Кунст винкл», играла в винницком, киевском, передвижном еврейских театрах, а с 1934 года провела пять сезонов в Одесском ГОСЕТе.

Среди образов, выведенных Буговой на подмостки этого театра: Рохеле в «Любовь Стемпеню» Шолом-Алейхема (позднее эту роль в иной трактовке сыграет и Софья Иоффе), Кручинина в «Без вины виноватые», Мирандолина в «Хозяйке гостиницы», Лауренсия в «Овечьем источнике». Диапазон действующих лиц Буговой на одесской еврейской сцене поражает объемом и разнообразием: от Эммы Бовари до горьковской Ниловны. «Она не играла вообще, – вспоминала актриса Елена Кузьмина, – она жила своей героиней. Вероятно, когда ее героине должно быть физически больно, Лия чувствовала эту боль в себе».

В 1939 году Бугова сыграла главную роль в пьесе одесского автора Айзика Губермана (в будущем автора оперетты «Дари-

те любимым тюльпаны», написанной в тандеме с Александром Шнайдером и имевшей ошеломительный успех на советской музыкальной сцене) «Девушка из Москвы», в которой в одном из эпизодов ей нужно было прочесть большой отрывок из письма Татьяны Онегину. В это время режиссер Русского театра Авраам Треплев искал исполнительницу главной роли в готовящемся спектакле «Мать» по К. Чапеку. Он, пораженный тем, как сыграла Бугова фрагмент из «Евгения Онегина», пригласил ее в свою постановку, после чего актриса уже навсегда связала свое творчество с русскоязычной сценой [39].

Со дня основания с Одесским ГОСЕТом связал свою творческую судьбу Владимир Шварцер, универсальный актер с огромным опытом, прошедший школу Сабсая, у которого он начал службу суфлером, работавший с Бертоновым, в труппе Менахема Рубина, в Винницком передвижном еврейском театре. Коронной его ролью был Тевье-молочник, которого он начал репетировать еще в Московском ГОСЕТе вместе с великим Михоэлсом как его дублер по спектаклю. Шварцер был единственным актером на советской еврейской сцене, который сыграл Ленина в постановке пьесы «Яков Свердлов». В 1943 году актер после настоятельных просьб Михоэлса вернулся в Московский еврейский театр.

В труппе было немало молодежи: Владимир Коган-Шац, мастерски исполнявший роль шолом-алейхемского Гершеле Остропольера и воплотивший ряд комических образов, Клара Гартова (Седецкая).

Венгре стоял у руководства театром всего один сезон, а в 1935 году его сменил Эфраим Лойтер, имевший немалый опыт сотрудничества с еврейскими театральными труппами. С 1919 по 1924 годы он был одним из художественных руководителей национальной студии при Культур-лиге (Киев – Москва), затем учился у Вахтангова и Мейерхольда, в 1924-1925 годах стоял во главе Бакинского рабочего театра и еврейской студии, в 1925-1928 годах руководил Харьковским ГОСЕТом, с 1925 по 1929 годы вместе с Михоэлсом (в 1946 году они оба были удостоены Сталинской премии: Э. Лойтер за спектакль «Нестерка», поставленный им в Белорусском театре им. Я. Коласа в 1941 году, а Михоэлс за постановку «Фрейлехса») сотрудничал в театральной сту-

дии Московского ГОСЕТа, потом преподавал в ГИТИСе. Пожалуй, именно Лойтер для Одессы стал в одном лице «опытным режиссером, художником и культурным актером», о нехватке которых сокрушались видные деятели национальной культуры [40, 11, 12]. Он пришел в ГОСЕТ с относительно сложившейся концепцией еврейского актера и театра: сказалось тесное сотрудничество с Михоэлсом в театральной студии при Московском ГОСЕТе. Получалось далеко не все, но возглавлявшаяся им одесская труппа взяла твердый курс на преодоление характерной для провинциальной еврейской сцены культурной герметичности и тематической местечковости. В этом смысле симптоматично, что один из пародийных спектаклей, поставленных Э. Лойтером в 1923 году с коллективом театра-студии «Культур-лиги», состоявшем, в основном, из учеников Вахтангова, Мейерхольда и Грановского, назывался «Прощай, мое местечко» [41].

Э. Лойтеру удалось сплотить вокруг театра художественную элиту Одессы: с ГОСЕТ сотрудничали композиторы Константин Данькевич и Яков Файнтух [42], сценографы Петр Злочевский и Матвей Драк, кинорежиссер Игорь Земгано, писатели Нотэ Лурье и Ирма Друкер. Кроме еврейской классики на сцене ГОСЕТа были поставлены «Мирале Эфрос» Я. Гордина, «Колдунья» Гольдфадена, «Сестры» Ицхока-Лейбуша Переца, «Хозяйка гостиницы» К. Гольдони, «Овечий источник» и «Собака на сене» Лопе де Вега, «Эмма Бовари» по Г. Флоберу, «Семья Оппенгейм» Лиона Фейхтвангера, «Нора» Г. Ибсена, «Без вины виноватые» Александра Островского, «Яков Свердлов» Я. Дэля, «Мать» М. Горького, «Шестеро любимых» А. Арбузова. Впервые на еврейской сцене был сыгран спектакль «Глитай, або ж павук» М. Кропивницкого [43]. В основном, перечисленные постановки приходятся на 1935-1939 годы – период расцвета Одесского ГОСЕТа. В 1940 году в труппу принят ряд выпускников театрального училища при Московском еврейском театре.

На пике популярности и творческого расцвета театр застала Отечественная война, кардинально вмешавшаяся в творческие планы и изменившая его биографию.

Сообщение о нападении фашистской Германии театр встретил во время гастрольной поездки в Кременчуг.

В период немецко-румынской оккупации Одессы периодически ставились подпольные спектакли на идиш в городском гетто, в которых принимали участие литераторы Ася Даревич, Биньомин Вильнер, Герман Столпер и другие актеры-любители (Рея Ринцлер, Карл и Густа Тефнер, Бенцион Попликер, Ари Фурман и другие). Из постановок, осуществленных в гетто, известны «День и ночь» Ан-ского, «Исход из Египта», в основу которого был положен не ветхозаветный, а исторический эпизод, связанный с побегом евреев-заключенных из румынского концлагеря в Вапнярке весной 1943 года. «В это судьбоносное время мы играли для евреев. Надо было выстоять и преодолеть психоз. Театр был нашим капиталом и страстью…» – писал исследователь театра еврейской диаспоры на занятых захватчиками территориях СССР Йонас Турков [44, 437]. Еврейский театр периода Катастрофы – тема малоисследованная и требующая специального изучения.

Вернемся к Одесскому ГОСЕТу: театр был эвакуирован сначала в Ташкент, а в 1942 году его решили соединить с Харьковским еврейским театром. Объединенную труппу разместили в Самарканде, где репертуар театра пополнился спектаклями «Клятва» Иехезкиля Добрушина, «Жди меня» Константина Симонова.

Война заметно ослабила труппу Одесского ГОСЕТа. Так, в 1944 году часть исполнителей была переведена в Киевский еврейский театр, базировавшийся в Черновцах. Ряд артистов, например, Ефим Маркони, еще в конце 30-х – начале 40-х годов были репрессированы, некоторые погибли на фронте, часть рассеялась по другим театрам, в частности, усилила труппу Биробиджанского еврейского театра.

После окончания войны еще некоторое время труппа ГОСЕТа работала в Средней Азии, а когда вернулась в Одессу, то выяснилось, что его помещение передано Театру Красной Армии при Одесском военном округе. Лишенный стационара коллектив перевели в районный центр Балту, изменив его название на Одесский еврейский передвижной театр. 4 мая 1948 года труппа сыграла свой последний спектакль в Одессе. Это, как уже говорилось, был «Фрейлехс». Последнее театральное «Веселье» оказалось с ощутимым привкусом горечи.

Одесский ГОСЕТ попал в жернова антисемитской государственной политики и разгрома еврейской культуры, когда национальные театры исчезали один за другим, а видные сценические деятели, драматурги и критики уничтожались физически или были арестованы, а в лучшем случае объявлялись космополитами и насильственно отлучались от профессии.

Подобная участь не миновала и одесский ГОСЕТ: зимой 1949 года во время выступлений в Кривом Роге театр был ликвидирован. Этим завершалась история профессиональной еврейской сцены в Одессе [45].

Ссылки и примечания

[1] Приведу выборочную динамику изменения численности еврейского населения Одессы: в 1897 г. – 30,5% (при общей численности населения – 124 тысячи); 1900 г. – 31,3% (население – 134 тысячи); 1903 г. – 34,7% (население – 145,5 тысяч); 1926 г. – 36,9% (население – 425 тысяч); 1939 г. – 33,26% (население – 603 тысячи); в 1950 г. – около 20% (население – 600 тысяч); в 1975 г. – 10% (население – 1 миллион 10 тысяч); 1989 г. – 5,9% (население – 1 миллион 150 тысяч); 2001 г. – 1,2% (население – 1 миллион 7 тысяч).

[2] Пуримшпиль – зрелищная составляющая праздника Пурим, еврейская литургическая драма, первоначально включающая представление фрагментов Книги Эсфири.

[3] Еврейская диаспора, находившаяся в эллинистическом культурно-географическом контексте, была знакома с театрально-зрелищными инициативами, популярными в греко-римской среде. Сохранились фрагменты трагедии «Исход из Египта», авторство которой принадлежит александрийскому еврейскому поэту Иехезкелю (конец III – начало II вв. до н. э.), упоминание о деятельности популярного трагического актера – выходца из еврейский общины Алитироса.

[4] А. Г. Почему нет театра у евреев // Театральный и музыкальный вестник. – СПб, 1859, № 47.

[5] Промежуточным пунктом стали Бухарест и Лондон, куда на некоторое время перебралась часть видных деятелей профессиональной еврейской драматической сцены.

[6] Указанный запрет не смог полностью ликвидировать деятельность еврейских трупп, но значительно усложнил условия их существования.

[7] Эминеску М. Еврейский театр // Ясский курьер, 1876, № 93.

[8] Фишзон А. Записки еврейского антрепренера // Библиотека театра и искусств. – СПб., 1913, кн. 9.

[9] Дерибас Ф. Старая Одесса. – Одесса, 1913.

[10] Зигзаги // Одесские новости. 1909, 18 февраля.

[11] Фишзон А. Записки еврейского антрепренера // Библиотека театра и искусств. Кн. 12.

[12] Ведомости Одесского градоначальства. 1879, 25 января.

[13] Основой репертуара еврейской труппы, после того как ее вновь возглавил Гольдфаден, стали спектакли «Шмендрик» («Ничтожный человечек»), «Дер фанатик, одер цвей Куни-Лемлех» («Фанатик, или Двое простофиль»), «Шуламис» («Суламифь»), «Рекруты».

[14] Литваков М. Пять лет Государственному еврейскому камерному театру (1919-1924). – М., 1924.

[15] Ведомости Одесского градоначальства. 1880, 18 января. При этом автор заметки не без иронии назвал исполнителей оперетты «доморощенными знаменитостями».

[16] Афиши и объявления. 1883, 23 марта.

[17] Петербургский листок. 1881, 25 июля.

[18] В начале 1883 года Финкель создал в Одессе собственную труппу под названием «Общество еврейских опереточных и драматических актеров», в составе которой были Дувид Кесслер и Зелик Файнман – одни из создателей американского еврейского театра. Вскоре после запрета спектаклей «на еврейском жаргоне» вся труппа переехала в Румынию, где снова воссоединилась с коллективом Могулеско.

[19] Одесский листок. 1883, 18 марта.

[20] Этот процесс имел и иные, уже не локальные культурные последствия, поскольку именно актерам-эмигрантам ряд стран, прежде всего, США, обязаны не только созданием еврейского, но и интенсивным развитием американского театра, а также кинематографа и эстрады.

[21] Елисаветградские новости. 1907, 29 мая.

[22] Театральную карьеру Ида Каминская (Каминска) начала в 1904 году, много снималась в кино, а за участие в чешском фильме «Магазин на площади» стала номинанткой на премию «Оскар». Руководила Варшавским и Львовским еврейскими театрами. В 1968 году эмигрировала в США.

[23] В целях пропаганды толстовства Гордин создал «Духовно-библейское братство», в котором по примеру соратника К. Станиславского Л. Сулержицкого пропагандировал коммунально-трудовой образ жизни, возврат к природе и т. д.

[24] Закржевский А. Вендоры // Одесское театральное обозрение. 1901, 12 декабря.

[25] Аграев Г. Еврейский театр // Театральная Россия. – СПб,. 1905, № 10.

[26] Театр. – К., 1940, № 7.

[27] «Существующие теперь еврейские труппы не стоят на высоте современной еврейской драматургии. И в этом их основной дефект… Пьеса (речь идет о пока-

занной на киевских гастролях труппой Фишзона пьесе Якова Гордина «Ди Шхите». – **А. Б.**) не претендует на оригинальность сюжета… Пьеса ведется труппой в растянутом, скучном темпе, что нарушает яркость и цельность впечатления» (Икар. Театр Медведева // Киевский театральный курьер. 1908, 19 декабря).

В этом смысле не представляется чрезмерно радикальным утверждение Алексея Грановского, заявившего: «Сцене не нужен еврей, ей нужен человек… Мы утверждаем, что еврейский театр есть раньше всего Театр вообще, Храм Светлой Красоты… Храм, в котором молитва поется на еврейском языке» (Грановский А. Наши цели и задачи // Еврейский камерный театр. К его открытию в июле 1919 года. – Пг., 1919, с. 6).

[28] Частичной утрате зрительской популярности первым стационарным еврейским театром способствовало и то обстоятельство, что он не мог конкурировать с многочисленными театрами миниатюр, в труппах которых на первых ролях служило множество артистов-евреев: Владимир Хенкин, Алексей Алексеев (Лифшиц), Владимир Коралли (Кемпер), Леонид Утесов (Вайсбейн), Лев Леонов, Яков Южный, Аркадий Громов (Гробер) и Владимир Милич, Иза Кремер, Александр Закушняк, позднее ставший известным чтецом и актером у Мейерхольда, Ева Баскакова, Лев Зингерталь, а антрепренерами были искушенные в своем деле Леонид Амчиславский, Яков Гольдберг, Давид Млинарис, Альфред Сутин, Михаил Пинтер, Давид Виноградский.

[29] Сцена и жизнь. 1911, № 1.

[30] Одесское слово. 1909, № 3, 20 февраля.

[31] Зритель. 1922, № 6. Добавлю, что в 1926 году идиш признали родным языком 76,1% евреев Украины, а к 1933 году 49,6% еврейских детей обучались в школах на идиш.

[32] Зритель. 1922, № 10. Все шло в точном соответствии с диагнозом известного искусствоведа и арт-критика Акима Волынского (Хаима Флексера): «Когда страна разбита и унижена… театр падает фатально… На сцену выплывают ярмарочные мелодрамы, грубые фарсы, клоунады…» («Жизнь искусства». 1922, № 36, с. 3).

[33] М. Рубинштейн был энтузиастом сценического искусства, но собственной программы создания театра у него не было.

[34] Чорноморська комуна. 1930, № 415.

[35] Государственная власть в лице образованных ею в больших городах Еврейских секций при местных отделениях Наркомата просвещения стремилась к формированию нового типа советского еврейства, эмансипированного от иврита, синагоги, национальных праздников и традиций.

[36] Чорноморська комуна. 1930, № 423.

[37] Винницкий передвижной еврейский театр тоже возник на основе слияния двух еврейских трупп: минского «Красного факела» и криворожского «Ройтер гамера» («Красного молота»).

[38] В электронной версти Еврейской энциклопедии постановочное авторство «Оптимистической трагедии» ошибочно приписано Эфраиму Лойтеру, возглавившему Одесский ГОСЕТ в 1935 году, то есть уже после того, как при Е. Венгре пьеса Вишневского заняла место в репертуаре театра.

[39] Весной 1941 года Одесский ГОСЕТ приступил к репетициям драмы Кропивницкого «Мироед, или Паук», в которой Бугова (уже работавшая в Русском драмтеатре) захотела сыграть Олену. Однако принципиальный Э. Лойтер, так и не простивший бывшей премьерше ухода в другой коллектив, отказал ей.

[40] Риверсман М. Прошлое и будущее еврейского театра // Еврейский камерный театр. К его открытию в июле 1918 года. – Пг., 1919.

[41] В 1925 году на базе этой студии был создан Киевский ГОСЕТ с базой в Харькове.

[42] Роман Бродавко в статье «Еврейский театр в Одессе», опубликованной в «Мигдаль Times» (№ 32, апрель-март 2003), в числе фигурантов, сгруппировавшихся вокруг Одесского ГОСЕТа, ошибочно обозначил С. Файнтуха. Речь, судя по всему, идет о композиторе и дирижере Соломоне Файнтухе, известном тем, что он являлся одним из авторов Государственного гимна УССР, утвержденного в 1949 году. Он харьковчанин, и в Одессе никогда не работал. На самом же деле имеется в виду его однофамилец – Яков Файнтух, композитор, выпускник Одесской консерватории, автор ряда оперетт («Розита», «Тамила»).

[43] Э. Лойтер неизменно проявлял интерес к украинскому театру и драматургии. Так, в Одесском украинском театре Октябрьской революции им были поставлены спектакли «Большой выигрыш» Шолом-Алейхема (сезон 1945-1946 годов), «Простые люди» по пьесе Корнейчука «Макар Дубрава» (сезон 1947-1948 годов), а еще до войны в сезоне 1937-1938 годов – «Правда» этого же автора.

[44] Турков Й. Театр и концерты в гетто и концентрационных лагерях // Еврейский театр в Европе. – Нью-Йорк, 1968 (перевод с идиш Златы Зарецкой).

[45] В годы перестройки был осуществлен ряд попыток воссоздания еврейского драматического театра в Одессе. Однако эти мероприятия преимущественно носили и продолжают носить разовый характер.

«Стихи бессмертные писал»

К 190-летию одесской ссылки Пушкина

Эта строка из стихотворения Таисии Соколовой, обнаруженного в альбоме 1847 года коллекционером одессики Леонидом Рабиновичем в Нью-Йорке.

Начну с того, что альбом Таисии Соколовой – это не обычный «уездной барышни альбом» для провинциальных мадригалов. Это, как мы бы теперь сказали, «самиздат». В изысканный альбом ручной работы, вышитый бисером, Соколова записывала свои стихотворения, даже составила оглавление. На первой странице, ниже названия «Стихотворения Таисии Соколовой», слева – «Одесса», справа – «27 декабря 1847 года».

Прошло чуть больше десяти лет со дня трагической гибели А.С. Пушкина. Много ли мы знаем стихов в те годы, посвященных поэту? Естественно, прогремевшее на всю Россию стихотворение М. Лермонтова «Смерть поэта», стихи Федора Тютчева, которого Пушкин ввел в русскую поэзию, поместив стихи молодого поэта в «Современнике», стихи Алексея Кольцова…

Тем интереснее представляется неизвестный до сих пор текст, хранившийся в семейном альбоме. И любопытно, что это не стихи памяти поэта, а… воспоминания о поэте, где дается оценка его дару.

Лишь еще одно стихотворение в этом альбоме, украшающем коллекцию одессики Леонида Рабиновича, связанно с именем конкретного человека – стихи на смерть генерала П.П. Бутовского. Все остальные тексты – лирические переживания Таисии Соколовой.

Евгений Голубовский

Таисия Соколова

Воспоминание о Пушкине

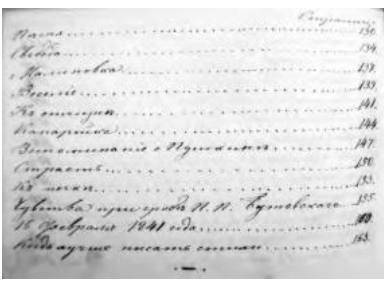
Давно умершего Поэта
Раскрыта книга предо мной.
Зачем он не живет для света?
Зачем лежит в земле сырой?
Нет! Он в своих стихотвореньях,
Наш славный Пушкин, не умрет!
В его бывалых вдохновеньях
Душа бессмертная живет!
Какой гармонией чудесной
Свилася цепь его стихов!
В них жизни отблески небесной,
В них отзыв будущих веков.
Он все прошел: любовь, измену,
Покоем счастливую жизнь;
Потом гоненье, перемену...
Не избежал и укоризн.
Но поэтической душою
Он никогда не упадал;
Неподражаемой рукою
Стихи бессмертные писал!
Да! Нет его! Все замолчало –
Нет той поэзии живой,
Она еще не зазвучала
Могучей славою родной!
Покойся с миром, незабвенный,
Душой восторженный Поэт!
Внимай от неба… Вдохновенный
Тебе сердечный мой привет!
Венок сплету из роз душистых,
Твою им память обовью;
Тебе хвалу в порывах чистых
Я не робея воспою!

Публикация Леонида Рабиновича

Одесские Соколовы

На сегодняшний день мы не располагаем конкретной информацией об авторе. Однако ряд косвенных обстоятельств указывает на то, что Таисия Соколова может иметь отношение к весьма известному в Одессе с начала 1830-х до середины 1850-х годов семейству.

Стихотворения
Таисии Соколовой

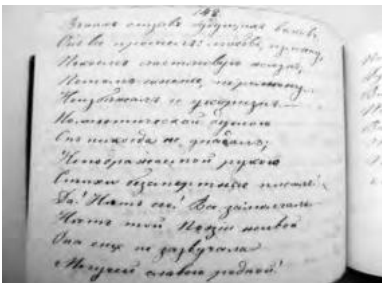

Григорий Иванович Соколов начинал службу непосредственно в штате новороссийского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова, затем был инспектором Ришельевского лицея и одесским цензором. Он хорошо знаком специалистам как вице-президент Императорского общества сельского хозяйства Южной России, редактор и член редколлегии издаваемых этим обществом записок, библиотекарь и консерватор музея Одесского общества истории и древностей, сотрудник ряда научных организаций, в том числе международных. Выдающийся гуманист, Соколов пользовался исключительным уважением и любовью коллег и лицеистов, которые буквально на руках несли его саркофаг к месту погребения на Воскресенском кладбище.

С 1840 года мы видим на одесском театре действий и его брата, Александра Ивановича, человека не менее рельефного, служившего в Приказе общественного призрения, а далее параллельно в Попечительстве детских приютов. А.И. Соколов памятен литературоведам, историкам театра, культурологам как член здешней театральной дирекции и часто упоминается мемуаристами в контексте пребывания в Одессе Н.В. Гоголя. Соколов был весьма приметной и очень авторитетной фигурой местного бомонда, не только приятельствовал с Гоголем, но входил в узкий круг общения Л.С. Пушкина и проч. Это настолько из-

вестные сюжеты, что нет никакой нужды их пересказывать.

О семействе Григория Ивановича известно довольно много. Его супруга Ксения Михайловна Кирьякова, дочь одного из основателей Одессы, оставила воспоминания о традиционных посещениях дома ее отца на Коблевской улице А.С. Пушкиным в 1823-1824 годах. От этого брака родились три дочери – Ксения, Варвара и Юлия. Известны также имена сестер Григория и Александра Ивановичей, и среди них нет Таисии. Я пока ничего не знаю о жене А.И. Соколова, то есть Таисия вполне может оказаться супругой Александра Ивановича.

На некоторые размышления наводит тональность стихотворения памяти командира пехотной бригады, генерал-майора Петра Петровича Бутовского («зачем вокруг тебя семья чужая» и т. п.): возможно, Таисия Соколова – урожденная Бутовская, или, во всяком случае, входила в его родственное окружение?

Как бы то ни было, живые и опосредованные воспоминания о Пушкине органично присутствовали в домашнем быту Соколовых. И можно с большой долей уверенности предполагать, что Таисия принадлежала именно к этому семейству.

Олег Губарь

«Стихи бессмертные писал»

К 190-летию одесской ссылки Пушкина

Эта строка из стихотворения Таисии Соколовой, обнаруженного в альбоме 1847 года коллекционером одессики Леонидом Рабиновичем в Нью-Йорке.

Начну с того, что альбом Таисии Соколовой – это не обычный «уездной барышни альбом» для провинциальных мадригалов. Это, как мы бы теперь сказали, «самиздат». В изысканный альбом ручной работы, вышитый бисером, Соколова записывала свои стихотворения, даже составила оглавление. На первой странице, ниже названия «Стихотворения Таисии Соколовой», слева – «Одесса», справа – «27 декабря 1847 года».

Прошло чуть больше десяти лет со дня трагической гибели А.С. Пушкина. Много ли мы знаем стихов в те годы, посвященных поэту? Естественно, прогремевшее на всю Россию стихотворение М. Лермонтова «Смерть поэта», стихи Федора Тютчева, которого Пушкин ввел в русскую поэзию, поместив стихи молодого поэта в «Современнике», стихи Алексея Кольцова…

Тем интереснее представляется неизвестный до сих пор текст, хранившийся в семейном альбоме. И любопытно, что это не стихи памяти поэта, а… воспоминания о поэте, где дается оценка его дару.

Лишь еще одно стихотворение в этом альбоме, украшающем коллекцию одессики Леонида Рабиновича, связанно с именем конкретного человека – стихи на смерть генерала П.П. Бутовского. Все остальные тексты – лирические переживания Таисии Соколовой.

Евгений Голубовский

Таисия Соколова

Воспоминание о Пушкине

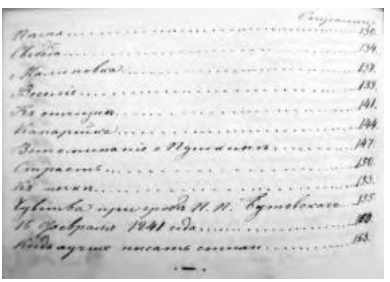
Давно умершего Поэта
Раскрыта книга предо мной.
Зачем он не живет для света?
Зачем лежит в земле сырой?
Нет! Он в своих стихотвореньях,
Наш славный Пушкин, не умрет!
В его бывалых вдохновеньях
Душа бессмертная живет!
Какой гармонией чудесной
Свилася цепь его стихов!
В них жизни отблески небесной,
В них отзыв будущих веков.
Он все прошел: любовь, измену,
Покоем счастливую жизнь;
Потом гоненье, перемену...
Не избежал и укоризн.
Но поэтической душою
Он никогда не упадал;
Неподражаемой рукою
Стихи бессмертные писал!
Да! Нет его! Все замолчало –
Нет той поэзии живой,
Она еще не зазвучала
Могучей славою родной!
Покойся с миром, незабвенный,
Душой восторженный Поэт!
Внимай от неба… Вдохновенный
Тебе сердечный мой привет!
Венок сплету из роз душистых,
Твою им память обовью;
Тебе хвалу в порывах чистых
Я не робея воспою!

Публикация Леонида Рабиновича

Одесские Соколовы

На сегодняшний день мы не располагаем конкретной информацией об авторе. Однако ряд косвенных обстоятельств указывает на то, что Таисия Соколова может иметь отношение к весьма известному в Одессе с начала 1830-х до середины 1850-х годов семейству.

Стихотворения
Таисии Соколовой

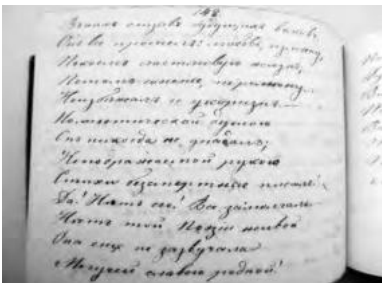

Григорий Иванович Соколов начинал службу непосредственно в штате новороссийского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова, затем был инспектором Ришельевского лицея и одесским цензором. Он хорошо знаком специалистам как вице-президент Императорского общества сельского хозяйства Южной России, редактор и член редколлегии издаваемых этим обществом записок, библиотекарь и консерватор музея Одесского общества истории и древностей, сотрудник ряда научных организаций, в том числе международных. Выдающийся гуманист, Соколов пользовался исключительным уважением и любовью коллег и лицеистов, которые буквально на руках несли его саркофаг к месту погребения на Воскресенском кладбище.

С 1840 года мы видим на одесском театре действий и его брата, Александра Ивановича, человека не менее рельефного, служившего в Приказе общественного призрения, а далее параллельно в Попечительстве детских приютов. А.И. Соколов памятен литературоведам, историкам театра, культурологам как член здешней театральной дирекции и часто упоминается мемуаристами в контексте пребывания в Одессе Н.В. Гоголя. Соколов был весьма приметной и очень авторитетной фигурой местного бомонда, не только приятельствовал с Гоголем, но входил в узкий круг общения Л.С. Пушкина и проч. Это настолько из-

вестные сюжеты, что нет никакой нужды их пересказывать.

О семействе Григория Ивановича известно довольно много. Его супруга Ксения Михайловна Кирьякова, дочь одного из основателей Одессы, оставила воспоминания о традиционных посещениях дома ее отца на Коблевской улице А.С. Пушкиным в 1823-1824 годах. От этого брака родились три дочери – Ксения, Варвара и Юлия. Известны также имена сестер Григория и Александра Ивановичей, и среди них нет Таисии. Я пока ничего не знаю о жене А.И. Соколова, то есть Таисия вполне может оказаться супругой Александра Ивановича.

На некоторые размышления наводит тональность стихотворения памяти командира пехотной бригады, генерал-майора Петра Петровича Бутовского («зачем вокруг тебя семья чужая» и т. п.): возможно, Таисия Соколова – урожденная Бутовская, или, во всяком случае, входила в его родственное окружение?

Как бы то ни было, живые и опосредованные воспоминания о Пушкине органично присутствовали в домашнем быту Соколовых. И можно с большой долей уверенности предполагать, что Таисия принадлежала именно к этому семейству.

Олег Губарь

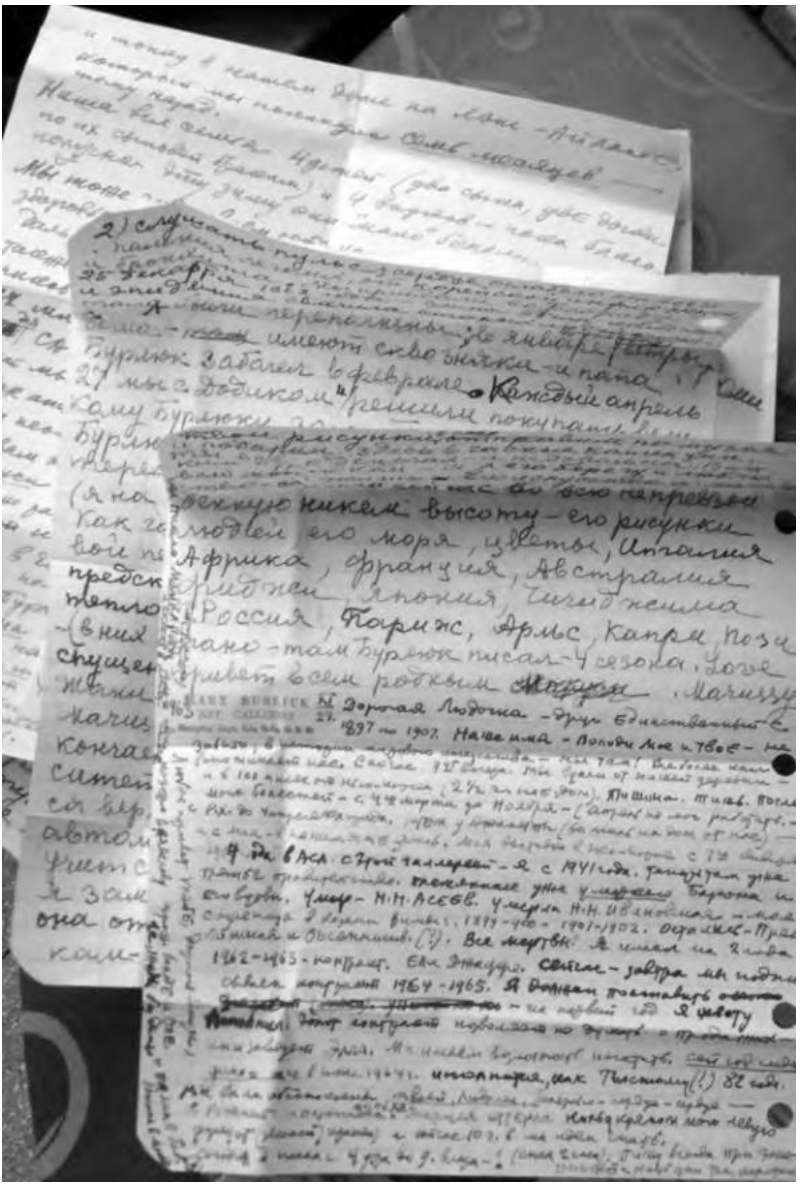
Евгений Деменок

Письма Давида и Маруси Бурлюк в Прагу

Наследие «отца российского футуризма» Давида Бурлюка составляют не только его картины, поэмы и стихи, опубликованные, в том числе, и в издававшихся им совместно с женой Марией журналах «Color and Rhyme». Большой интерес для всех любителей русского авангарда представляет и эпистолярное наследие Бурлюка – его письма и воспоминания. Рост такого интереса подчеркивается недавними публикациями писем Бурлюка и писем к самому художнику: сначала часть из них привел Ноберт Евдаев в книге «Давид Бурлюк в Америке», затем свет увидела изданная в Тамбове книга «Д.Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова».

Во время моих встреч с живущими в Праге наследниками младшей сестры Давида Давидовича Марианны Бурлюк, в замужестве Фиала, мне удалось сфотографировать ряд писем и открыток, отправленных Давидом и Марусей Бурлюк в Прагу его сестрам Людмиле и Марианне, а также мужу Марианны, чешскому художнику Вацлаву Фиале. Отправлены эти письма были как из Лонг-Айленда, так и из Флориды, где Бурлюки регулярно проводили зиму, уезжая от холодов севера. Особый интерес представляют процитированное в одном из писем стихотворение Давида Бурлюка, написанное им в 1935 году, и несколько небольших рисунков.

В одном из писем Бурлюк упоминает о том, что Эльза Триоле выслала им свою вышедшую в Париже в 1957 году книгу «Маяковский. Стихи и проза. 1913-1930». Давид Давидович и Маруся были в гостях у Эльзы Триоле и Луи Арагона

Каждый апрель
Африка, Франция, Австралия
Россия, Париж, Ормс, Капри, Позитано
Дорогая Людочка
Наташа

Вацлав Фиала. Портрет Бурлюка в Праге
1957 год

как раз после двухмесячного пребывания у родных в Чехословакии осенью 1957-го. Еще в 1956 году, когда Бурлюки впервые после долгого перерыва приехали в Россию, точнее, в СССР, Лиля Брик записала в их адресной книге парижский адрес Эльзы и Арагона: «Арагон, 18 Rue de la Sourdiere. Paris Lier». В Париже Эльза показывала Бурлюкам корректуру книги о Маяковском, которую тогда как раз вычитывала. Бурлюки познакомились с Луи Арагоном, а неутомимый Давид Давидович сделан карандашный портрет самой Эльзы Триоле.

Маруся спросила Эльзу, знает ли она что-то о дочери Маяковского – во время визита Бурлюков в СССР их неоднократно расспрашивали об этом. Эльза энергично возразила, что у Маяковского никогда не было детей. Теперь мы знаем правду о дочери Маяковского Патриции Томпсон (см. мою статью «Дочка» в 42 книге альманаха «Дерибасовская – Ришельевская»).

Эльза Триоле и ранее писала о Маяковском – ее книга «Mayakovsky. Memoirs of Elsa Triolet» вышла в Париже в 1939 году на французском, а замечательные воспоминания, в том числе и о визитах Владимира Владимировича в Париж, датированные 1956-57 годом, опубликованы в книге «Современницы о Маяковском», составителем которой выступил В.В. Катанян. Есть в этой книге и воспоминания Маруси Бурлюк – о первой встрече Бурлюка с Маяковским осенью 1911 года в МУЖВЗ; о том, как Бурлюк разглядел в нем великого поэта.

В книге о Маяковском Эльза Триоле упоминает интересную деталь, цитируя самого поэта: «Я не была непосредственным

очевидцем взлета Маяковского в звездную славу. К тому времени, когда я вернулась в Москву 1925 года, он был уже известен. Его узнавали прохожие на улице и таксисты. Люди шептали: «Смотри, это Маяковский… Вон Маяковский!» Он написал об этом в «Рожденных столицах» (1927): «Грузчик в Одессе, свалив на пароход чьи-то чемоданы, здоровается со мной без всякого обмена фамилиями и, вместо: «Как поживаете?» – валит: «Скажи Госиздату, чтобы Ленина твоего дешевле издал».

Портрет Бурлюка работы Маяковского

Упоминаемый в другом письме Иржи Тауфер издал в Чехословакии книгу «Маяковский в Праге».

В последнем из приведенных писем, датируемом ноябрем 1963 года, Бурлюк пишет о том, что он нашел письмо Майкла Голда и вклеил его в книгу. Речь идет о нашумевшей в свое время книге «Евреи без денег», автор которой, создатель «американского пролетарского романа» Майкл Голд (Ицхок Гранич) стал автором первой вышедшей в Америке биографии Бурлюка «David Burliuk: Artist-Scholar, Father of Russian Futurism» (*Давид Бурлюк: художник-исследователь, отец русского футуризма*), 1944.

Все письма Д. и М. Бурлюков, а также стихотворение Д. Бурлюка публикуются впервые.

На открытке с репродукцией картины David Burliuk «Mother and three sons», 1954, Oil 35×49. The background of this group represents a well known view to many tourists – the view of Bay of Naples, at Mount Vesuvius and Capri Town with its fantastic combination of rocks and domiciles.

Color and Rhyme series No. 11

Портрет Маяковского в Нью-Йорке работы Бурлюка

Distributed by Burliuk Gallery, Hampton Bays, L.I., N.Y.:

Burliuk Brandenton Beach. Florida. USA.

March 5. 1958.

Dearest Вячеслав, Марианночка, Людочка, Володя, Оля и внучки! Мы сегодня покупаем наши билеты (поезд) на север. 26-го марта – наш последний день на юге. Печатаем 2 номера Color and Rhyme. Много о вас наших милых и дорогих. В Париже вышла книга – *Mayakovsky. Vers et proses. Elsa Triolet*. Много о *Бурлюке* и мой портрет (можно купить в газ. L'Humanite) или (Les Editers Franc Reuni 24 rue Racine Paris VI).

Никак не соберусь ответить на письмо Вячеслава! Стыдно. Простите. Пишите еще один раз сюда во Флориду.

Письмо без даты:

Мы с восторгом вспоминаем вечера в кругу семейном и смотрим фото сделанные (нрзб.) Горном и Володей. Каталог – Мюнхена (выст.), что я забыл – очень важный – и Володя может взять себе – прислав мне в обмен что-либо *замки башни* – Чехословакии (Праги) из библиотеки Папы, чтобы *не тратиться*. Я забыл… записную книжку я забыл у вас?! Пишите о себе большие письма. Будем в переписке. Как Людмила? Как ее воспоминания? Как идет работа *Maestro*, папа дедушки Фиала.

Love Pa Ma Burliuk. David, Marussia Burliuk.

2) Маруся послала вам по-русски ее воспоминания о Фешине. Так что вы сможете читать.

Из Парижа Эльза Триолэ прислала нам ее последн. книгу *Mayakovsky Vers et proses* – там *чудесно* о Бурлюке и помещен Маяковского рисунок с меня!

Книга не затирает футуризма – она показывает Маяковского таковым…

Также писали и печатали книги о Маяковском – Taufer, Nesval, Kotalyk…

Приветы им и благодарность Оле.

Давид Бурлюк. Портрет Эльзы Триоле

Burliuk
Hampton Bays,
L.I.N.Y. USA.
March 15,
1958.

Дорогие милые Вячеслав,
Марианночка, Людочка, Оля Володя и внучки!

Вы должны простить, что так долго мы не давали весточки о себе. Как вам известно после *бурного переезда* на Квин Мэри мы прибыли 17 Дек. в Нью-Йорк. В тот же день купили билеты, «спастись от зимы» – самая холодная за много лет в САСШ; но когда на севере метели, холода, на юге 1300 миль далее от них – тоже температура понижается, льда, снега не видно, но избалованные теплом южане мерзнут и при 5-10 градусах тепла, проклиная «спутников» и «атомные бомбы». С 26го декабря по 26го марта мы здесь в таком положении. Маруся говорит: *больше во Флориду не поеду*. Она лежит сейчас на кушетке, укрытая одеялом. «На дворе» – солнце, из окна видно зеленое море Мексиканского Залива, но «холодный» ветер гнет австралийские сосны и пальмы… Уже начали петь соловьи, начали цвести лимоны, апельсины и разные чудеса ботаники. Сейчас 11 часов утра, Mrs Bettys приехала со своим автомобилем и мы поедем писать этюд за старый дом на берегу реки. При плохих условиях – пытался сделать наше лучшее.

Открытка с изображением работы Д. Бурлюка «Иван Заикин – русский богатырь». 1920 г.

Мы купили билеты 89 дол. – и едем по жел. дороге 1300 миль в Нью-Йорк. Ровно через сутки мы будем в доме Никиши в Wantag; 30 марта Davy откроет для нас воду и топку в нашем доме на Лонг-Айленде, который мы покинули *семь месяцев* – тому назад.

Наша вся семья 4 детей (два сына, две дочки по их сыновей бракам) и 4 внуков – пока благополучна. Эту зиму они «мало» болели.

Мы тоже чувствуем себя хорошо. Марусино здоровье окрепло и она может больше и дальше ходить. Галлерея – относится ко мне также не плохо. Ставит мое имя в ряду художников – «на листе». Всего 33 имени; среди их много *баловней* судьбы, (для САСШ – подходящих).

Здесь мы печатаем сейчас 2 номера 35 и 36 Color and Rhyme – стоит массу денег, но это было необходимо сделать. На ближайшей неделе мы вам вышлем № 35; там *воспоминания Маруси* о Фешине и 6 репродукций с его картин. *Также* разные разности; и 36 № Color and Rhyme – будет история нашего путешествия 1957 г. в Европу и пребывания в Чехии. – В этом номере будут портреты наших родителей и всех Бурлюков. – Пожалуйста – Яночка – отзови его *Горна* и поблагодари снова за его услугу памяти нашего клана. Бурлюков. *Хорошо что Яночка и Людочка – не пожалели* дать нам фото из своих запасников… Все это имеет цену – если идет в жизнь, становится активным, действительным не лежит в сундуке.

Конечно, за не имением средств, не мог сделать все в таком объеме как это хотелось.

Эти мои стихи (1935 г.), сост. на улице в Н. И. Маруся любит читать (декламировать)

* * *

Иду, сопровождаемый
тенями…
На темной улице ликуют
фонари
И, спрятана высокими
домами,
Бежит Луна от утренней
зари.
Как много снов свои раскрыло
крылья
И дня основ означилось бессилье…
Когда вокруг танцует хор
теней
И даль небес загадочно синее –
Любая тень – лишь чей-то силуэт,
Такой же, как толпой незнаемый
Поэт.

А. Дорогие милые Вячеслав, Яночка, Людочка Итуша! Почему нам ни Володя, наш племянник – ни чудная Оля – никогда не напишут? Оле нужно писать нам: ее английский язык будет нам очень полезен!

В. В печатаемых нами здесь 2х номерах Color and Rhyme – (35 и 36) – много материала – касательно прекрасного времени, проведенного с Вами в Чехии. Конечно, делали (подготовляли) в спешке, между делом – и многое не попало, что намеревались вставить. Конечно, еще и материальная сторона: по одежке протягивают н..жки. Маруся уже написала об исключительно (за много лет!) плохой погоде во Флориде этой зимой. О купанье не могло быть и речи, а также живопись на открытом воздухе задерживалась: холодами, ветрами, дождями и шутка (Маруся запрещает шутить говорит: у нас этого не бывает): Л……ю… *ливнями*. Сижу сейчас вечером пью из жестянки пиво (ale) и вспоминаю чудеса пивные в разных ваших тавернах….!

Об этом пытались написать в нашей истории – поездка в Чехию… И все время были с вами – то в Кутна гора, то в разных

ресторанах или в чудо-столовой милой душеньки Марианночки! Правильно недавно писал Вячеслав (дедушка!) – «это стало сном», но добавим: сном милым, чудесным, приятным. Любовь привет вам всем. Вышлите мне забытую книжку – (рисунки Карлсбада – найти здесь не мог!?)

David , Marussia Burliuk

На открытке с фотографией Air view of Bradenton, Florida, showing the city yacht basin in foreground:

To Mr. Mrs. V. M. Fiala

Praha V Czechoslovakia

March 20. 1958

Dearest Marianna Viacheslav – со *чады* и *домочадцы* (О.В.И.Я.Л). Мы доживаем во Флориде посл. неделю. Этот город Брадентон – 15 м. езды автобусом от нашего острова, где мы жили 3 мес (и живем обычно с 1946 года) зимой. Брадентон на речке Манати. Маруся купила пасхальный подарок *Марьяночке* – 5 ярдов вуали и 3 ½ ярдов тафты на платье. Послали это сейчас – *AIR MAIL*. Спасибо вам всем. Любовь привет. David, Marussia Burliuk.

Маруся начала писать вам большое письмо.

Пишет Маруся:

Мои дорогие родные нежные друзья Яночка Вячеслав Людочка Итуша. Сегодня 18 марта 1958 года. Через неделю 26 марта мы с Бурлюком уезжаем экспрессом домой в Hampton Bays L.I.N.Y. Откроем наш удобный комфортабельный дом (его мы покинули так давно 24 августа 1957 года. Зима была холодная даже и здесь во Флориде, но в нашем крохотном дачном домике есть керосиновая печка… Письмо продолжаю 20 марта. Корректура «Color and Rhyme» № 35 и 36 заняли 2 дня. В 35 – 24 стр. 36 – 16 стр. Мои дорогие вы не пишите получили ли вы манускрипт – о Н.И. Фешине он печатается по английски в № 35 с 7 репродукциями фешинских картин. Фешин умер в феврале 1956 года. Сегодня ездили с Бурлюком опять в город Брадентон – 15 миль едем басом билеты в оба конца на двоих 1 д. 80 цен. Смотреть в металле как расположили наборщики матерьял. Ветер холодный в Вашингтоне и Балтиморе выпал снег 9 инчей. Закат над океаном был цве-

та – персика а вода вся в белых перьях гигантских волн. Моя дорогая Яночка вместо капота (кто его видит только если болеешь сиделки) купили «розы» по вуалю и они же на тафте – (чехол) для тебя ты едешь летом в Европу или принимаешь гостей нарядись в него. Сшей его пышно в юбке а лиф пусть весь соберут на сборку или в складку (и юбку) это в моде у нас сейчас.

Послали по воздушной почте пиши понравилась ли материя уже на наш Hampton Bays L.I.N.Y. USA. Приехал нас проведать Жорж Бидл. Он – генерал. Был и на первой и на второй войне написал об искусстве 7 книг он Бурлюка первый знакомый в Америке, а после только переписывался с нами 35 лет и на 36 год приехал на Анну Марайю (наш остров) высокого роста (я его вижу впервые) седой, худой, любит ходить пешком по 8 миль в день, его работы во всех музеях Америки, знал лично Мери Faussat Ренуара Клода Монэ, Майоля Бурлюка и меня. Жорж с интересом слушал Бурлюка «о блестящих наших сыновьях», университет нам правоучение их стоило 8 тысч дол. (разве они не получали стипендии – удивился Жорж). Сейчас на Лонгайландской выставке акварель

Открытка с изображением работы Д. Бурлюка «Мать и три сына». 1954 г.

первый приз получил Никиша «Петухи». Будьте здоровы мои любимые Marussia Burliuk.

Пишет Маруся:

28.XI.1963

Дорогая, милая Людочка: твое письмо от 12 ноября мы получили неделю тому назад. Пять месяцев упали листьями сухими и ветер (Атлантический океан) – уносит их в лес, что через дорогу или в наш 11 акровый парк, где на сырой земле тропинок видны следу диких козуль; – они приходят пить к корыту – купанье диких птиц – я их кормлю вот уже семь лет. Из окна столовой – и Бурлюка зимней студии вижу моих летуньей и их недовольство: бросают семена на землю… И вижу их удовольствие летать, летать… Стучать крыльями в зеркальное стекло, где стоит желтое шелковое кресло – для Бурлюка. – Мы его купили с Додиком 27 апреля с.г., когда болезнь – стала давать дышать гениальному Бурлюку – он не мог от кашля – который не прекращался ни днем ни ночью – ни спать, ни есть, пил только молоко, и так продолжалось до июля месяца. Потерял 30 фунтов веса. Весь апрель мы прожили у Никиши – его жена – доктор – и это помогало мне не чувствовать одиночества, отчаяния; Жани и ночью приходила

2) слушать пульс; сердце ослабело от воспаления легких, от корейской инфлюэнции и бронхита. Мы приехали во Флориду 25 декабря 1962 года – зима была холодная и эпидемия свалила старых людей – госпиталя были переполнены; в январе во Флориде ветры, дома имеют сквозняки – и папа Бурлюк заболел в феврале. Каждый апрель 27 мы с Додиком (младшим) решили покупать великому Бурлюку «золотое – новое кресло». Бурлюк сидит в нем, читая что его интересует или я и папа смотрим (я на стуле сделанном сыном Додиком 33 года назад). Как гаснет вечерняя заря; из оранжевой переходя в ярко красную – «ветер предсказывая на утро». В доме нашем тепло – и тихо, верхние – три комнаты – (в них никто не живет и на лестнице спущен трап). Там летом обитает Жани, и красивенькая моя внучка Marussy (дочь Никиши). Она этой весной кончает гимназию и едет в университет осенью 1964 г. Marussy – любит кататься верхом на лошади, правит автомобилем, танцует и блестяще учится –

характер – ангельский, это я заметила давно: с какой любовью она относится ко всем Додика деткам – их 5 – трое идут в школу

3) а малышочки Лили – 4 ½, Алисе будет три 7 января 1964 года. Внучата мои все красивые и любят школу Додик прекрасный заботливый отец.

* * *

Бурлюк начал сегодня работать (писать) в 9 ч утра – с перерывами он занят искусством все время. Если тепло и нет ветра – Бурлюк – гуляет вокруг дома или по тропинкам – тогда и я иду с ним. В деревню на почту 1 ¾ мили в оба конца я иду не каждый день. – в нашем имении мы с Бурлюком началь 23 год… Я очень любила Михалево его дали, что звали из каждого высокого старинного окна. Дворец был построен для Анны Иоанновны, а теперь из моих верхних окон видны заливы и Атлантический; пищи всякой – горы у меня с Бурлюком. В Михалево – еды не было – не на что было ее купить, искусство Бурлюка не было нужно никому – и до сих пор в России его хранят «в подвалах музеев» – «какая сила искалечила твою непризнанную мощь». Сейчас сданы «в печать мои записи 1931 год» – всего – 500 экземпляров – «для библиотек и малых друзей и знакомых».

Твои рисунки в СССР отправим по музеям и подарим здесь в частные коллекции. Ты все о деньгах – и недовольна «Великим Бурлюком – а я его берегу и люблю всю мою жизнь, Его искусство и мастерство – стали сейчас во всю непревзойденную никем высоту – его рисунки людей, его моря, цветы, Италия Африка, Франция, Австралия, Фиджи, Япония, Чичиджима, Россия, Париж, Арльс, Капри, Позитано – там Бурлюк писал – 4 сезона. Love привет всем родным Marussy.

Далее рукой Бурлюка:

1963

XI. 27

Дорогая Людочка – друг единственный с 1897 по 1907. Наше имя – Володи мое и твое не забыто; в истории мирового искусства – мы там! Все более книг вспоминает нас. Сейчас 9-45 вечера. Мы вдали от нашей деревни – и в 100 милях от Нью-Йорка (2 ½ ч. поездом). Тишина. Тишь. После моих болестей – с 4-го марта

до ноября – (апрель не мог работать. – с Р.Х. до 4 апреля Флорида. Затем у Джанетты (60 миль их дом от нас) – и с мая – в нашем доме здесь. Моя выставка в Нью-Йорке с 7-го января 1964 года. В АСА. С этой галлереей – я с 1941 года. Теперь там уже третье правительство. Племянник уже *умершего* Барона и его вдовы. Умер – Н.Н. Асеев. Умерла Н.Н. Ивановская – моя соученица в Казани зимы: 1899 – 900 – 1901 – 1902. Остались – Преклонская и Овсянников (?). Все мертвы. Я имел на 2 года 1962-1963 – контракт. Ели Джаффе??? Сейчас – завтра мы подписываем контракт 1964 – 1965. Я должен поставить – на первый год я квоту выполнил. Этот контракт позволяет не думать о продажах – ими заведует Элла. Мы имеем возможность печатать. *Сей год сидим дома* – мне в июле 1964 г. исполнится, как Толстому (!) 82 года. Мы были обеспокоены *твоей, Людочек*, болезнью – сердце – сердце – с Россией – переписка сдохла. Маруся оттерла колба кремом мою левую руку от (зеленой) краски и сейчас 10 ч. в. мы идем спать. Сегодня я писал с 9 утра до 9 вечера – ! (спал 2 часа). Пишу всегда при электричестве – теперь дни так коротки.

Нашел письмо Майкл Голда (автор книги) мне и вклеил в книгу. Его «Жиды без денег» послал в Биб. Ленина в Москву.

Любовь привет тебе, дорогой Янусе, маэстро Вячеславу, Володе и Оле.

Татьяна Щурова

Хранить и помнить

Сегодня, попадая в Одесскую национальную научную библиотеку им. М. Горького, вы будете часто слышать имя графа Михаила Михайловича Толстого (1863-1927). В музее книги увидите большой его портрет работы известного художника Н. Кузнецова. Эту отличную копию с оригинала выполнил одесский художник В. Межевчук, она появилась благодаря спонсорскому содействию начальника торгового морского порта «Южный» В.Г. Иванова в день 170-летнего юбилея библиотеки.

Хочется надеяться, что М.М. Толстого – славного попечителя главной книжной сокровищницы Одессы, будут знать и помнить

еще много лет. И трудно поверить, что несколько десятилетий назад, в начале 70-х гг., нам, молодым библиотекарям, старшие коллеги чуть ли не шепотом рассказывали о добрых делах уникального одесского мецената, который для тогдашних чиновников был лишь «эксплуататором» и, о ужас, «эмигрантом».

Изменилось время. Мы вспоминаем, что граф М.М. Толстой был двадцать два года (1897-1919) попечителем Одесской городской публичной библиотеки, и она ему очень многим обязана.

К 100-летию вступления его в эту почетную должность в ОГНБ в декабре 1997 г. была проведена конференция. Библиографы, архивариусы, искусствоведы подняли интереснейшие материалы. Мизерным тиражом спустя три года эти исследования удалось напечатать. Полистаем небольшую книгу под названием «Страницы истории благотворительности в Одессе» (О., 2000).

В одесских адрес-календарях того давнего времени можно проследить весь спектр широкой общественной и благотворительной деятельности надворного советника, камергера, депутата одесской городской Думы М.М. Толстого. Он оставил о себе благодарную память в истории Одессы множеством славных дел, зани-

Зал графа М.М. Толстого. Внизу – фото 1910 г.

мался вопросами здравоохранения, просвещения, искусства. Толстому была присуща не показная щедрость, во все дела он вкладывал свои немалые средства. Например, он претворил в жизнь мечту своего отца об организации в Одессе станции скорой медицинской помощи, и в течение 16 лет полностью содержал ее. Уже только этот факт вносит его имя в историю города. Михаил Михайлович занимался и Городским театром (отец Толстого, напомним, был первым его директором), картинной галереей, университетом, гимназиями, лечебницами, ночлежками, приютами – все ощущали его помощь. Он также был членом Одесского библиографического общества и действительным членом совета Одесского общества изящных искусств.

По документам можно судить, что ОГПБ все-таки была его любимым детищем. Он отдавал ей много времени и сил, постоянно вкладывал большие денежные средства и… душу.

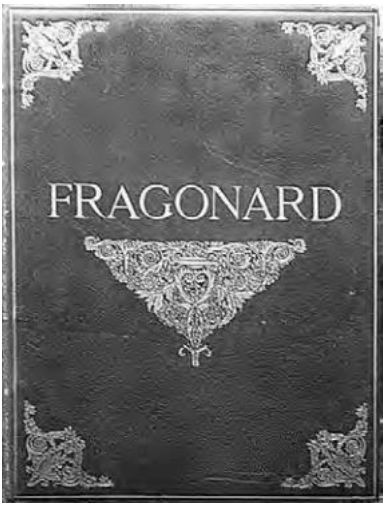
Это был удивительный попечитель. Он изучил все стороны деятельности библиотеки, установил еженедельные часы приема (это при своей-то занятости и слабом здоровье!)

A Racinet
Geschichte
Costüms
FEMINA
1911
Fashion Design
1800—1940

FEMINA
1911
LES MODES

для читателей и сотрудников, детально вникал в проблемы библиотеки, любил лично проводить экскурсии для делегаций из других городов. В течение всех 22 лет попечительства Толстой ежегодно дарил библиотеке ценнейшие издания. В отдельные годы (судя по отчетам библиотеки) количество литературы, подаренной им, превышало бюджетные приобретения.

Михаил Толстой – библиофил-гурман. Сегодня дары мецената необычайно ценны, но многие из подаренных им книг и тогда уже были раритетами и библиографической редкостью. Среди них, например, две книги Плутарха (1573), «Ревизор» Гоголя (1836) с автографом, «Атлас Российской империи» (1794), то есть изданный в год рождения Одессы, и др. Очень многие его подарки составляют коллекцию библиофильских изданий и являются гордостью отдела редких изданий и рукописей библиотеки. Часто это нумерованные издания, вышедшие очень маленькими тиражами (от 50 до 500 экз.), книги, напечатанные необычным шрифтом или на особой бумаге (японской, рисовой) с иллюстрациями, вы-

полненными вручную, вытканные шелком, как уникальный Лионский молитвенник 1887 г. и т. д. Отдельного разговора заслуживает коллекция миниатюрных изданий, также перешедшая в наши фонды из личной коллекции графа.

Толстой «одевал» подаренные книги и журналы в роскошные переплеты, правильно полагая, что ими будут пользоваться многие поколения.

Самый главный вклад попечителя в историю библиотеки – это, конечно, строительство нового современного здания для главной библиотеки города. Несколько лет он настойчиво занимался этим вопросом и благодаря инициативе и активной деятельности сумел найти «…место достаточно обширное, находящееся не в шумной части города». Архитектор Ф. Нестурх был командирован в Санкт-Петербург, Москву, Варшаву и Харьков, чтобы потом создать один из лучших проектов библиотечного здания. Оно было построено менее чем за два года (!) и торжественно открыто в 1907 г. Толстой с энтузиазмом и любовью оборудовал его прекрасной мебелью (она служит нам и сегодня), приобрел для библиотеки переплетную машину (используется по сей

день), заказал бюсты писателей для читального зала, продумал конструкцию полок для ярусов хранилища (и их тоже не заменяли более 100 лет). Понимая, что фондам со временем будет тесно, Толстой покупает на свои средства в 1909 году земельный участок по соседству с главным зданием и передает его библиотеке для строительства книгохранилища. И оно было построено в 80-е гг. прошлого столетия, хотя эстету графу вряд ли пришелся бы по вкусу проект этого «новостроя»…

В январе 1909 года одесская городская Дума единогласно избрала М.М. Толстого в почетные граждане Одессы. В Городской публичной библиотеке был открыт зал имени Толстого, который стал фактически первым музеем истории Одессы и музеем книги.

Очень грустно сложилась в дальнейшем судьба этого человека. Период 1918-1919 гг. совпал с ухудшением его здоровья. К тому времени смертельно больного графа лишили жилья и имущества. Он вынужден был покинуть Одессу, оставив навсегда все то, что ему было близко и дорого, во что он вложил не только средства, но

и душу. Сохранился документ передачи Городской публичной библиотеке всей личной коллекции литературы (трех поколений семьи Толстых), которая долгие годы собиралась в России и за рубежом. Все пожертвованные Толстым издания имеют штампы или наклейку «Дар графа М.М. Толстого».

В 1971 году в библиотеке им. М. Горького был выделен отдел искусств. В его престижной коллекции немало литературы с такими наклейками. Редкие издания по истории материальной культуры, декоративно-прикладному искусству, живописи, графике, уникальные фотоальбомы (семейные, сделанные после поездок в Европу, на курорты Крыма). Нередко среди этих книг попадаются библиофильские нумерованные издания в роскошных переплетах, напечатанные на дорогой бумаге.

Толстовский фонд включает прелюбопытные редкие издания по истории французской моды. Среди них есть жемчужины – небольшие альбомы 1911 и 1912 гг. с оригинальными акварелями известных художников, иллюстраторов моды Ж. Лепапа и А. Марти, работавших для Дома моды Поля Пуаре. Автографы художников на экземплярах № 133 и 134 из крошечного тиража, который даже не рассылался почтой, а доставлялся клиентам нарочным. Эти книжки поражают изяществом исполнения тонких рисунков, отлично представляющих стиль ар-нуво. Благодаря Толстому у нас есть также прекрасный журнал мод начала XX века «Gazette du Bon», детище того же Поля Пуаре, и т. д.

Нужно сказать, что эта литература «работает», на ней воспитаны многие поколения художников, дизайнеров, архитекторов, наконец, всех, кто интересуется историей искусства.

Имя Михаила Михайловича Толстого, к счастью, возвращено. В этом году отмечается 150 лет со дня его рождения, событие, которое дает повод напомнить одесситам о деяниях этого человека. Мы должны быть благодарны ему за наш прекрасный Храм Книги и знать, что существуют люди, обладающие редким качеством – потребностью делать добро.

Стихи воспитанников детского дома «Жемчужинка»

Прекрасному детскому дому «Жемчужинка» семь лет, а литературной студии «Вдох свободы» семь месяцев. Мне кажется, что ребятам нравится сочинять стихи и веселые рассказики, сказки, потешные истории. Станут ли они профессиональными поэтами или писателями?

Так ли это важно? Главное, что жажда творчества сохранится у них навсегда. И что они, эти ребята, которым по 9-12 лет, будут читать настоящую литературу, ведь уже сейчас они любят произведения Даниила Хармса, Юнны Мориц, Тима Собакина, Олега Григорьева, Марины Бородицкой, которая встречалась с воспитанниками «Жемчужинки» и подарила им свои замечательные детские книги. А потом от нее ребята получили письмо:

«Дорогие Макс, Артур, Дима, Вова, Рита, Миля и мальчик по фамилии Масютин, и Лолита, и Леня, и Дарья – все, кто прочел мои книжки и нарисовал такие чудесные картинки, и написал такие милые письма! Спасибо, вы меня очень обрадовали и развеселили. И хотя за окном холодная московская осень, я теперь пишу и перевожу детские книжки с летним и солнечным настроением. Будьте здоровы, читайте побольше и радуйтесь жизни!

Ваша Марина Бородицкая».

Творчество – главная радость в жизни, так ведь?

Игорь Потоцкий

Саша Гавазов

Рисунок

Я рисую небо, море, пароход,
а над пароходом реет самолет.
А под самолетом рощи и поля,
море, речка бурная и, конечно, я.

Праздничное настроение

Плавал долго я по морю,
как касатка и дельфин,
возле айсбергов я плавал
и к пиратам я приплыл.
А в Антарктике с дельфином
настоящим я дружил,
а еще дружил с медведем
белым-белым, словно снег.
Переплыл я океан,
повидал я много стран
и на лыжах покатался…
Все же праздник состоялся!

Карина Рашевская

Шутка

Я расколол орех
и вдруг их ореха вылез поэт,
из поэта – утка,
из утки – милая шутка.

Весенний вечер

И вот опять капель –
вновь к нам пришел апрель.
Бежит по небу воздух
и зажигает звезды.

Элита Билуха

Новый год

Засыпая все дороги,
в поле долго снег метет,
но метели не боится
славный мальчик – Новый год.
Жизнь прекрасна, все прекрасно,
никаких забот.
Дед Мороз уже подарки
нам с тобой несет.

Лолита Билуха

Небо, солнце, облака

Я рисую небо,
солнце, облака,
а над морем кружатся
чайки, как всегда,
а по морю синему
парусник плывет,
и за ним вдогонку
день бежит вперед.

Подснежник

Побегут ручьи весной
и снег растает вдруг.
Цветочек этот озорной –
мой самый лучший друг.
Я бережно его несу
сейчас к себе домой.
Несу его я и прошу
поговорить со мной.

Анастасия Николаенко

Дождь

Сегодня на улице дождь.
Он капает, льется
и весело смеется.
Он считает:
– Раз, два, три, четыре, пять,
я иду с ребятами играть!

Вот какой замечательный дождь!

Максим Калашников

Шутливое

Все внезапно пошло вперекось –
меня утром съел абрикос.
Абрикос был очень грустный,
ну, а я был очень вкусный.

Даня Юрченко

Вечерняя заря

Взошла вечерняя заря,
нам ничего не говоря.
Луна повисла с бантиком.
Пусть удивятся все друзья,
когда внезапно стану я
волшебником-лунатиком.

Саша Ткаченко

Метеорит

С неба упал метеорит.
Он удивительно громко гремит.
Какой у него пронзительный звук!
Будто у тысячи зимних вьюг.

Дима Суденков

Мой товарищ

Мой товарищ Саша Атошкин
мяукает громче кошки,
звенит страшнее ста комаров
и к любым приключеньям готов.

Мой товарищ Саша Атошкин,
как луна, засветился в окошке.

Феликс Кохрихт

Старая Festung*

В школьные годы я полагал (так нас учили), что самая большая из сохранившихся в Европе крепостей находится по соседству с Одессой – в Белгороде-Днестровском. Мы, юные туристы, этим очень гордились и совершали в тихий городок на лимане многодневные пешие походы.

Со временем выяснилось, что наша фортеция действительно и стара, и велика, и обладает несомненными достоинствами, но уступает по всем параметрам Фестунгу, который высится над австрийским Зальцбургом. Уже в зрелые годы я побывал здесь неоднократно, но и сегодня крепость эта полна для меня тайн и загадок, очарования и величия…

Первое укрепление на неприступной скале, возвышающейся на 120 метров над уровнем нынешнего города, возникло в глубо-

* Festung (нем.) – крепость. Помните, был такой фильм о гражданской войне – «Старая крепость»? В нашем пионеротряде полагали, что он снимался в Аккермане (он же – Белгород-Днестровский), но, как оказалось, увы, – в Каменец-Подольском.

кой древности, а в летописи оно упоминается с XI века. К XVI-му здесь командовали князья-архиепископы, олицетворявшие и духовную, и светскую власть над регионом, занимавшим важнейшее стратегическое положение в предгорьях Альп на пути в Италию. Как следует из названия города, Salzburg издавна был центром добычи соли и торговли ею.

После того как очередного князя в сутане изгнал победоносный Наполеон, да и соль стала общедоступной, этот австрийский город известен, главным образом, как родина Моцарта. Зальцбург сменил приоритеты и настолько увлекся этим ребрендингом, что в значительной степени переборщил. Нынче гениальный композитор со славной, но трагической судьбой стал, по существу, товарной маркой…

Моцарт – космос для одних, как минимум, планета.
Для других он – сувенир, круглая конфета…

Впрочем, это – отдельная тема, заслуживающая серьезного разговора, а в жанре путевых заметок заглянем в знаменитый на весь мир высоченный дом, на стене которого обозначена фамилия великого квартиросъемщика.

Хочешь не хочешь, но ты посетил
Дом, где он родился и по факту жил.
Маленькие комнаты, высокий потолок…
На горбу мужчина клавесин волок…
Кафтанчик лопнул тесный и паричок промок.
Но счастлив папа Моцарт: «Садись, играй, сынок!»

А теперь – в старую крепость: зимний день здесь короток, и скоро темнота окутает башни и стены…

Зальцбург – театр, я – преданный зритель.
Гляжу не на город, а в путеводитель.
Считаю колонны, сличаю капитель…
Подъемником – в замок, вхожу в накопитель.
Но помню, когда-то я шел по дороге
и лестниц крутых дерибанил пороги…
А нынче, о боже, какая нелепость!
В вагончике еду я в Старую крепость…

Действительно, ранее, большей частью в дивную летнюю пору, мы не спеша шагали по выложенной булыжником дороге, останавливались, чтобы перевести дух, наши австрийские спутники осеняли себя крестным знамением у маленьких часовен…

Вот так же лет 250 лет назад папа Моцарт вел за ручку малыша Вольфганга-Амадея в крепость – поклониться князю-архиепископу…

На сей раз стояла зябкая зима, времени было мало, и мы взмыли – прямо с городской площади – в кабине канатной дороги и вознаградились видом на старые кварталы и купола соборов…

Выныриваешь из вагончика – и сразу же сталкиваешься взглядом с заснеженными Альпами. То, что они рядом, мы знали и раньше, но со стен крепости это ощущалось куда убедительнее.

Пожалуй, и триумфатор Наполеон, пришедший сюда в 1880 году, мог испытать это чувство.

Вот там, где уборщик шурует лопатой,
пред боем австрийские грелись солдаты.
А рядом, где «колой» торгует дозатор,
пытливо на Альпы глядел император.
Я многое помню – и эти истории
спешу записать в кондуит территории.

На смотровой площадке установлен телескоп, и выглядит это, как кадр из фантастического фильма: как будто космонавты рассматривают с Луны земные горы… В это день никто из туристов не глядел в астрономическую увеличительную трубу, отчего происходящее слегка напоминало другую ленту о том, как никого нигде не осталось…

И в XXI веке здесь принимает насельниц Нонбург – самый старый из женских монастырей, действующих нынче в немецкоговорящих странах. Монахини выглядят весьма современно и спускаются в город по булыжному серпантину на велосипедах, правда, поднимающихся в обитель на этом же транспорте я не видел….

На территории в 30 тысяч квадратных метров когда-то кипела жизнь, решались судьбы не только местных жителей, но и соседних стран. Властелины здешних мест не подчинялись ни римскому папе, ни австрийским императорам…

О том, как они жили, какие мебель и утварь их окружали, можно узнать, бродя по залам дворца, превращенного в музей. По оставшимся фрагментам декора представляешь себе, сколь богаты и честолюбивы были хозяева спален и рабочих кабинетов, трапезных и библиотек.

По соседству расположились экспозиции, в которых представлены оружие и музыкальные инструменты: пожалуй, именно в них, как ни в чем другом, отражается стиль и пафос минувших эпох…

Каждый из нас, одесситов, ощутил здесь свое, которым воздержался поделиться на обратном пути. Рискну предположить, что Алексей Ботвинов вглядывался в старинные диковинные духовые инструменты, ощущая вибрацию воздуха, рвущегося наружу из их изогнутых «стволов», – помните, у Мюнхгаузена про замерзшие ноты…

Наши спутницы дивились изысканной пышности древних драгоценных тканей, сочувствуя тем, кто мелькал когда-то в этих потемневших от времени зеркалах.

Я же с любопытством разглядывал мундиры и амуницию офицеров австрийской армии времен императора Франца Иосифа – на миг почувствовал себя бравым солдатом Швейком и с удовольствием взял под козырек.

Прямо под крепостью, у собора, недавно установили огромный золотистый шар. Мы ахнули, увидев из крепости на его «вершине» мужскую фигурку – смельчак разглядывал нас снизу, а мы его – сверху. Спустившись в город, убедились, что паренек-то – кукла, а все это – остроумная инсталляция.

Но в крепости располагаются не только музей, собор и монастырь. Есть здесь и престижный ресторан с террасой, выходящей на Альпы, и кафе, в котором можно отведать здешние специалитеты.

Я в местную кухню хожу за границей,
чтоб пищей народною здесь насладиться.
И в Вене, и в Зальцбурге пробую шницель,
Ах, рифма славная пришла,
А с ней – блондинка милая с забавным шпицем!

Не доходя до моста через бегущую с гор речку Зальц, делящую город на две части, я заметил за узорным кованым забором одной из вилл бронзовую фигуру и узнал в ней великого дирижера Герберта фон Караяна – он здесь жил много лет.

И родилась заключительная запись в зальцбургском дневнике:

Ах, не пива, а вина белого налейте!
И сыграйте напоследок на Волшебной флейте!
Палочкой взмахнет за пультом Герберт Караян.
И Алеша позабудет турецкий барабан…

Последняя строчка нуждается в пояснении. Много лет назад Алексей Ботвинов, окончивший Одесскую консерваторию лау-

реатом Всесоюзного конкурса имени Рахманинова, был призван в армию. Ничто и никто не смогли убедить солдафонов в генеральских погонах, что народное достояние нужно беречь, а не губить. Алешу определили в военный оркестр – он должен был на большом турецком барабане отбивать такт на ежедневных караульных разводах. С тех пор мой друг с опаской поглядывает на большие турецкие барабаны. И его можно понять…

А что до напитков… Австрия и Германия различаются трудно, особенно если путешествуешь в поезде, скажем, из Мюнхена в Зальцбург. Границы толком не обозначены, язык один и тот же, архитектура и природа сходны… И все же есть надежный признак того, где ты находишься. Если Германия славится пивом, то в австрийском ресторане я настоятельно рекомендую вам вино. Лучше – белое.

Фото автора и Татьяны Вербицкой

Владимир Дроздовский

Дядя Миша

Я не спеша прохожу Соборку, перехожу булыжную мостовую, пропуская пролетающие мимо машины, и оказываюсь в начале Коблевской. На углу – небольшое кафе, такая себе местная забегаловка. На улице, прямо на асфальте, пять-семь столиков, не претендующих на изысканность, – публика, выпивающая здесь свои дежурные сто – сто пятьдесят или пару пива, непритязательна и часто знакома между собой. Солнечная осенняя погода убаюкивает и располагает к спокойному разговору, разглядыванию прохожих и просто молчаливому сидению за столиком с приятным ощущением жизни.

Дом под номером 25, дверь в подъезд с улицы. Захожу, поднимаюсь по мраморной широкой лестнице мимо дорогих дверей с переговорным устройством и табличкой с названием какой-то фирмы. На площадке второго этажа – одна дверь, еще та, старая, наверное, со дня постройки дома. Пять звонков над табличками с фамилиями жильцов. Это по-прежнему коммунальная квартира. Еле видна надпись «Смирнов». Здесь жил мой дядя. Дядя Миша. Тот настоящий одессит, моряк, балагур, простой и умный человек, про которого как будто и пел Утесов: «Ты одессит, Мишка, а это значит...».

Я подношу руку к звонку и…

1939 год. Весна. Цветут каштаны, солнце согревает город.

– Иду, иду! Нечего трезвонить! Мишка, это опять, наверное, к тебе, – Рая, жена Миши Смирнова, почти в два раза меньше его и полная противоположность ему – бойкая на язык и быстрая на действия тридцатилетняя неугомонная женщина. – Мишка! Мог бы подняться и открыть дверь, я ж не успеваю добежать с кухни!

Дело в том, что когда-то всю квартиру занимал один доктор, но после революции он уехал, а вместо него поселилось несколько семей, и отдельная большая кухня в самом конце длинного, метров на тридцать, коридора была поделена сначала по горизонтали, благо что высота потолков была 4,5 метра, а потом еще и внутренними вертикальными перегородками. Кухня Раи находилась во втором ярусе, куда вела деревянная лестница с перилами, и при звонке в дверь моя будущая тетя почти бежала открывать, при этом ворча и беззлобно поругиваясь ни на кого, даже если в этот момент Миша, которого она всегда называла Мишкой, находился в комнате, расположенной в трех шагах по коридору от входных дверей. В этом проявлялось и присущее ей любопытство, и, наверное, забота о муже. Открыв дверь, и в случае, если это был гость, она провожала его в комнату, выходящую окном и балкончиком на улицу, и тут же уносилась в свой кухонный курятник с маленьким окошком во двор – на постоянно шипящем примусе там всегда что-то варилось и жарилось.

Моряк Миша Смирнов только что вернулся из Батума (он так говорил), как пришла война. Опустевшие улицы летнего города были все же улицами той живой и неугомонной Одессы, но как бы задремавшей на время. Михаил ходил на небольшом сухогрузе то в Новороссийск, то в Батум, перевозя туда эвакуировавшиеся учреждения с семьями чиновников, многочисленными архивами и бухгалтерскими документами. Обратно везли продовольствие, боеприпасы, технику. Один из последних транспортов перед сдачей Одессы уходил октябрьским серым днем. На борту были раненные бойцы, женщины с детьми. Миша Смирнов работал мотористом. Километрах в двадцати от берега, несмотря на гул моторов, он и другие мотористы и механики, находящиеся в машинном отделении, услышали как бы хлопки, а потом почувствовали сильные удары волн о борт, отчего кто упал на пол, а кто ударился о металлические части машины. Миша выбежал на палубу и увидел, что их мирный транспорт атакуют два немецких бомбардировщика.

– Представляешь, Вовка, – рассказывал он потом мне в восьмидесятые годы, сидя в его маленькой, задымленной от жарившейся уже на газовой плите яичницы с колбасой кухне и выпитых

из маленьких гранчаков 200 граммов водки, принесенной мною из Первого гастронома на углу Преображенской (тогда Советской Армии) и Дерибасовской, – стою я на нижней палубе, немец заходит опять бросать бомбы, – ну, и даже не страшно, а интересно. И в это время на верхней палубе стояла с подносом наша буфетчица Зинка – она что-то несла капитану в рубку. Вдруг взрыв за бортом и крик. Я слышу – кричит Зинка: у нее ползадницы отсекло осколком. Я еще так удивился – крови нет, лишь белое сало. А потом все-таки потопили нас – пробили осколками несколько отсеков, и вода начала потихоньку просачиваться в машину. Заглушив двигатели, вся команда и пассажиры надели спасательные жилеты и стали по трапу спускаться в море. Шлюпок хватило только на раненых и детей. Капитан успел связаться с берегом и передать координаты нашего судна. В общем, Вовка, где-то около часа болтались мы в холодной воде, пока нас не пришел спасать военный катер. Потом спиртом внутрь и снаружи в виде растираний нас возвращали к жизни.

Уже в сорок втором стояли мы на ремонте в Новороссийске. Молодые, есть постоянно хочется, а паек маленький. Стали мы брагу из чего только можно делать. Так вот. Стоит бочка большая в машинном отделении – механики глаза на это дело зарывали, – бродит, дух по всему пароходу идет, а мы в свободную минуту по очереди подбегаем, наливаем в кружки густую жидкость и дуем залпом. И начинается потом звуковое кино – животы вздутые, в башке весело, будто и не война вовсе, и не голодно, а все, кто брагу пил, – пер...т и сами друг с друга смеются, у кого громче выходит!

Война закончилась, и стал ходить Михаил в загранку. Все, что можно, увидел он в то время, когда и перед поездкой в Болгарию проверяли чуть ли не в десятом поколении.

Приходя иногда к дяде Мише в гости, слушая его рассказы и рассматривая привезенные издалека цветные открытки, я покидал мысленно пространство комнаты и оказывался то стоящим в Индии перед величественным Тадж-Махалом, ощущая величие мироздания, то прикрывал глаза от слепящего солнца у подножия пирамиды фараона в Египте, то представлял бои гладиато-

ров и слышал гул трибун в римском Колизее, сидел за столиком бистро в Париже на Монмартре, глядя на иллюминированную тысячами огней Эйфелеву башню и слушая парящее в вечернем воздухе бессмертное «Парам, парам, парам…» Эдит Пиаф.

А дядя Миша продолжал:

– Видел я, Вовка, как поднимается яркое большое солнце над Тихим океаном, как внезапно набегают черные тучи, предвестники шторма, а после судно падает с волны вниз, как в бездну, и ветер ревет так, что не слышно никого и ничего вокруг.

В рассказах о женщинах разных стран чувствовалось большое знание предмета рассказчиком, и подозрения на сей счет тети Раи были явно небезосновательны. Но все это не мешало их семейному кораблю двигаться в одном направлении без сильных бурь.

Ходил Михаил Антонович Смирнов на разных судах до начала семидесятых. Потом ушел на пенсию. Работал на заводе токарем. Шли годы. Старел дядя Миша, я взрослел, но все так же с удовольствием изредка приходил к нему поговорить, а вернее, послушать его никогда не повторяющиеся рассказы из большой, трудной, но такой одесской жизни. В один из моих приходов к нему он подарил мне на память золотые часы марки «Луч».

В начале девяностых он заболел и стал с трудом передвигаться по квартире, но обязательно каждый день выходил на небольшой балкончик, садился на стул и подолгу смотрел вниз на людей.

– Ты представляешь, – говорила мне тогда тетя Рая, – этот старый кобель и с балкона умудряется заглядывать бабам под юбки!

На что дядя Миша хитро подмаргивал мне и улыбался: мол, ничего, Вовка, все нормально!

В 1992 году его не стало, тетя Рая переехала жить к родственникам, и в их комнате поселились другие жильцы.

Рука моя все еще была возле звонка с надписью «Смирнов. Зв. 3 раза». Сняв подаренные дядей Мишей часы, я в который раз прочел выученную давно наизусть выгравированную на них надпись «Михаилу Антоновичу Смирнову в день выхода на пенсию от машинной команды теплохода «Башкирия». Август 1973 года».

Феликс Зигельбаум

«Поэт моей боится тени...»

Происходит

Со мною вот что происходит:
На мой концерт поэт не ходит,
И графоман за ним не ходит;
И их – толпа, а не один…

Литературный пароходик
К моим причалам не подходит,
Моих начал он не находит
(Моей надежды господин).

Поэт моей боится тени,
А графоман готовит пени,
А пароход по кличке «Гений» –
Мой дух кормой готов топить!

На вечер мой – в вечерней лени –
На фейерверки откровений,
На нежный дождь «а-ля Есенин»
Сторонним проще приходить!..

Перекресток

Есть два закона у души:
Где боль – там плод, где май – там вьюга.

И мы с тобою хороши,
Не полюбившие друг друга…

И у Вселенной есть края –
Они, должно быть, свойство круга…
Как все-таки душа твоя
В моей не отыскала друга?!

Есть две дороги у души:
Дорога в ночь, дорога выжить.
И вечность-пес на них лежит,
И вечный перекресток лижет…

О вкусах

Литературное кафе…
Тут вкус чернильный в разном кофе.
Не повара – клиенты профи
Литературного кафе.
Бессмертных и смертельных строк
Создатели вблизи пирожных
Сквозь дым гудят на невозможных
Своих наречьях, давят сок
Из ручек в маленький блокнот,
Как пчелки из себя мед в сот.

На всё кафе есть котофей…
И весь как есть кофейной масти,
Не пишет ничего – и счастлив
От жизни собственной своей…

Германия

Владимир Трухнин, Ирина Полторак

Из архива «Городка»

Заказчик всегда прав

В парадном на 5-м этаже у окна, выходящего на улицу, стоят двое поддатых мужиков. Рядом мешочек с крупой.

1-й. Такой халтуры у меня еще не было! Тоже мне работа – молодоженам на голову крупу бросать. Будешь помогать.

2-й. Крупу на голову? Странно… А молодожены – это кто?

1-й. Ну... Мужик в черном и баба в белом.

2-й. Понял... А заказчик кто?

1-й. Ихний сосед по квартире. Говорит, как они в дом входить будут – кидайте. О! Идут! Давай кидай!

1-й раскрывает мешочек и начинает сыпать вниз крупу.

2-й. Эх, блин, интеллигенция!.. (*Хватает два кирпича, лежащие на полу под окном, и бросает их вниз, снизу слышны вопли*.)

1-й. Ты что?!

2-й. Вот это ж другое дело! А от той крупы никакого толку не будет!.. Быстро погнали отсюда! Заказ выполнен!

Лучше поздно, чем никогда

В отделение полиции входит старая бабулька и обращается к дежурному.

Бабулька. Примите от меня заявление. Вчера я гуляла в городском парке и потеряла… и потеряла…

Дежурный. Что, бабуля? Вязание? Кошелку? Собачку?

Бабулька. Какую еще собачку? Честь я потеряла! На меня напал мужчина и это… лишил меня…

Дежурный. Ну, вы даете, бабуля…

Бабулька. А вы не хамите, молодой человек, а пишите, чтоб все было официально зафиксировано!

Дежурный. Пишу, пишу: 15 числа… В котором часу?

Бабулька: В 2 часа ночи.

Дежурный. Когда?! Бабуля, пораньше надо было в парке гулять!

Бабулька. Так я и раньше гуляла! Только не получалось ничего…

Тройной юбилей

Радостная жена и несчастного вида муж сидят вдвоем за праздничным столом. Жена смотрит на часы и поднимает бокал.

Жена. Подумать только, сегодня у нас тройной юбилей.

Муж. О господи! Опять ты об этом!

Жена. В это мгновенье исполняется ровно двадцать лет с того дня, как мы познакомились, через минуту исполнится ровно двадцать лет, как мы впервые поцеловались, а еще через минуту – двадцать лет, как зародилась жизнь нашего сына. Ты помнишь этот день? Этот лифт, застрявший между этажами?

Муж. Ну еще бы! Такое не забудешь, как ни старайся!

Жена. В тот миг, когда я увидела твои блестящие глаза, ощутила твое горячее дыхание, твои жаркие руки, я сразу поняла, что это была страстная любовь!

Муж. Сколько можно тебе говорить! У меня была температура! Это была не страстная любовь, а страшный грипп!

Жена. А двадцать лет нашей совместной жизни и трое детей – это что?

Муж. Это? Это осложнения после гриппа...

Р-р-р-разговорчики!

– Ваша жена жалуется, что вы с ней не спите уже 20 лет.
– Не совсем так. Я-то с ней сплю. А вот она со мной – нет…
– Как это?!..
– Ну, я сплю, но при этом храплю.

– Я сейчас лечусь. Не могу ни пить, ни курить, ни в ресторан пойти, ни за женщинами поухаживать.
– Да ты что? Такая серьезная болезнь?
– Да нет. Просто доктор столько с меня дерет, что ни на что другое денег уже нет.

Тоже мне новости

На заседании Московской городской думы. Депутат Иванов напомнил собравшимся, что каждую зиму Москва-река покрывается толстым слоем льда, и предложил категорически потребовать у мэра прекратить тратить столько денег на ерунду.

В Московской городской думе состоялось заседание о праздничном убранстве столицы. Депутат Иванов напомнил собравшимся, что звезды Кремлевских башен горят всю ночь, и выразил удивление, что рядом в Кремле такая куча людей, а лампочку потушить некому.

Дальнейшее развитие получила идея объединения России и Белоруссии. Наряду с прозрачными границами предлагается сделать также прозрачный флаг и прозрачный герб.

На заседании Государственной Думы снова обсуждался вопрос о телецензуре, в частности, об эротических моментах на экране. Депутаты впервые пришли к единодушному мнению, которое и было четко сформулировано в проекте постановления. В нем говорится: «Мы категорически против секса на экране, потому что сексом на экране телевизора заниматься, во-первых, неприлично, а во-вторых, неудобно».

Владимир Трухнин, Ирина Полторак

Из архива «Городка»

Заказчик всегда прав

В парадном на 5-м этаже у окна, выходящего на улицу, стоят двое поддатых мужиков. Рядом мешочек с крупой.

1-й. Такой халтуры у меня еще не было! Тоже мне работа – молодоженам на голову крупу бросать. Будешь помогать.

2-й. Крупу на голову? Странно… А молодожены – это кто?

1-й. Ну... Мужик в черном и баба в белом.

2-й. Понял... А заказчик кто?

1-й. Ихний сосед по квартире. Говорит, как они в дом входить будут – кидайте. О! Идут! Давай кидай!

1-й раскрывает мешочек и начинает сыпать вниз крупу.

2-й. Эх, блин, интеллигенция!.. (*Хватает два кирпича, лежащие на полу под окном, и бросает их вниз, снизу слышны вопли*.)

1-й. Ты что?!

2-й. Вот это ж другое дело! А от той крупы никакого толку не будет!.. Быстро погнали отсюда! Заказ выполнен!

Лучше поздно, чем никогда

В отделение полиции входит старая бабулька и обращается к дежурному.

Бабулька. Примите от меня заявление. Вчера я гуляла в городском парке и потеряла… и потеряла…

Дежурный. Что, бабуля? Вязание? Кошелку? Собачку?

Бабулька. Какую еще собачку? Честь я потеряла! На меня напал мужчина и это… лишил меня…

Дежурный. Ну, вы даете, бабуля…

Бабулька. А вы не хамите, молодой человек, а пишите, чтоб все было официально зафиксировано!

Дежурный. Пишу, пишу: 15 числа… В котором часу?

Бабулька: В 2 часа ночи.

Дежурный. Когда?! Бабуля, пораньше надо было в парке гулять!

Бабулька. Так я и раньше гуляла! Только не получалось ничего…

Тройной юбилей

Радостная жена и несчастного вида муж сидят вдвоем за праздничным столом. Жена смотрит на часы и поднимает бокал.

Жена. Подумать только, сегодня у нас тройной юбилей.

Муж. О господи! Опять ты об этом!

Жена. В это мгновенье исполняется ровно двадцать лет с того дня, как мы познакомились, через минуту исполнится ровно двадцать лет, как мы впервые поцеловались, а еще через минуту – двадцать лет, как зародилась жизнь нашего сына. Ты помнишь этот день? Этот лифт, застрявший между этажами?

Муж. Ну еще бы! Такое не забудешь, как ни старайся!

Жена. В тот миг, когда я увидела твои блестящие глаза, ощутила твое горячее дыхание, твои жаркие руки, я сразу поняла, что это была страстная любовь!

Муж. Сколько можно тебе говорить! У меня была температура! Это была не страстная любовь, а страшный грипп!

Жена. А двадцать лет нашей совместной жизни и трое детей – это что?

Муж. Это? Это осложнения после гриппа...

Р-р-р-разговорчики!

– Ваша жена жалуется, что вы с ней не спите уже 20 лет.
– Не совсем так. Я-то с ней сплю. А вот она со мной – нет…
– Как это?!..
– Ну, я сплю, но при этом храплю.

– Я сейчас лечусь. Не могу ни пить, ни курить, ни в ресторан пойти, ни за женщинами поухаживать.
– Да ты что? Такая серьезная болезнь?
– Да нет. Просто доктор столько с меня дерет, что ни на что другое денег уже нет.

Тоже мне новости

На заседании Московской городской думы. Депутат Иванов напомнил собравшимся, что каждую зиму Москва-река покрывается толстым слоем льда, и предложил категорически потребовать у мэра прекратить тратить столько денег на ерунду.

В Московской городской думе состоялось заседание о праздничном убранстве столицы. Депутат Иванов напомнил собравшимся, что звезды Кремлевских башен горят всю ночь, и выразил удивление, что рядом в Кремле такая куча людей, а лампочку потушить некому.

Дальнейшее развитие получила идея объединения России и Белоруссии. Наряду с прозрачными границами предлагается сделать также прозрачный флаг и прозрачный герб.

На заседании Государственной Думы снова обсуждался вопрос о телецензуре, в частности, об эротических моментах на экране. Депутаты впервые пришли к единодушному мнению, которое и было четко сформулировано в проекте постановления. В нем говорится: «Мы категорически против секса на экране, потому что сексом на экране телевизора заниматься, во-первых, неприлично, а во-вторых, неудобно».

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

«Александра Николаевна Тюнеева».
Сборник материалов
Составители Л. Арутюнова,
Л. Бурьян, Т. Щурова
Одесса, ОННБ им. Горького, 2012

Эта книга – дань памяти нынешних сотрудников библиотеки своей предшественнице, рыцарю книги Александре Николаевне Тюнеевой.

В ней сочеталась глубокая образованность и широчайший круг интересов, следование этическим нормам, самой себе поставленным, и расположенность к людям, талант просветительницы, искренность в вере…

Можно было бы подумать, что она родилась на два десятка лет позднее, чем следовало, что ее жизнь сложилась бы удачливее, ярче. Но Александра Николаевна жила в то время, которое ей было предназначено, и старалась сделать все, что было в человеческих силах.

В ее доме, в доме ее мужа Бориса Тюнеева учился Святослав Рихтер, в ее доме собирались запрещенные советской властью

ученики Р. Штайнера – антропософы. Но в ее доме был воспитан их сын Юрий, воевавший с фашистами, а сама А.Н. Тюнеева и от «красных» в двадцатые годы, и от «коричневых» в годы Великой Отечественной войны спасла книжные фонды, не разделяя их по политическим предпочтениям. Книги – свидетельство времени, а свидетельства должны оставаться.

Добавлю, что мне как одному из авторов воспоминаний об Александре Николаевне Тюнеевой (1888-1984) кажется, что все мы выполнили долг памяти, и что эта книга лишь начало воскрешения имени великой подвижницы.

Одесса в море гор.
От Жеваховой горы до Эвереста
Одесса, 2012

Этот прекрасно изданный сборник очерков, воспоминаний посвящен 75-летию альпинизма в Одессе, а точнее – людям разнообразных профессий, для которых горы стали необходимым условием существования на Земле. Горы воспитывали характер, учили коллективизму, созидали личности. И как оказалось, восхождения научили многих из них писательскому ремеслу, фотографическому искусству.

Горжусь тем, что знаком со многими героями и авторами этой книги – от Александра Блещунова до Валентина Симоненко, от Юры Могилевского до Вадима Свириденко, от Мстислава Горбенко до Виталия Томчика. О каждом из них можно написать «повесть о настоящем человеке», жаль, конечно, что на всех не хватит Борисов Полевых, но среди альпинистов – высокопрофессиональный поэт и очеркист Валерий Бодылев, ему и карты

в руки (имею в виду географические карты, а не игральные, чтобы не смущать Валерия).

Но, пожалуй, меня больше всего удивило, что «Марш одесских альпинистов», который должен исполняться «медленно с безысходным оптимизмом», написал мой друг и коллега Семен Лившин, а я об этом узнал только из этой книги. Начинается он так: «Упрям наш нрав, и шаг наш скор, нас не пугает склон скалистый, хоть Бог не дал Одессе гор, зато он создал альпинистов».

Набережная рассветов
Авторы-составители –
А. Шатагина и Е. Шатагина
Одесса, Астропринт, 2013

Вторую книгу памяти известных ученых Я.М. Штеренштейна и А.А. Ханонкина выпускает этот авторский дуэт. О первой – «На площади Времени», изданной «Астропринтом» два года назад, рассказывал наш альманах.

И вновь хочется воздать похвалу и уважение детям, внукам, исследующим творчество родных им людей, пропагандирующим их изыскания, находящиеся в архивах забытья, а то и неопубликованные работы.

В новой книге меня больше всего привлекли добрые, теплые, точные воспоминания Якова Штеренштейна о людях, прошедших, как и он, войну, о людях, поднявших после войны порт, пароходство, Одессу. А в работах Александра Ханонкина не только не потеряли значения, но, мне кажется, становятся все актуальнее вопросы оползневых процессов, моделирования землетрясений…

Отдельно хочу подчеркнуть, книга оформлена портретами работы Саши Шатагиной, дочери Я.М. Штерентейна

и жены А.А. Ханонкина. Она своеобычный художник, со своим почерком, и хотелось бы помимо репродукций в книгах увидеть ее картины на выставках. Во всяком случае, Всемирный клуб одесситов всегда готов представить ее творчество зрителю.

Издано в Киеве

Елена Лебедева
Картины в стихах
Киев, Мастер-класс, 2013

Это настолько красивая книга с мурлыкающими картинками, что трудно удержаться, чтобы целиком – страница за страницей – не репродуцировать ее в нашем альманахе. Но, во-первых, книга сплошь цветная, а во-вторых, приоткрою тайну: в июне в зале Всемирного клуба одесситов мы увидим выставку этих «кошачьих картин», которые Елена Лебедева привезет из Белгорода-Днестровского. Кстати, это будет вторая ее выставка живописи и графики в Клубе.

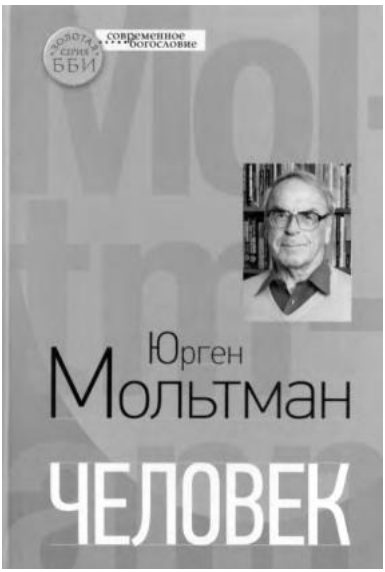
Необычна книга еще и тем, что не только картины, но и тексты написала Елена Лебедева.

Приведу самый короткий из текстов в расчете на то, что зритель и читатель придут во Всемирный клуб одесситов в июне на выставку Елены Лебедевой:

То ли птица, то ли рыба…
А скажите, вы могли бы
Где-то в воздухе парить
И, как рыба, в море плыть?

Кстати, книги Е. Лебедевой выходят для детей большими тиражами, но мне кажется, они предназначены и взрослым, особенно тем, кто любит животных.

Издано в Москве

Юрген Мольтман
Человек
Перевод с немецкого
Николая Полторацкого
и Натальи Полторацкой
Москва, Издательство ББИ, 2013

Возможно, эта книга не попала бы в наш обзор, так как современное богословие – достаточно сложная специфическая тема. И все же книга сама по себе выдающаяся – это книга гуманиста, а что греха таить, мы живем в век, когда антигуманизм стал идеей многих социальных движений.

По Мольтману, христианское виденье человека ориентировано на распятого Христа: «Распятый воплощает новую человечность, соответствующую Богу, среди отношений бесчеловечности, противостоящих Богу».

Но важнее для меня была не сама книга, а ее переводчики. Издательство сделало специальное приложение к тексту книги, озаглавив его «Н.А. Полторацкий как свидетель веры». Эту статью написали дочь Николая Алексеевича Полторацкого Анна Полторацкая и его духовный ученик, социолог Александр Панков.

Трудно переоценить значение Николая Алексеевича Полторацкого в культурной и духовной жизни Одессы 60-80-х годов, по мне, он был не только свидетелем веры, но и носителем гуман-

ности, умевший словом поднять дух, дать каждому возможность понять, ощутить значимое понятие – Человек.

Юрий Олеша
Зависть. Три толстяка.
Воспоминания. Рассказы
Библиотека всемирной литературы
Предисловие и примечания
Ирины Озерной
Москва, Эксмо, 2013

Наконец-то! И Юрий Карлович Олеша вошел по праву в Библиотеку всемирной литературы. Основные тексты ценителям литературы известны. Но – только основные. Советую обратить внимание на ряд рассказов, которые не включены в предыдущие издания избранного, к примеру, на «Ангел». Советую прочесть главы – истоки «Зависти», которые Ирина Озерная ввела в примечания, стихотворение «Рай», которое Ирина Озерная включила в предисловие. К сожалению, когда-то, выпуская в Одессе сборник стихов Ю. Олеши «Облако», я не знал этого стихотворения.

Особых слов заслуживает подвижнический труд Ирины Озерной. Многие годы изучая творчество писателя, она готовит для ЖЗЛ книгу о его жизни и творчестве. Но уже вышедшая в этом томе ее статья «Линии судьбы попутчика Занда» в два (!) печатных листа – это уже маленькая монография о творчестве писателя, калеченного, но не сломленного советской властью. И хоть статья И. Озерной в десять-двадцать раз меньше книги А. Беленкова, думаю, она трезво ответила на все его обвинения, направленные, как мне думается, советской литературе вообще,

а не Ю.К. Олеше. Постоянным читателям нашего альманаха напомню, что фрагмент этого предисловия был опубликован в предыдущем номере.

Жаль лишь, что в этот том не вошла «Книга прощания». Не знаю, как кого, меня вариант «Ни дня без строчки» устраивает меньше.

Издано в Петербурге

Людмила Миклашевская
Повторение пройденного
Санкт-Петербург, Издательство журнала «Звезда», 2012

В Интернете прочитал, что стараниями редактора «Звезды» Якова Гордина опубликована мемуарная книга вдовы режиссера Константина Миклашевского Людмилы Миклашевской. Тут же позвонил и сообщил об этом заведующей отделом искусств библиотеки имени Горького Татьяне Щуровой. Ведь она писала о Миклашевском в Одессе, о его театре, его школе.

И вот благодаря все тому же Интернету книга пришла в Одессу к Татьяне Васильевне, а я получил «право первой ночи» на чтение.

Удивительная судьба. Девушка из одесской еврейской семьи выходит замуж за дворянина Миклашевского. Круг ее знакомых в Петербурге, Москве, потом в Париже – интеллектуальная элита. Возвращение в Россию. А затем ГУЛАГ, а затем… Нет, не буду пересказывать книгу. Все это можно было предвидеть или провидеть.

Но что мама Люды покупала вещи только в магазинчике портновского приклада Георгия Дзюбина, что его жена Ида – подруга ее мамы, а соответственно, маленький Эдя Дзюбин, еще не выросший в Эдуарда Багрицкого, ходит на Успенскую к ним играть в шашки… Признаюсь, это самые ранние воспоминания об Эдуарде Багрицком, которые мне пришлось читать.

А все остальное – о театре. И не только о театре, а обо всей нашей жизни…

Издано в Германии

Роман Кожухаров
Путь Владимира Нарбута
Издательство «Lambert», 2012

Роман Кожухаров – писатель и ученый, живет в Тирасполе. Мы познакомились недавно в Одесском литературном музее. Оказалось, я в 2011 году републиковал изданную в Одессе в 1920 году книгу В. Нарбута «Плоть», а Кожухаров защитил о Нарбуте диссертацию и издал о нем в 2012 году в Германии книгу… У него их было с собой две – одну он подарил музею, другую – мне.

Мы с Кожухаровым безусловные союзники, ведь среди поэтов-акмеистов, а это Гумилев, Ахматова, Мандельштам, Зенкевич, свое очень достойное место было у Владимира Нарбута. То, что он не «воскрешен» в читательском сознании, – вина литературоведов и издателей, беда – читателей. Но, думается, время Нарбута придет. И книга Р. Кожухарова – тому порука.

А пока хочу напомнить, что Владимир Нарбут родился 14 апреля 1888 года – 125 лет тому назад, а погиб в лагере на Колыме 14 апреля 1938 года – 75 лет назад. Зловещее совпадение – его расстреляли в день его пятидесятилетия…

Апрельское заседание студии «Зеленая лампа» при Всемирном клубе одесситов мы посвятили этому поэту. Своими материалами поделились сотрудники Литературного музея, стихи прочли почитатели поэзии.

Вот к какому решению привела нас книга Романа Кожухарова.

Содержание

От редакции 3

Международный литературный фестиваль в Одессе

Юрий Арабов
Перемена погоды 6

Тина Арсеньева
Из цикла «Благослови мимоидущего» 10

Александр Архангельский
Герой Второго Уровня: фрагмент пропущенной главы 13

Дмитрий Бак
«Не дотянуться до нового солнца...» 18

Ирина Беньковская
«Запоминай движенья...» 21

Белла Верникова
Карменсита-Маргарита 28

Игорь Волгин
«Се – двадцать первый продвинутый век...» 30

Евгений Голубовский
Автограф Владимира Маяковского 35

Андрей Дмитриев
Наша дань ее величеству 40

Михаил Жванецкий
Отец мой, врач мой! ... 43

Ольга Ильницкая
Тайный ход не скажу куда ... 48

Сергей Калмыков
Два прикосновения к памяти поэта ... 55

Елена Касьян
«И уже многоточья легли в пробел...» ... 59

Александр Мардань
Отдельная история ... 63

Борис Мессерер
Промельк Беллы ... 78

Лев Оборин
Бесстыдство ... 88

Андрей Родионов
Всё натюрморт ... 91

Анна Стреминская
«Затеряться в маленьком городе...» ... 94

Валерий Хаит
Гердт читает стихи ... 97

Борис Херсонский
Переводы из Звиада Ратиани ... 107

Леонид Юзефович
Современный роман: проект или прозрение? ... 111

Вадим Ярмолинец
Три рассказа ... 116

История, краеведение

Сергей Решетов
Российский императорский дом –
представители и родственники в метрических книгах ГАОО ... 122

Ева Краснова, Анатолий Дроздовский
«Новости» одесской коллекции 139

Галина Семыкина
Одесские очерки П.П. Свиньина 151

Леонид Авербух
Ахилл – атомный шпион 168

Михаил Пойзнер
Награда нашла героя? 190

Одесский календарь

Олег Губарь
Улица пробует голос 198

Юрий Дикий
Новосельского угол Дворянской 218

Искусство – жизнь – искусство

Сергей Лущик
«Одиночество» художника Нилуса 228

Людмила Сауленко
Возвращение к «Святому Луке» 254

Алена Яворская
«Вот я и в Париже – первом городе мира...» 260

Евгений Голубовский
Открытая дверь к Хрущику 274

Феликс Кохрихт
Рыбка по имени Хрущик 279

Катя Пименова
«Днем он был демоном, а ночью – ангелом» 283

Анатолий Баканурский
Еврейский театр в Одессе 287

Публикации

Евгений Голубовский
«Стихи бессмертные писал» 312

Таисия Соколова
Воспоминание о Пушкине 313
Публикация Леонида Рабиновича

Олег Губарь
Одесские Соколовы 314

Евгений Деменок
Письма Давида и Маруси Бурлюк в Прагу 316

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова
Хранить и помнить 330

Первые шаги

Стихи воспитанников детского дома «Жемчужинка» 340

Путешествие

Феликс Кохрихт
Старая Festung 346

Ах, Одесса

Владимир Дроздовский
Дядя Миша 354

Феликс Зигельбаум
«Поэт моей боится тени...» 358

Владимир Трухнин, Ирина Полторак
Из архива «Городка» 360

Издано...

Евгений Голубовский
Книжный развал. 364

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

